

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 5 (71). № 4

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2019

Учредитель – ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»
 Печатается по решению Научно-технического совета ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»,
 протокол №8 от 6 декабря 2019 г.

Редакционная коллегия журнала «Ученые записки Крымского федерального университета имени
 В. И. Вернадского. Филологические науки»:

Богданович Г. Ю. – д. филол. н., проф.
(главный редактор)

Александрова И. В. – д. филол. н., проф.
 Боргоякова Т. Г. – д. филол. н., проф.
 Борисова Л. М. – д. филол. н., проф.
 Гуменюк В. И. – д. филол. н., проф.
 Гуменюк О. Н. – д. филол. н., доц.
 Джумайло О. А. – д. филол. н., доц.
 Дзыга Я. О. – д. филол. н., доц.
 Дзюба Е. В. – д. филол. н., доц.
 Жамсаранова Р. Г. – д. филол. н., доц.
 Злобина Н. Ф. – д. филол. н., проф.
 Керимов И. А. – д. филол. н., проф.
 Короченский А. П. – д. филол. н., проф.
 Курьянов С. О. – д. филол. н., проф.
 Левицкий А. Э. – д. филол. н., проф.
 Маркова Е. М. – д. филол. н., проф.
 Маслова В. А. – д. филол. н., проф.
 Меметов А. М. – д. филол. н., проф.
 Нахимова Е. А. – д. филол. н., проф.

Ненарокова М. Р. – д. филол. н.
 Орехова Л. А. – д. филол. н., проф.
 Осьминина Е. А. – д. филол. н., проф.
 Петренко А. Д. – д. филол. н., проф.
 Петров А. В. – д. филол. н., проф.
 Пономаренко И. Н. – д. филол. н., доц.
 Потапова С. Ю. – д. филол. н., проф.
 Савченко Л. В. – д. филол. н., проф.
 Селендили Л. С. – д. филол. н., проф.
 Скороходько С. А. – к. филол. н., доц.
 Сменяха В. В. – д. филол. н., доц.
 Солопова О. А. – д. филол. н., проф.
 Супрун В. И. – д. филол. н., проф.
 Титаренко Е. Я. – д. филол. н., проф.
 Усеинов Т. Б. – д. филол. н., проф.
 Федотов О. И. – д. филол. н., проф.
 Хазанкович Ю. Г. – д. филол. н., проф.
 Шилина А. Г. – д. филол. н., проф.
 Яблоновская Н. В. – д. филол. н., проф.
 Ященко Т. А. – д. филол. н., проф.
Егорова Л. Г. – к. филол. н., доц.

(ответственный секретарь)

«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки» включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» ВАК РФ с 20.07.2017 (№ 2168) по группам специальностей: 10.01.01 – Русская литература (филологические науки), 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (с указанием конкретной литературы или группы литератур) (филологические науки), 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) (филологические науки), 10.01.08 – Теория литературы. Текстология (филологические науки), 10.01.09 – Фольклористика (филологические науки), 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи) (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание (филологические науки), 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика (филологические науки)

Подписано в печать 6.12.2019. Формат 70х100 1/16.

Заказ № НП/191. Тираж 50. Усл. печ. л. 12,9. Бесплатно.

Дата выхода в свет

Отпечатано в управлении редакционно-издательской деятельности
 ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского» 295051, г. Симферополь,
 бул. Ленина, 5/7 <http://sn-philol.cfuv.ru>

© Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 2019 г.

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.111

ЖАНРОВЫЙ ГЕНЕЗИС И МОДИФИКАЦИИ РОМАНОВ ДЭНИЕЛА СИЛВЫ О ГАБРИЕЛЕ АЛЛОНЕ

Асанова Э. Р.

Институт иностранной филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия
E-mail :elzara.ru.90@mail.ru

В статье осуществлено обзорное исследование авторских стратегий по формированию жанровых предпочтений в творческом наследии Д. Силвы – современного американского писателя, автора двух десятков бестселлеров – шпионских романов с героем Габриелем Аллоном. В родовом отношении произведения автора соответствуют эпическим критериям – взаимоосвещение изображающей и изображенной речи; фрагментарность; дистанцированность события рассказанного от события рассказывания. При этом на повествовательном уровне прослеживается «сценичность», что также характеризует эпические родовые отношения в их эволюции от канонических к неканоническим жанровым формам. Осмысление жанрового генезиса сочинений Д. Силвы приводит к выводу о синтезе эпических и романских истоков. Исходя из трехчастной структуры жанра, предложенной М. Бахтиным, произведения Д. Силвы презентуют романную «стилистическую трехмерность» с преобладанием «двуголосого слова»; эпического «готового» героя с мифической родословной (Габриель Аллон), призванного совершить «подвиг» – «реставрировать», восстановить границы, вернуть баланс в соотношение Порядка и Хаоса, остановить мировое зло в виде международного терроризма; формирование синтетической романно-эпической действительности, которую авторское сознание выстраивает по запросу читательского в соответствии с «отреставрированными» мифологическими представлениями, где граница между «абсолютным прошлым» и «незавершенным настоящим» нивелируется под угрозой реального зла. Для реализации так понятых жанровых стратегий авторским сознанием актуализированы потенции жанровых модификаций детектива, триллера, саспенса, шпионского и политического романов, что привело к созданию гибридной жанровой формы, тематически более близкой к шпионскому роману. Произведения Д. Силвы принадлежат к массовой литературе в том смысле, что ориентированы, действительно, на обширную читательскую аудиторию, способную осознать причины нестабильности глобализованного мира и осуществить попытку поиска выхода из неопределенности, чреватой серьезной опасностью исчезновения человеческой цивилизации. Синтез мифологических и исторических реалий через прием «многократного кодирования» как признак массовой литературы позволяет читателю в соответствии со своим интеллектуально-культурным уровнем осмыслить вызовы и перспективы современности, найти свою нишу в общемировом процессе.

Ключевые слова: Дэниел Силва, Габриель Аллон, родовая природа, жанровый генезис, жанровые модификации, эпопея, роман, шпионский роман, детектив, триллер, саспенс, политический роман, массовая литература.

Искусство в силу своей мифопоэтической природы является одним из древнейших видов человеческой деятельности. Именно эта природа обуславливает связь эмпирической действительности и виртуальной реальности, формирующейся в

пределах искусства как деятельности. Одним из наиболее разноплановых видов искусства предстает литература, которая имманентными ей средствами устанавливает собственные связи между двумя реальностями и на каждом витке развития культуры формирует новый вид эстетической действительности, эксплицированный через интерпретации канонической категории жанра – «образа мира» (М. Бахтин), «в слове явленного» (Б. Пастернак). Именно жанр предстает исходным принципом эстетического завершения, осуществляемого автором в его творческой деятельности.

Категория жанра, сформированная в Античности, в последующей культурологической эпохе модальности претерпевает множественные изменения, но «память жанра» (М. Бахтин) не утрачивается с течением времени. Наряду с каноническими, возникают неканонические жанры, которые, в свою очередь, наполняются новыми свойствами и образуют модификации жанровой формы. Такие трансформации характерны, практически, для каждого жанра в литературе XIX-XX веков, но особенно наглядны эти процессы в жанре романа. Что же касается литературы XXI века, то тут жанр романа подвергается еще более существенным изменениям. Его эволюция проявляется на всех уровнях эстетической действительности, презентуемой как художественный дискурс, в который вовлечены в равной степени авторское и читательское сознания, встречающиеся в виртуальной фигуре героя.

Исследовательское внимание в данной работе будет сосредоточено на творчестве американского писателя Дэниела Силвы, автора серии произведений, объединенных фигурой главного героя – Габриеля Аллона. Основной целью статьи является осмысление жанровой природы и жанровых модификаций авторских сочинений.

Научный интерес обусловлен несколькими факторами, хотя они представляются достаточно амбивалентными. С одной стороны, литературная критика аттестовала произведения Д. Силвы как шпионские романы, что автоматически переводит их в разряд массовой литературы, которую, традиционно, серьезное литературоведением вниманием не балует. Но с другой – современная теория литературы все чаще

обращает внимание на подобные явления, поскольку реалии исторической действительности, вызывающие их к жизни, тем или иным образом существенно влияют на культуру, в целом, и на литературу, в частности.

Одним из адекватных подходов к изучению литературы массового характера представляется концепция Дж. Кавелти, предложенная им в статье «Изучение литературных формул», где под «формулами» ученый понимает «структуру повествовательных или драматургических конвенций» [3, с. 33]. В «популярных типах повествования» [3, с. 34], к которым ученый относит, в числе прочих, детектив и шпионский роман, по его мнению, обнаруживается синтез «специфических культурных штампов» [3, с. 34], и «более универсальных повествовательных форм или архетипов» [3, с. 34]. Формульную, или, в привычной номинации, массовую литературу, Дж. Кавелти считает «видом литературного творчества» [3, с. 38], что априори позволяет рассматривать ее как эстетическое явление и, следовательно, использовать в качестве предмета литературоведческой рецепции. Кроме того, функционирование литературы в современном публичном пространстве (интернет) обуславливает не только количественные масштабы «массовости», но и ее качественные трансформации. «Массовый читатель» сегодня отличается в первую очередь своей способностью к селективности, неограниченными возможностями повышения своего интеллектуального уровня, что обеспечивает проникновение не только в первичные, поверхностные значения потребляемого продукта, но и в его глубинные смыслы.

О. А. Москаленко и А. С. Соина, ссылаясь на труды Ю. М. Лотмана, В. Е. Хализева, С. И. Кормилова, работы современных ученых – Т.А. Скоковой, И. В. Киреевой, Н. Ю. Георгиновой выявляют, среди прочих, очень важный признак массовой литературы – «прием двойного или многократного кодирования» [6, с. 155], который они и обнаруживают в современном шпионском романе.

Тема шпионажа в литературе за прошедшее столетие претерпевала различные состояния в силу своей рецептивной активности. Оформившись в начале XX века накануне глобальных изменений в мировой политике, она не только вызвала повышенный интерес публики, но и возымела влияние на политические процессы, к

примеру, в Великобритании (образование государственных спецслужб накануне Первой мировой войны). В дальнейшем интерес к ней усиливался в периоды противостояния политических сил на мировой арене (Вторая мировая война, холодная война), или затихал, когда обострения межгосударственных отношений себя исчерпывали. Последний такой период приходится на конец XX века, который характеризуется окончанием холодной войны, установлением баланса политических сил, или, по крайней мере, снятием остроты межгосударственных противоречий. Шпион как тайный агент, собирающий информацию для своей страны с целью защиты от внешних врагов, на первый взгляд, утрачивает свою актуальность. Это позволило критике говорить о «закате» шпионского романа. Но реальная действительность, развивающаяся по собственным законам, породила иные культурные интенции. Событие 11 сентября 2001 года кардинально изменило мироустройство во всех отношениях – политических, экономических, нравственных. Притом, изменения эти касаются не одной, отдельно взятой страны, и даже не сообщества нескольких государств, а мира в целом. Впервые за всю историю цивилизации человечество столкнулось с общим для всех стран и народов врагом, имя которому – международный терроризм. Наличие врага рождает в обществе в целом страх, но в то же время и стремление к обеспечению безопасности. В новых исторических условиях работа спецслужб наполняется еще большим смыслом, а искусство формирует образ человека, который способен спасти не только собственную страну от внешнего, притом конкретного врага в лице другого государства, но мир в целом от тотального разрушения.

В сложившихся исторических условиях развития цивилизации искусство продуцирует нового героя – в полном смысле соответствующего этимологии номинации. Поскольку проблема терроризма имеет тотальный характер, противостоять ему необходимо всем миром. Художники слова создают образ такого человека, который своей деятельностью, поступком, обезопасит всех людей, спасет весь мир от гибели. Уже имеющийся в формульной массовой литературе стереотип героя-шпиона как нельзя лучше подходит для такой роли.

Д. Силва поразительно точно и вовремя предвосхитил потребность общества в подобном герое. Первый роман с Габриелем Аллоном в главной роли – «The Kill Artist» – появился в 2000 году, когда шпионская тема, казалось, уходила из массовой литературы, да и из литературы вообще. В планах писателя не было ни продолжения истории своего нетрадиционного шпиона, ни тем более создания серии произведений. И вот, с 2002 года в печати каждый год появляется новый роман, на сегодняшний день серия насчитывает 19 произведений, к тому же, все они являются бестселлерами и расходятся миллионными тиражами.

Осмысление основания такой популярности произведений одного автора на протяжении почти двух десятилетий представляется важной литературоведческой задачей, поскольку позволит выявить эстетическую ценность явления, носящего массовый характер, и тем самым осознать место и роль произведений массовой литературы в культуре в целом. Для реализации заявленной задачи необходимо осознать родовую природу серии произведений Д. Силвы, а также сопоставить определение «шпионский роман», данное критиками, с конкретным литературным материалом писателя и его авторскими интенциями, реализованными в сочинениях и заявленные во внетекстовых источниках.

Повествовательная форма сочинений Д. Силвы априори обнаруживает их эпическую природу. Как известно, взаимоосвещение авторской и героиней речи, а также фрагментарность характеризуют эпiku как литературный род [8]. В произведениях Д. Силвы обнаруживается четкая дифференциация изображающего субъекта-повествователя и изображенных субъектов-героев, речь которых постоянно перемежается и взаимообуславливает друг друга: «In the distance, a church bell tolled. Shamron stopped in the center of the campo, next to the pozzo, and took one last look around. "Our first ghetto. God, how I do hate this place." "It's too bad you weren't in Venice in the sixteenth century," Gabriel said. "The Council of Ten would never have dared to lock the Jews away here." "But I was here," Shamron said with conviction. "I was always here. And I remember it all."» [17]. В приведенном примере для речи повествователя и персонажей характерна сугубо эпическая дистанцированность. Кроме того, здесь наглядно различается событие, о котором рассказывается, и событие самого

рассказывания: речь повествователя выстроена на грамматических формах глаголов прошедшего времени, – что является одним из существеннейших эпических признаков.

Но такая дифференцированность речевых субъектов и дистанцированность изображающей и изображенной речи не является статичной в эпике, что обосновал в своей теории «повествовательных ситуаций» Ф. Штанцель. По мнению ученого, сообщающее эпическое повествование дополняется «сценическим изображением», поданным с позиции персонажа: «В сообщающем повествовании имеются указания на процесс сообщения, которые позволяют являться повествуемому с точки зрения рассказчика и в качестве прошедшего» [цит. по 11, с. 300]. Ф. Штанцель полагает, что такая повествовательная ситуация присуща роману, но тут же указывает, что наблюдаются она еще в гомеровской «Иллиаде». Последнее замечание весьма существенно для осмысления родо-жанровой природы произведений Д. Силвы. При вполне осознаваемой дифференциации «авторской» (повествователь) и «чужой» речи (персонаж), в повествовательных конструкциях писателя преобладает «двуголосое слово» (М. Бахтин), презентованное несобственно-прямой речью, совмещающей точки зрения двух субъектов: «Over lunch in the shadowed courtyard of the hotel, he considered waiting in ambush outside the professor's office. Then the concierge appeared with a message slip in his hand. The good professor had agreed to meet with Herr Landau at six-thirty at a restaurant called the Gastatte Atzinger on the Amalienstrasse» [17], – в данном случае, повествователя и консьержа.

Еще одним эпическим критерием, характеризующим сочинения Д. Силвы, является эпическая ситуация, заключающаяся в соотношении мировых сил. Эстетическое событие писатель выстраивает на коллизии, возникающей из противостояния двух полюсов – Мира и Хаоса, репрезентированных в произведениях через упорядоченность межгосударственных отношений, обеспечивающих мирное сосуществование человеческой цивилизации, и активизацию террористических организаций, переходящих от угроз отдельной человеческой жизни ко всеобщей прямой агрессии. Конкретизация противоположных полюсов реализована в художественном мире Д. Силвы через деятельность израильских спецслужб,

поддерживаемую правительствами других стран, вступающих в борьбу с международными террористическими организациями («The English Assassin» (2002), «The Messenger» (2006), «The New Girl» (2019)), или же работающих на восстановление исторической справедливости, связанной с судьбой евреев в нацистской Германии («The English Assassin» (2002), «The Confessor» (2003)), или же разоблачающих коррупционную деятельность некоторых государственных структур, угрожающую мировой безопасности («The Rembrandt Affair» (2010)) и др.

Что касается фрагментарности как эпической черты, то у Д. Сильвы она проявляется на композиционном уровне в членении отдельных произведений на главы, которые иногда только пронумерованы, иногда дополнительно еще имеют и заголовки, а иногда тексты глав разделены на фрагменты, равные событийным эпизодам, как, к примеру, в романе «The Kill Artist». Еще один уровень фрагментарности – серия отдельных сочинений с единым главным героем и направленностью его деятельности. Каждое произведение является самостоятельным эстетическим объектом, и читатель вполне может удовольствоваться прочтением лишь одного из них. Но в то же время единичные тексты связаны друг с другом как тематически, так и хронологически и представляют собой эпическое повествование о событиях, имеющих эпохальное значение в истории цивилизации.

Как представляется, выявленная двоякость фрагментарности в качестве эпического родового качества обуславливает жанровую неоднородность произведений Д. Силвы. В первую очередь, вызывает интерес сочетание в них романских и эпических признаков. О наличии в шпионском романе эпических черт упоминает М. В. Норец в монографии «Генезис жанра шпионского романа в английской литературе» (2014), объясняя их присутствие «необходимостью спасителя цивилизации, опозитизированного и воспетого в античности героя, который борется со «злом», восстанавливая мировой баланс» [7, с. 72]. Ученый акцентирует эпические черты в облике героя-протагониста (гиперболизация физической силы, сверхчеловеческие способности, специальное оружие, репрезентация Порядка, борьба против антагониста, одиночество, обусловленность конфликта присутствием

женщины); в структуре сюжета (борьба противостоящих разведывательных спецслужб); в организации повествования («правдивость» изображения) [7, с. 89-90].

М. В. Норец истоки жанра шпионского романа, вслед за А. П. Саруханян, видит в детективе. Если А. П. Саруханян, практически впервые в отечественном литературоведении, вводит шпионский роман в литературоведческий дискурс, презентуя его как отдельный жанр, то М. В. Норец выстраивает «жанровую матрицу» шпионского романа на основании «жанровой доминанты детектива». Основным отличием шпионского романа на тематическом уровне является «политическая интрига» как центральное событие, о котором рассказывается, а задачей протагониста стало предотвращение преступления. Сюжетная сфера выстраивается автором через набор невероятных, но чрезвычайно детализированных событий. Еще одним важным жанровым признаком шпионского романа стала фигура автора – в своей эмпирической деятельности он, зачастую, причастен к «секретным службам».

Названные признаки в той или иной мере можно обнаружить в сочинениях Д. Силвы о Габриеле Аллоне. Но прежде чем говорить о «шпионском» аспекте произведений автора, необходимо разобраться с собственно жанровым генезисом. Ориентируясь в практическом анализе на исследование М.В. Норца [7], выявившего в шпионском романе «эпосные» и «романные» черты, в теоретическом осмыслении жанровой парадигмы художественного мира Д. Силвы обратимся к бахтинской концепции «трехмерной» жанровой структуры. М. М. Бахтин в работе «Эпос и роман» (1941) [1] осуществил сравнительный анализ двух больших эпических форм: одного из «каноничнейших» жанров – эпоса, и «пластичнейшего» из неканонических – романа. На основании произведенного анализа ученый выделил параметры жанровой структуры – хронотоп, речевая организация, взаимодействие автора-читателя с героем. Эпос, таким образом, соответствует «абсолютное эпическое прошлое», «слово предания», «абсолютная эпическая дистанция»; а роману – «хронотоп незавершенного настоящего», «стилистическая трехмерность», «зона контакта» автора и читателя с «незавершенной современностью» в лице героя [11, с. 371].

В произведениях Д. Силвы на первый план выходит «событие, о котором рассказывается», что позволяет их отнести к большой эпической форме. Что же касается дифференциации эпического и романного хронотопов, то здесь возникают нетипичные ни для эпоса в чистом виде, ни для романа специфические особенности. С одной стороны, предметом эстетической рефлексии становятся реальные исторические события (к примеру, теракт на Мюнхенской Олимпиаде в 1972 году и др.) и их последствия – политические, общественно-социальные и нравственные, которые, как следует из авторской логики, привели к новой расстановке сил на мировой арене. Исторические события, введенные в художественный мир, формируют реальность, типологически сходную с мифическим сказанием. Виртуальная эстетическая действительность представляется противостоянием Порядка и Хаоса, в котором последний нарушает баланс, а Мир требует его восстановления, для чего призывается Герой, способный на подвиг. Габриель Аллон, герой произведений Д. Силвы, представляется сплошь мифическим персонажем – это «готовый» образ, который на протяжении всей серии не претерпевает эволюционных изменений, как это свойственно романному «герою становления». Начиная с имени и фамилии, автор придает своему персонажу мифический облик. Габриель назван в честь архангела Гавриила, в еврейской мифологии – защитника Израиля: «Your mother named you Gabriel for a reason. Michael is the highest [angel], but you, Gabriel, are the mightiest. You're the one who defends Israel against its accusers. You're the angel of judgment -- the Prince of Fire» [18]. Аллон – на иврите «дуб», «одинокое дерево», символизирует возвращение евреев на родные земли, оставленные в ходе Войны за независимость. Сведения о происхождении, семье, учебе, овладении профессией реставратора и мн.др. дополняют мифический облик «готового» героя, вплоть до его врожденной способности к убийству, которую в нем разглядели офицеры во время краткосрочной службы в армии и информацией о которой воспользовался Ари Шамрон, привлекая Габриеля к контртеррористической операции Моссада «Гнев Божий».

При всех названных и неназванных мифических чертах Габриеля ему присущи сомнения, которые презентуют не эпическое «авторитетное» слово, а скорее

авторскую позицию. Повествовательные стратегии выстраиваются автором сугубо в соответствии с романной «стилистической трехмерностью». При общей дифференциации изображающей и изображенной речи преобладает в произведениях Д. Силвы все же «двуголосое слово», в котором совмещается точка зрения повествователя и персонажа. А речь главного героя – Габриеля Аллона – преимущественно представляет ценностную систему авторского сознания: «But I generally, in the formula of my novels, we're really with Gabriel 75-80% of the time. And so I see things through his eyes» [16]. Кроме того, событие рассказывания в сочинениях Д. Силвы ориентировано на изображение эпохального события – обнаружения мирового зла, международного терроризма, способного нанести ущерб цивилизации в целом. Одоление его не может быть единовременным поступком, поэтому автор прибегает к изображению множества «подвигов» героя, каждый раз встречающегося в «поединке» с разными проявлениями одной злой воли. Отсюда рождается романная серия, которая сродни мифическим сказаниям, сагам, песням, объединенным в циклы или фольклорный героический эпос.

Что же касается «абсолютной эпической дистанции» и «зоны контакта» авторско-читательского сознания с геройным, то здесь, на наш взгляд, в произведениях Д. Силвы формируются синтетические эпопейно-романные отношения. При «незавершенном настоящем» исторической реальности, которая сознательно вводится автором в художественный мир – реальные разведывательные организации, межгосударственные переговоры, политические лидеры и мн.др. – эстетическая реальность создается по законам даже не мифопоэтики, что присуще художественной литературе в принципе, но по законам мифа. Авторское сознание создает иную реальность, в которой не устанавливает собственные законы, а возрождает, или «реставрирует», изначальный мировой порядок, зафиксированный в библейских текстах. И презентантом его является художник-реставратор, шпион-убийца, защитник Израиля – Габриель Аллон, за помощью к которому обращаются правительства Великобритании и США, Франции и Швейцарии, Германии и Италии. И автор, и читатель возлагают надежды на Габриеля, поскольку зло терроризма, нависшее над всем цивилизованным миром может спасти не обычный человек, но

«избранный», который не «преступает» границ мира, но восстанавливает их всеми доступными ему способами, включая и убийство.

Новый формат героя-шпиона потребовал от Д. Силвы расширения жанровых возможностей [12; 15]. Весьма зрима близость романов Д. Силвы жанру детектива. Событие детектива объединяет два убийства, из которых первое, совершенное убийцей, является лишь поводом для второго, в котором он становится жертвой официального убийцы, сыщика. Таким образом, в повествовании выделяется два временных ряда: история преступления и история расследования. Д. Сильва преимущественно следует этой двухчастной структурной форме в своих романах. Но если в детективе следователь застрахован от серьезного физического вреда, то герой Д. Сильвы Габриель Аллон подвергается огромному физическому и психическому ущербу. Кроме того, детективное убийство в шпионском романе заменяется заговором.

Противостояние мировому злу, не гнушающемуся никакими средствами террора, потребовало от писателя обращения к приемам «черного» романа, «готического», или же триллера, замешанного на жестокости, насилии, откровенной агрессии. Подобные приемы притягивают внимание публики, которая, как и в древние времена, жаждет «хлеба и зрелищ». В триллере двухчастная структура детектива предстает объединением преступления и расследования, а его повествование совпадает с действием, включающим опасность, преследование, борьбу. Для триллера характерны насилие во всех формах и безнравственность. Эти элементы все чаще попадают в романную действительность Д. Силвы, чего требует, с одной стороны, «массовый» читатель, ищущий подтверждения своим страхам и оправдания собственной агрессии, а с другой – непредсказуемое и неумолимое зло террора. Третья литературная форма, используемая Д. Сильвой, – роман саспенса, тревожного ожидания и беспокойства, который сочетает тайну детективного романа с жесткими аспектами триллера. Наибольшее влияние на творческую манеру Д. Сильвы оказал, конечно, шпионский роман, коль героем он избрал шпиона, хоть и в отставке. Автор помещает своего героя в центр международной интриги и позиционирует свое повествование в политическом и социальном контексте.

Шпионская литература в большей степени, чем любая другая, отражает общественно-политические условия своего времени. Шпионский роман интенсивно развивается как отдельный литературный жанр, потому что отражает социальные и нравственные отношения к изменяющемуся врагу и к угрозам, от него исходящим.

Исследовательница жанровой природы современного романа Е. В. Комовская [4], как и ее предшественник В. П. Скобелев [10], на первый план в романе XXI века выдвигает «становящуюся действительность» [4, с. 140]. В этом смысле шпионский роман в современной литературе является универсальным способом формирования новой эстетической реальности с измененной ценностной парадигмой. Сам Д. Силва не ограничивает себя одной жанровой формой и декларирует себя как «a writer of international intrigue stories» (писателя международных интриг) [16]. Следовательно, еще одной жанровой модификацией, привлеченной Д. Сильвой, является политический роман. Автор сознательно использует многие современные мировые события в качестве фона к его сюжетным линиям, к примеру, арабо-израильские переговоры («The Kill Artist» (2000)), заявление Ватикана о Холокосте, опубликованное в 1998 году («The Confessor» (2003)) проблема ядерного оружия в Иране («The Rembrandt Affair» (2010)), убийство лорда Луи Маунтбеттена («The English Spy» (2015)) и др. Одновременно реальные исторические события, трансформированные в художественную реальность, позволяют автору презентовать собственные политические взгляды, давать оценку (устаами главного героя) современным общественно-политическим и социальным процессам, приобретающим глобальные международные масштабы.

Авторское сознание Д. Силвы, базирующееся на эмпирическом опыте писателя, аккумулирует синтез ценностных систем, включающих идеологию иудаизма и католического христианства, американского и еврейского менталитета, восточных и западных социально-политических и культурологических приоритетов. Исходя из своей картины мира, автор выстраивает художественную систему, в которой предлагает собственные решения политических проблем, представших перед миром в реальной жизни. В романах Д. Силвы обнаруживаются растущая зависимость мировой безопасности от разведывательных ресурсов США, развитие более тесных

рабочих отношений между Израилем, США и Великобританией, переход Израиля от его внутренней сосредоточенности на внешнюю политику, направляемую США, растущее участие Габриеля Аллона в вопросах безопасности, ориентированных на Запад.

Новый социальный порядок, формирующийся из меняющихся культурных сдвигов, политической нестабильности и вездесущих угроз, породил в человеке большое чувство неопределенности и состояние страха и безысходности, что мастерски использует Д. Сильва, легко смешивая факты и вымысел в своих произведениях. Растущее разочарование в политической элите и одновременно развитие национального патриотизма свидетельствуют о том, что существующий социальный порядок не отвечает критериям безопасности, а усилия многих правительств стран Первого мира по противодействию этим новым типам угроз терпят неудачу. Поэтому современный автор, призванный по своей мифологической природе противостоять опасностям реальной и воображаемой жизни (и который может также в простых терминах обозначить первопричину этих угроз и потенциальный ущерб обществу, если эти угрозы осуществляются), может полагаться на широкую поддержку читательской публики. На фоне внешне нестабильной, неопределенной и пугающей исторической реальности фантастические угрозы, содержащиеся в произведениях Д. Сильвы, представляются не такими надуманными, как они могут показаться на первый взгляд. Более того, они бросают вызов общепринятым представлениям о том, что произойдет, в противоположность тому, что может произойти. К примеру, в романе «The Black Widow» (2016)» описан теракт в Париже, в а «House of Spies» (2017)» – теракт в Лондоне, которые буквально предшествовали реальным событиям. И речь здесь идет не столько о писательском предвидении, хотя оно и базируется на довольно глубоком проникновении и осведомленности Д. Силвы в политических процессах, а о способности автора сориентировать своего читателя в новых и небезопасных для него условиях и предложить варианты выбора в построении собственной системы ценностей, используя опыт мифического героя-шпиона Габриеля Аллона.

Обзорное исследование авторских стратегий по формированию жанровых предпочтений в творческом наследии Д. Силвы позволяет сделать предварительные выводы. В родовом отношении произведения автора соответствуют эпическим критериям – взаимоосвещение изображающей и изображенной речи; фрагментарность; дистанцированность события рассказанного от события рассказывания. При этом на повествовательном уровне прослеживается «сценичность», что также характеризует эпические родовые отношения в их эволюции от канонических к неканоническим жанровым формам. Осмысление жанрового генезиса сочинений Д. Силвы приводит к выводу о синтезе эпических и романских истоков. Исходя из трехчастной структуры жанра, предложенной М. Бахтиным, произведения Д. Силвы презентуют романскую «стилистическую трехмерность» с преобладанием «двуголосого слова»; эпического «готового» героя с мифической родословной (Габриэль Аллон), призванного совершить «подвиг» – «реставрировать», восстановить границы, вернуть баланс в соотношение Порядка и Хаоса, остановить мировое зло в виде международного терроризма; формирование синтетической романно-эпической действительности, которую авторское сознание выстраивает по запросу читательского в соответствии с «отреставрированными» мифологическими представлениями, где граница между «абсолютным прошлым» и «незавершенным настоящим» нивелируется под угрозой реального зла. Для реализации так понятых жанровых стратегий авторским сознанием актуализированы потенции жанровых модификаций детектива, триллера, саспенса, шпионского и политического романов, что привело к созданию гибридной жанровой формы, тематически более близкой к шпионскому роману. Произведения Д. Силвы принадлежат к массовой литературе в том смысле, что ориентированы, действительно, на обширную читательскую аудиторию, способную осознать причины нестабильности глобализированного мира и осуществить попытку поиска выхода из неопределенности, чреватой серьезной опасностью исчезновения человеческой цивилизации. Синтез мифологических и исторических реалий через прием «многократного кодирования» как признак массовой литературы позволяет

читателю в соответствии со своим интеллектуально-культурным уровнем осмыслить вызовы и перспективы современности, найти свою нишу в общемировом процессе.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Текст / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 408с.
2. Введение в литературоведение. Хрестоматия: Учебное пособие/ Сост. П. А. Николаев, Е. Г. Руднева, В. Е. Хализев, Л. В. Чернец / Под ред П. Н. Николаева. – 3-е изд. испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1997. – 350 с.
3. Кавелти Дж. Г. Изучение литературных формул / пер. с англ. Е. М. Лазаревой // Новое литературное обозрение. 1996. № 22. С. 33-64
4. Комовская Е. В. Жанровая специфика современного романа / Е. В. Комовская // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – № 12-2. – СПбГАУ. – 2016. – С. 138-146.
5. Лейтес Н. С. Немецкий роман 118-1945г (Эволюция жанра). Уч. пос. по спецкурсу. – Пермь.: изд-во Пермского ун-та им. М. Горького, 1975. – 324 с.
6. Москаленко О. А., Соина А. С. Шпионский роман как типичный жанр массовой литературы XXI века / О. А. Москаленко, А. С. Соина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 08. – С. 152-156.
7. Норец, М. В. Генезис жанра шпионского романа в английской литературе: монография [Текст] / М. В. Норец. – Симферополь : Бизнес-информ, 2014. – 364 с.
8. Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий / [гл. науч. ред. Н. Д. Тамарченко]. – М. : Издательство Кулагиной ; Intrada, 2008. – 358 с.
9. Силва Д. Исповедник / Д. Силва [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/silva_deniel/ispovednik.html
10. Скобелев В. П. Поэтика русского романа 1920-1930-х годов: Очерки истории и теории жанра / В. П. Скобелев. – Самара: Издательство «Самарского университета», 2001. – 152 с.

11. Теория литературы : Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : В 2 т. : Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман ; Под ред. Н. Д. Тamarченко. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 512 с.
12. Brett F Woods, *Neutral Ground: A Political History of Espionage Fiction* (New York, Algora Publishing 2007), p.2. – 225 p.
13. Hewitt H. Moscow Rules spy novelist Daniel Silva. Transcript | Tue, jul 29, 2008 – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hughhewitt.com/moscow-rules-spy-novelist-daniel-silva/>
14. Lukacs G. *Die Theorie des Romans* / G. Lukacs. – Nuewied. Berlin, 1963. – 128 s.
15. Rosser T. Reimagining the Golem. The creation and development of Daniel Silva's spiritually-motivated protagonist, Gabriel Allon. A thesis submitted to the University of Gloucestershire in accordance with the requirements of the degree of
16. Silva Daniel [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://danielsilvabooks.com/the-books/interviews/the-confessor>
17. Silva Daniel. Confessor/ D.Silva [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/Silva_Daniel/The_Confessor.html
18. Silva Daniel. Prince of Fire/ D.Silva [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://royallib.com/book/Silva_Daniel/Prince_of_Fire.html

References

1. Bakhtin M. M. *Voprosy Literatury i Estetiki* [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya Publ., 1975. 408p.
2. Nikolayev P. A., Rudneva E. G., Khalizev V. E., Chernets L. V. *Vvedenie v Literaturovedenie. Khrestomatiya: Uchebnoe Posobie* [Introduction to Literary Criticism]. Moscow: Vysshaya shkola Publ, 1997. 350 p.
3. Komovskaya E. V. *Zhanrovaya Spetsifika Sovremennogo Romana* [Genre Specificity of Modern Novel]. Aktualnye Problemy Gumanitarnykh i Estestvennykh Nauk. 2016, no 12-2, pp.138-146.

4. Leites N.S. *Nemetskiy Roman 1918-1945g (Evolutsiya Zhanra)*, [German Novel 1918-1945 (Evolution of the Genre)]. Permskii Universitet, 1975. 324 p.
5. Moskalenko O. A., Soina A. S. *Shpionskii Roman kak Tipichnyi Zhanr Massovoi Literatury XXI Veka* [Spy Novel as a Typical Genre of Popular Literature of the XXI Century]. *Gumanitarnye Nauki*, 2017. no 08. pp. 152-156.
6. Tamarchenko N. D. *Poetika: Slovar Aktualnykh Terminov I Ponyatii* [Poetics: a Dictionary of Relevant Terms and Concepts]. Moscow: Izdatelstvo Kulaginoi, Intrada, 2008. 358 p.
7. Silva D. *Ispovednik* [Confessor]. Available at: https://royallib.com/book/silva_daniel/ispovednik.html
8. Skobelev V.P. *Poetika Russkogo Romana 1920-1930 Godov: Ocherki Istorii I Teorii Zhanra* [Poetry of the Russian Novel of 1920-1930: Essays of history and theory of genre]. Samara: Izdatelstvo Samarskogo Universiteta, 2001. 152 p.
9. Tamarchenko N. D., Tyupa V. I., Broitman S. N. *Teoriya Literatury: Uchebnoe Posobie Dlya Studentov Filologicheskogo Fakulteta Vysshykh Uchebnykh Zavedenii: Vol 2*. [Theory of Literature. Textbook for Students of the Philological Faculties of the Higher Educational Institutions]. Moscow: Akademiya Publ., 2004. 512 p.
10. Brett F. Woods, *Neutral Ground: A Political History of Espionage Fiction* New York, Algora Publ. 2007. pp.2 – 225.
11. Hewitt H. *Moscow Rules Spy Novelist Daniel Silva*. Transcript, Tue, 29 July 2008. Available at: <https://www.hughhewitt.com/moscow-rules-spy-novelist-daniel-silva/>
12. Lukacs G. *Die Theorie des Romans*. Nuewied. Berlin, 1963. 128 p.
13. Silva Daniel *Ispovednik* [Confessor]. Available at: <http://danielsilvabooks.com/the-books/interviews/the-confessor>.
14. Snyder Robert L. *The Art of Indirection in British Espionage Fiction* (North Carolina, McFarland & Co. 2011. 5p.

**DANIEL SILVA 'S ROMANCE SERIES ABOUT GABRIEL ALLON:
ANCESTRAL AND GENRE NATURE**

Asanova E.

**Institute of foreign Philology (structural division)
V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
E-mail: elzara.ru.90@mail.ru**

Summary. The article provides a preliminary review of the creativity of Daniel Silva, a modern American writer, to identify the nature-genre nature of his works. The writer has written more than twenty epic works, which literary criticism refers to as a genre of spy novel. Nineteen novels of them make up a series of works united by the main character. Gabriel Allon is a restoration artist engaged not so much in his direct activity of restoring picturesque paintings, but rather performing tasks of Israeli intelligence in different countries of Europe. For the first time, Gabriel appears in the novel "The Kill Artist" (2000) and fundamentally changes the traditional semantics of espionage in popular literature. Daniel Silva publishes a new novel every year, moving his hero to different countries, setting different tasks for him, which do not always fit into recognizable forms of intelligence activities, habitually written on the pages of spy novels. The descent of D. Silva 's works seems undisputable - they are of epic origin, a closer study should pay attention to the publicistic style, which will somewhat ruin the idea of the harmony of the generic principle. The genre level is dominated by novel features, although the hero appears "in finished form," which, again, opens the rigid genre boundaries of D. Silva's works. In addition, the plot events in their implementations demonstrate elements of various genre forms - spy novel, detective, story, suspense, action, political novel. The study of their interrelationship and coexistence within one work, as well as the elucidation of the sphere of functioning of D. Silva's novels, will make it possible to get closer to understanding the phenomenon of the author's creativity.

Keywords: Daniel Silva, Gabriel Allon, nature-genre, spy novel, detective, thriller, suspense, political novel, popular literature.

УДК 821.161.1-3.09

**«НИКОГДА НЕ РАЗГОВАРИВАЙТЕ С НЕИЗВЕСТНЫМИ»:
ГОРЬКОВСКИЙ СЮЖЕТ В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА**

Борисова Л. М.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: borlm-sf@mail.ru

В статье получает развитие мысль об интертекстуальной связи романа Булгакова «Мастер и Маргарита» с рассказом Горького «Читатель». Исследуется сюжетная интрига, игра умолчаний и намеков (поведенческих, визуальных, речевых, акустических), их сходство и различия у Горького и Булгакова. Указывается на мифологическую подоплеку используемых авторами приемов, их обусловленность в обоих случаях особенностями народного речевого этикета. В диалогах Булгакова выявлены горьковские аллюзии на уровне стилистических деталей, интонационного рисунка фраз. Отмечаются имплицитные горьковские реминисценции, связанные с постановкой вечных вопросов в романе. В тексте рассказа Горького акцентируются моменты, указывающие на незаконченность действия. В процессе сопоставления «Читателя» с памфлетами «О черте», «Еще о черте» герой рассказа идентифицируется как демоническое существо. Очерчивается комплекс сюжетоположений и идейных мотивов, общих всем трем произведениям, делается вывод об их жанрово-стилевой однотипности, циклическом единстве. Фиксируется отражение в «Мастере и Маргарите» той версии горьковского сюжета, которая представлена в рассказе Гладкова «Кровью сердца», где незнакомец выступает положительным героем в образе самого основоположника советской литературы. Рассказ Гладкова рассматривается как один из объектов булгаковской сатиры.

Проделанный анализ дает возможность утверждать, что в первой главе романа Булгакова, задающей тон всему повествованию, отчетливо проступает сюжетная модель, опробованная Горьким в рассказе «Читатель».

Ключевые слова: М. Горький, М. Булгаков, «Читатель», «Мастер и Маргарита», литературный источник, демонический персонаж, сюжетная интрига, умолчание, намек, аллюзия, реминисценция.

Среди источников последнего романа Булгакова, перечень которых, по точному слову Г. А. Лескисса [10, с. 238], уже приближается к «бесконечному числу» и вызывает у исследователей сомнения в «реальной возможности усвоения писателем невероятного огромного объема материала в период создания романа» [12, с. 321], трудно себе представить произведения Горького. Но при внимательном прочтении (и автору этих строк уже приходилось писать об этом [2]) в «Мастере и Маргарите», прежде всего в первой главе романа, обнаруживаются такие совпадения с горьковским рассказом «Читатель» – ситуативные, интонационные, визуальные,

жестовые, которые невозможно считать случайными. В эпизоде на Патриарших точно повторяется ситуация горьковского рассказа: в аллее городского сада над рекой судьба сводит писателя с незнакомцем, который затевает с ним разговор о «последних вопросах»: о Боге и Его антипode, о жизни и литературе, – словом, экзаменует на творческую зрелость. Главное сходство двух текстов, чем и обусловлены все переклички в них, связано с сюжетной интригой. Как она строится? Есть ли у писателей соответствия в выборе средств? Откуда они их черпают? Определить это и является целью данной статьи, поскольку в предыдущей эти вопросы не поднимались.

Герой «Читателя» – маленький, одетый в темное человек, передвигающийся легко и беззвучно, словно скользя. Незнакомец отказывается представиться, уклончиво называет себя «неким странным читателем» и предлагает собеседнику «выйти из рамок простого и обыденного». Он же задает и тему беседы – о целях литературы. Постепенно втягиваясь в разговор привыкший к дискуссиям писатель на сей раз испытывает страх, чувствует, что «вступил в темный круг ощущений исключительных и странных».

На протяжении всего повествования герой пытается разгадать тайну «читателя» в то время, как автор не устает подогревать интерес к ней. «Кто я? Вы не догадываетесь?» – допытывается незнакомец. «Теперь, я думаю, ты понял, кто я? да?»

Вслед за героем загадку «странного читателя» будут разгадывать реальные читатели. Михайловский считал его воплощенной совестью писателя [11, с. 498]. На вопрос Репина Горький отвечал так же: «Читатель» – это я, человек, в беседе с самим собою, литератором. Я, человек, недоволен собою, писателем <...>» [5, с. 376]. Но эти слова настолько близки к сказанному известному персонажу Иваном Карамазовым («Ты – воплощение меня самого... моих мыслей и чувств»), что трудно не заподозрить в них подсказку.

Среди тех, кому понравился рассказ, был Владимир Соловьев. Вряд ли философа увлекло стремление Горького революционизировать общество. Скорее всего, он почувствовал нечто близкое себе в пристрастии молодого писателя к притче, иносказанию, условной образности. Горького обрадовала эта поддержка. И

действительно, в лице Соловьева он мог рассчитывать на полное понимание, автор «Слова увещательного к морским чертям», надо думать, догадался, с кем имеет дело герой.

В письме Ф. Д. Батюшкову от 27 сентября 1898 г. Горький предлагал три варианта названия своей «фантазии»: «Первый рассказ», «Читатель» и «Некто», выделяя при этом последнее как самое лучшее [5, с. 273]. И с этим нельзя не согласиться. «Первый рассказ» – название ученическое, невыразительное, «Читатель» звучит нейтрально, а «Некто», действительно, интригует.

Умолчание становится по-настоящему интригующим, когда оно дополнено игрой намеков. Как и у Булгакова, у Горького нет в них недостатка. Обращает на себя внимание манера персонажа подхватывать и повторять слова собеседника. Устойчивой особенностью речевого поведения нечистой силы является удвоение реплик, сопровождаемое хохотом, все это наиболее ярко проявляется в ситуации диалога, отмечают исследователи [15, с. 32–34]. В художественной литературе, как указывает Б. А. Успенский, так введет себя нечисть в «Заколдованном месте» Гоголя.

Но именно поэтому прием невозможно повторить буквально без того, чтобы не разрушить интригу. Горький варьирует традиционный сценарий, дополняет его новыми устойчивыми деталями. У него, например, «эхо» повторяет, подхватывает реплику собеседника с тем, чтобы тут же осмеять, вывернуть, наизнанку, перечеркнуть ее смысл.

«Хорошо быть чем-нибудь на земле среди людей!» – думает горьковский писатель. «А хорошо чувствовать себя чем-то исключительным? – спросил мой спутник.

Я не услышал в его вопросе ничего особенного и поспешил согласиться с ним.

– Хе, хе, хе! – колко засмеялся он, нервно потирая своим маленькие руки с тонкими, цепкими пальцами» [7, с. 113].

«А вы веселый человек...» – «Да, я веселый человек ... И еще я очень любопытен... Вот сейчас я хочу знать – что стоит вам ваш успех?»

«Около месяца работы... может быть, немного более» – «Немножко труда... хе, хе, хе!», – смеется незнакомец малости платы.

Иногда такие повторы приобретают форму игры словами.

«– Будем говорить о целях литературы!

– Пожалуй... хотя, мне кажется, уже поздно...

– О! для вас еще не поздно!..

Я остановился удивленный этими словами, <...> они звучали как иносказание» [7, с. 115].

Сравним у Булгакова:

«Надо будет ему возразить так, – решил Берлиоз, – да, человек смертен, никто против этого и не спорит. Но дело в том, что...»

Однако он не успел выговорить этих слов, как заговорил иностранец:

– Да, человек смертен, но это было бы еще полбеды. Плохо то, что он иногда внезапно смертен <...>» [3, с. 131].

«– А-а! Вы историк? – с большим облегчением и уважением спросил Берлиоз.

– Я – историк, подтвердил ученый и добавил ни к селу ни к городу: – Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история!» [3, с. 134].

Сходство, как видим, заключается в нюансах (дьявол в данном случае буквально таится в деталях), и это первый, неопровержимый признак его неслучайности.

Но у Булгакова есть и отличные от горьковских речевые намеки. И культурный Берлиоз, и невежественный Бездомный, например, одинаково легко поминают нечистого, в годы «штурма небес» это стало обычным делом. У Горького ситуация несколько иная. В пору, когда рос Алеша Пешков, соответствующее табу в простонародной среде еще имело силу, хотя, конечно, в повседневной жизни часто сгоряча нарушалось, но сознательно им пренебрегали немногие. Именно этим произвел на племянника впечатление дядя-чертежник: «Мне нравилось, что он так ухарски швыряется чертями <...>» [8, с. 459]. Позднее тем же запомнился «оригинальный бродяга», встреченный в странствиях по Руси (о нем ниже). Горький усвоил их уроки и в дальнейшем чертыхался не хуже, если не виртуознее, учителей. В «Читателе» он в этом отношении подчеркнуто сдержан, но в памфлете «Еще о черте», будучи помянутым героем, персонаж этот тотчас перед ним и предстанет.

Речевые характеристики в описании демонических существ особенно значимы в отсутствие у них четких внешних черт. Нечистая сила может принимать любой облик: антропоморфный, зооморфный, смешанный, «нулевоморфный» (может быть бесплотной) [14, с. 252]. Черт полиморфен, «может являться в каком угодно облике: и черным, и зеленым, и синим» [15, с. 18, с. 19].

Таким образом, «оригинальный бродяга» в горьковских «Заметках из дневника» (глава «Чужие люди»), который дает волю своей фантазии и предлагает, на первый взгляд, немыслимую квалификацию чертей (черти лиловые, подобные слизнякам, черти голландские, цвета охры, круглые, как мячи, с головками, сморщенными как зерно перца, клетчатые черти – разнообразие кривых линий, черти драповые, похожие на гвозди, черти колокольного звона и черти лунных ночей) [9, с. 74–75], на самом деле, что называется, «в теме».

В «Читателе», однако, «фенотип» героя создается чертами из традиционного арсенала. При этом автор лаконичен и не злоупотребляет характеристическими деталями. Самые распространенные показатели демонической сущности – необычный рост, хромота, зооморфные признаки (звериные или птичьи лапы) [11, с. 179]. Горьковский герой, как уже сказано, мал, смотрит на писателя снизу вверх, у него «маленькие руки с тонкими, цепкими пальцами» [7, с. 113]. И еще его отличает некая заостренность облика: у «читателя» острые черные глазки, в нем «все было остро: взгляд, скулы, подбородок с эспаньолкой; вся его маленькая, сухая фигурка колола глаза своей странной угловатостью» [7, с. 112]. Среди специфических признаков черта Н. И. Толстой называет «остроголовость» [14, с. 264].

В «Мастере и Маргарите» намеки еще прозрачнее, в первой главе обыгрываются самые расхожие признаки нечистой силы, сказано, что по прошествии событий в одних донесениях незнакомец фигурировал как человек маленького роста, хромающий на левую ногу, в других – как человек громадного роста, хромающий на правую ногу, тогда как на самом деле он был просто высокого роста и вообще не хронал. Яркую комическую окраску придает эпизоду то обстоятельство, что традиционные народные верования неотличимы от остро актуальной для 1930-х годов шпиономании. Неизвестный выступает у Булгакова «заграничным гусем», а

как представляли в старину демона в человеческом виде? Это существо в необычном наряде, говорящее на ином наречии, ведущее себя не по принятым в данном социуме правилам [4, с. 119], – словом, иностранец.

Для идентификации героя имеют значение акустические эффекты. У «читателя» Горького смех «дробный, колющий» «едкий», «проклятый». Иностранец Булгакова своим хохотом пугает птиц.

«Наиболее ярким показателем черта, – пишет Н. И. Толстой, – оказывается его пристрастие к быстрым метаморфозам, из которых обычно завершающим оказывается превращение в вихрь, т.е. обретение нулевой «морфности» [14, с. 262]. Именно так и заканчивается горьковский рассказ: «<...> он ушел. Как ушел? Я не заметил этого. Он быстро и бесшумно ушел, как исчезают тени...» [7, с. 127]. Горький и в этом случае варьирует традиционный мотив. Воспроизведи он его точно, изобрази все, что сопутствует вихревому обращению: свист, шум, гром, – и конец интриге, исчезло бы ощущение полуреальности, сюжет приобрел бы однозначно фантастический характер.

Воланд выступает инкогнито только в первых главах романа, тайна «читателя» так и остается нераскрытой. Горьковского острого человечка иначе не назовешь, как эвфемическим персонажем. Но интрига в рассказе рассчитана не на один эпизод, на это есть прямые указания в тексте. Прежде, чем исчезнуть, незнакомец бросает писателю: «Не раз еще я приду к тебе! Жди!» Иными словами: «Продолжение следует».

В другой раз общения с писателем уже ищет герой памфлета «О черте». Прогуливаясь по кладбищу, он вспомнит о нем: «При жизни, я, бывало, посещал его, – почему бы не возобновить знакомства?» Памфлет – такая же «фантазия», как «Читатель», полный тех же сентенций о необходимости не бояться жизни, идти навстречу своим страхам. «Но это трудный путь... Он идет сквозь тернии, они до крови рвут живое сердце ваше, и всегда на этом пути ждет вас – черт» [7, с. 153]. Последние слова – парафраз того фрагмента в рассказе «Читатель», когда, загнав писателя в угол своими вопросами, незнакомец с наслаждением над ним смеется.

«У меня сердце кровью плакало от этого проклятого смеха.

– Хе, хе, хе! И это ты учитель жизни? Ты, которого так легко смутить? Теперь, я думаю, ты понял, кто я? да?» [7, с. 125].

В памфлете «О черте» герой заставит писателя немного погадать на свой счет («Цензор?», «Жандарм?», «Критик?»), после чего представится: «Я черт». Персонаж этот, как и «читатель», колок, остер и все так же насвистывает песенки.

Памфлет «Еще о черте» связан с «Читателем» прежде всего темой возвышающего обмана. В рассказе недовольный писателем незнакомец вещает: ты открываешь людям «много низких истин, но можешь ли ты создать для них хотя бы маленький, возвышающий душу обман?» [7, с. 121]. Незвестный говорит одному, но адресуется ко всем «апостолам-самозванцам»: «Понимаете ли вы запросы своего времени? Что вы можете сказать для возбуждения человека? Что вы вносите в этот хаос мерзости?»

Новый памфлет начинается с рассказа об одном маленьком возвышающем обмане, к которому прибег писатель (как видно, проповедь незнакомца пошла впрок): три месяца он писал матери сосланного на север друга письма от его имени, и «умерла она с верой, что ее сын счастлив», в то время, как он сидел в тюрьме. «Вот какая славная история... Жаль только, что она выдумана мною...» [7 с. 167], – заключает Горький. По максималистским меркам «требовательного читателя» обман действительно маленький, так что автор может только иронизировать над собой. Впоследствии, однако, он пошел уже на большой обман, и не в литературе, а в жизни. Ходасевич рассказывает в «Некрополе» о том, как Горький заставил уже смилившуюся со смертью сына женщину поверить, что он жив, и потом, когда открылась правда, вторично пережить его гибель.

Другая отсылка к «Читателю» в памфлете – история Ивана Ивановича Иванова, которому черт помогал самосовершенствоваться и, извлекая из него один за другим грехи, выпотрошил до основания. В рассказе «Читатель» герой оставил своего собеседника в таком же состоянии, заставив его признать: «<...> я существую

внутренне опустошенный <...> мне кажется <...>, что я уже труп и лишь по какому-то странному недоразумению еще не зарыт в землю» [7, с. 120].

«Требовательный читатель» говорил о том, что человек, которого литература отучила от идеала, стал «только грудой костей, покрытых мясом и толстой шкурой, – эту скверную грудку двигает не дух, а похоти» [7, с. 125]. Именно в таком виде, оголенными до костей предстает писатель в памфлете «О черте» («Сколько на мне было тела! Сущие пустяки...»), а из того, что осталось от Ивана Ивановича Иванова нечистый в памфлете «Еще о черте» грозит сделать погремушку дьяволу.

Рассказ «Читатель» написан от первого лица, памфлет «О черте» – от третьего, во втором памфлете присутствуют обе формы. Но форма первого лица вновь всплывает в письме Горького 1902 г. К. П. Пятницкому: «Ну, знаете, какая же противная вещь этот мой «Читатель»! Ей-богу, это не я писал, это любезный сердцу моему Иван Иванович Иванов насочинял. И вообще – премного во мне сидит Иван Иванович, черт его возьми! Обидно усмотреть в самом себе мещанина, ту язву, которая так возмущает тебя в других» [6, с. 59]. Под Иваном Ивановичем Ивановым Горький подразумевает некую творческую немощь, которая мешает писателю (и ему лично, и любому писателю, и вообще интеллигенту) указать людям путь к Богу.

О «желании души найти Бога» говорит и неизвестный в рассказе «Читатель». Это главное в его проповеди. Ждущий от литературы водительства он задает своей жертве «роковой вопрос»: «Кто есть твой Бог?». У писателя нет на него ответа: «Кто есть мой Бог? Если б я знал это!». Острый человечек с презрением бросает собеседнику: «Вы чадите, как факелы торжества сатаны!»

На первый взгляд, разговор приобретает такой характер (дух тьмы отрицает себя самое и прославляет Свет), который не позволяет идентифицировать героя как демоническую сущность. Но, во-первых, под Богом в данном случае совершенно очевидно подразумевается не Троица, а некий идеал, способный сплотить массу, консолидировать ее психическую энергию и направить «в ту сторону, где хранится все вечное, объединяющее людей, где живет Бог...» [7, с. 119]. (В рассказе 1898 г. намечена идея, которая позднее будет развернута в повестях «Исповедь» и «Лето».

«Странный читатель» выступает едва ли не первым в галерее горьковских богостроителей.)

А, во-вторых, как писал в эссе «Гоголь и черт» Мережковский, дьявол – «вечный подражатель», он умеет менять маски, казаться не тем, что есть, одна из любимых его личин – свободный сверхчеловек. Как рассуждает горьковский «читатель-богостроитель», столкнувшись с тем, что люди «часто идут не в ту сторону»? «Те, которые ошибаются в путях к Истине, – погибнут! Пускай, не нужно им мешать, не стоит их жалеть – людей много!» [7, с. 119].

Горьковский персонаж – знакомый незнакомец. Его презрение к слабым идет от «Антихриста» Ницше, а намерение облагодетельствовать человечество заставляют вспомнить «Маленькую повесть об антихристе» Владимира Соловьева. Сама же идея водительства, пропагандируемая Горьким, ничем не отличается от того, что практикует Великий инквизитор у Достоевского [подробнее об этой идейной перекличке см. 13].

У Булгакова, видевшего плоды идеи, утверждению которой немало способствовал Горький, основополагающим понятиям возвращается их изначальный смысл. При всех сомнениях, которые вызывает у богословов его Иешуа, Бог для Булгакова все-таки не возвышающий обман, а Истина.

В первой главе «Мастера и Маргариты» романа есть и другое свидетельство имплицитной переклички с Горьким. Воланд, как известно, впадает в ярость, узнав, что «нету никакого дьявола», и это заставляет вспомнить основополагающий принцип князя тьмы у Горького: никогда он не касался «острым ножом своей иронии величественного факта своего бытия» [7, с. 158].

Наконец, возможна еще одна, косвенная связь первой главы «Мастера и Маргариты» с «Читателем». В 1928 г. был опубликован рассказ Ф. Гладкова «Кровью сердцем» – калька, чтобы не сказать авторизованная копия горьковского рассказа. Самое примечательное в ней то, что Гладков придал герою черты идейного (фамилия Чижов указывает на нелюбителя низких истин) и портретного сходства с основоположником советской литературы. Писатель у Гладкова благоговееет перед незнакомцем, готов броситься ему на грудь и обнять, «как милого брата» [подробнее

об этой рецепции горьковского рассказа см. 1]. В «первоисточнике» он испытывает совсем другие чувства: «Я с ужасом понимал...», «Как ни страшен он был для меня...».

Гладков был заметной фигурой в литературной жизни 1920-30-х гг., его произведения были на слуху, чтобы составить представление об их художественных качествах, даже не обязательно было их читать. В пьесе «Адам и Ева» Булгаков спародировал тот официальный советский стиль, преданным приверженцем которого был Гладков – автор производственного романа «Цемент» и рассказа о гражданской войне «Зеленя». У Булгакова, как известно, Пончик-Непобеда пишет колхозный роман «Красные зеленя». Гражданская война, индустриализация, колхозы – три главные темы в литературе тех лет.

На первом съезде советских писателей Гладков выступил с докладом «О ведущем типе эпохи». И сам он, пролетарский писатель из крестьян-старообрядцев, был таким типом. Булгаков запечатлел этот ведущий писательский тип эпохи в Пончике-Непобеде и Иване Бездомном. Такой литератор быстро определит, с кем имеет дело, и может незнакомца на Соловки послать, а может и к сердцу прижать.

Подведем итоги.

Первая глава романа «Мастер и Маргарита» связана с рассказом Горького «Читатель» не только стилистическими аллюзиями, но прежде всего сюжетной интригой: герой остается неузнанным, в то же время масса намеков указывает на его демоническую природу. Горьковская сюжетная модель подсказала Булгакову завязку романа и в какой-то мере определила ход дальнейшего развития действия, но при этом до неузнаваемости преобразилась в повествовании. В этом заключается основной вывод данного исследования. Два других относятся к рассказу «Читатель». Интрига рассказа проясняется при сопоставлении его с памфлетами «О черте», «Еще о черте», а идейно-тематическая и жанрово-стилистическая близость этих произведений позволяет видеть в них целостное единство, цикл.

Список литературы

1. Борисова, Л. М. М. Горький и сталинская эпоха в рассказе Ф. Гладкова «Кровью сердца» / Л. М. Борисова // Вопросы русской литературы. Вып. 13 (70). – Симферополь, 2007. – С.14–42.
2. Борисова, Л. М. Инфернально-сатирическое у Горького и Булгакова / Л. И. Сазонова // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. – 2009. – № 4. – С. 46–55.
3. Булгаков, М. А. Собрание сочинений: В 8 т. / М. А. Булгаков. – М.: Центрполиграф, 2004. – Т. 6. – 604 с.
4. Виноградова, Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиции славян. – М.: Изд-во «Индрик», 2000. – 432 с.
5. Горький, М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. / М. Горький. – М.: Наука, 1997. – Т. 1. – 703 с.
6. Горький, М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. / М. Горький. – М.: Наука, 1997 – Т. 3. – 495 с.
7. Горький, М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения. В 25 т. / М. Горький. – М.: Наука, 1969. – Т. 4. – 640 с.
8. Горький, М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения. В 25 т. / М. Горький – М.: Наука, 1972. – Т. 15. – 640 с.
9. Горький, М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения. В 25 т. / М. Горький. – М.: Наука, 1972. – Т. 17. – 632 с.
10. Лескисс, Г. А. Триптих М. А. Булгакова о русской революции. «Белая гвардия». «Записки покойника». «Мастер и Маргарита». Комментарии / Г.А. Лескисс. – М.: ОГИ, 1999. – 427 с.
11. Михайловский, Н. К. О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова Михайловский, Н. К. О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова // Михайловский Н. К. Критика и воспоминания. – М: Искусство, 1995. С. 494–414.

12. Сазонова, Л. И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени. – М.: «Рукописные памятники Древней Руси», 2012. – 472 с.
13. Сухих, О. С. Горький и Достоевский: Продолжение «Легенды...» (Мотивы «Легенды о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского в творчестве М. Горького) / О. С. Сухих. – Н.-Новгород: Изд-во: «КИТиздат», 1999. – 143 с.
14. Толстой, Н. И. Каков облик дьявольский? // Н. И. Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. – М.: Изд-во «Индрик», 1995. – 512 с.
15. Успенский, Б. А. Облик черта и его речевое поведение // In Umbra. Демонология как семиотическая система. Вып. 1 / Б. А. Успенский. – М.: РГГУ, 2012. – С. 17–65.

References

1. Borisova L. M. *M. Gorkii i Stalinskaya Epokha v Rasskaze F. Gladkova Krovyu Serdtsa* [M. Gorky and the Stalin Era in the Story of F. Gladkov *Blood of the Heart*]. Simferopol: Voprosy Russkoi Literatury, 2007, pp. 14–42.
2. Borisova L. M. *Infernalno-Satiricheskoe u Gorkogo i Bulgakova* [Infernal-Satirical in Gorky and Bulgakov Works]. Moscow: Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education Publ., 2009, pp. 46–55.
3. Bulgakov M. A. *Sobranie Sochinenii* [Collected Works]: in 8 vol. Moscow: Centrpoligraf Publ., 2004. 604 p.
4. Vinogradova L. N. *Narodnaya Demonologiya i Mifo-Ritualnaya Traditsii Slavyan* [Folk Demonology and Myth-Ritual Traditions of the Slavs]. Moscow: Indrik Publ., 2000. 432 p.
5. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii. Hudozhestvennye Proizvedeniya* [Collected Works. Works of Fiction]. Moscow: Nauka Publ., Vol. 1, 1969. 640 p.
6. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii. Hudozhestvennye Proizvedeniya* [Collected Works. Works of Fiction]. Moscow: Nauka Publ., 1969, Vol. 2, 640 p.

7. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii. Hudozhestvennye Proizvedeniya* [Collected Works. Works of Fiction]. Moscow: Nauka Publ., 1969, Vol. 4, 632 p.
8. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii. Pisma* [Collected Works. Correspondence]: in 24 vol. Moscow: Nauka Publ., 1997, Vol. 7. 703 p.
9. Gorkii M. *Polnoe Sobranie Sochinenii. Pisma* [Collected Works. Correspondence]: in 24 Vol. Moscow: Nauka Publ., 1997, Vol. 3. 495 p.
10. Leskiss G. A. *Triptikh M. A. Bulgakova o Russkoi Revolyutsii. Belaya Gvardiya. Zapiski Pokoinika. Master i Margarita. Kommentarii* [Triptych of M. A. Bulgakov on the Russian Revolution. *The White Guard. Notes of the Deceased. Master and Margarita. Comments*]. Moscow, OGI Publ., 1999. 427 p.
11. Mikhailovskii N. K. *O Povestyakh i Rasskazakh gg. Gorkogo i Chekhova* [On the Novels and Stories by Gorky and Chekhov]. Mikhailovskii N. K. *Kritika i Vospominaniya* [Mikhailovsky N.K. Criticism and Memoirs]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1995, pp. 494–414.
12. Sazonova L. I. *Pamyat Kultury. Nasledie Srednevekovya i Barokko v Russkoi Literature Novogo Vremeni* [Memory of Culture. The Heritage of the Middle Ages and Baroque in Russian Literature of the New Age.]. Moscow: Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ, 2012. 472 p.
13. Sukhikh O. S. *Gorkii i Dostoevskii: Prodolzhenie Legendy...* (*Motivy Legendy o Velikom Inkvizitore F. M. Dostoevskogo v Tvorchestve M. Gorkogo*) [Gorky and Dostoevsky: Continuation of *Legends ...* (*Motives Legends of the Great Inquisitor* by F. M. Dostoevsky in the Works of M. Gorky)]. N.-Novgorod: KITizdat Publ., 1999. 143 p.
14. Tolstoi N. I. *Kakov Oblik Diavolskii?* [What is the Appearance of the Devil?]. Tolstoi N. I. *Yazyk i Narodnaya Kultura. Ocherki po Slavyanskoi Mifologii i Etnolingvistike* [N. I. Tolstoy. Language and Folk Culture. Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow: Indrik Publ., 1995. 512 p.
15. Uspenskii B. A. *Oblik Cherta i ego Rechevoe Povedenie* [The Appearance of the Trait and his Speech Behavior] // *Demonologiya kak Semioticheskaya Sistema*. Moscow: RGGU Publ., 2012, pp. 17–65.

**“NEVER TALK TO STRANGERS”: GORKY'S PLOT IN
M. BULGAKOV'S NOVEL THE MASTER AND MARGARITA**

Borisova L. M.

Summary. The article develops the idea of intertextual connection between Bulgakov's novel *The Master and Margarita* and Gorky's short story *A Reader*. It studies the plot intrigue, the game of omissions and hints (behavioral, visual, verbal, acoustic), revealing similarities and differences between Gorky and Bulgakov. The article indicates the mythological background of the literary devices, exposed to the influence of the folk speech etiquette. It reveals Gorky's allusions to the dialogues of Bulgakov on the level of stylistic details and intonational drawing of phrases. It also notes implicit Gorky's reminiscences dealing with the eternal questions. In the text of Gorky's short story the article points out the moments indicating incompleteness of the action. The comparison of *A Reader* with the pamphlets *About the Devil*, *More about the Devil* reveals the demonic character of the short story hero. The article outlines the complex of plot elements and ideological motives common to all three works. It makes the conclusion about their generic-stylistic uniformity and cyclical unity.

The article notes the reflection in *The Master and Margarita* of the version of Gorky's plot, presented in Gladkov's short story *With the Blood of the Heart*, where the stranger acts as a positive hero in the image of the founder of the Soviet literature himself. Gladkov's story is regarded as one of the objects of Bulgakov's satire.

The analysis conducted allows asserting that the first chapter of Bulgakov's novel, setting the tone for the whole narrative, is based on the plot pattern tested by Gorky in the short story *A Reader*.

Keywords: M. Gorky, M. Bulgakov, *A Reader*, *The Master and Margarita*, literary source, demonic character, plot intrigue, paralipsis, hint, allusion, reminiscence.

УДК 821-512.2.09

**ТРАГЕДИЙНІСТЬ ЯК ДОМІНАНТНА СТИЛЬОВА РИСА ОПОВІДАННЯ
ДЖЕМІЛЯ СЕЙДАМЕТА «КЪАНЛЫ КОЛЬМЕК»
(«ЗАКРИВАВЛЕНА СОРОЧКА»)**

Гуменюк В. І.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: ukrLit_tnu@mail.ru

Джеміль Сейдамет плідно працював у кримськотатарській літературі насамперед у 20-х роках ХХ століття. Відтворюючи в своїй прозі революційні й пореволюційні роки, він здебільшого уникає поширеного тоді поверхового пафосу, тяжіючи до художнього осягнення складнощів буття й тасмниць людської душі. Це засвідчує вже перший значний твір автора – оповідання «Къанлы кольмек» – «Закривавлена сорочка» (1926), яке детально розглядається в запропонованій статті.

Автор веде зовні спокійну, розважливу оповідь про складнощі любовних стосунків, але притому в творі неухильно наростає внутрішній драматизм, який зрештою сягає трагедійної тональності. В моменти особливого загострення конфліктної ситуації епічний виклад невимушено переростає в напружені драматичні діалоги. Суттєву роль у наративній структурі твору відіграє також внутрішній монолог. Творча манера автора характеризується граничним лаконізмом, емоційною насиченістю й смисловою ємністю мальовничої образності, виразністю промовистих деталей, які часто набувають символічного звучання.

Кохання і зрада, обов'язок і право вільного вибору, високі духовні поривання й приземлена меркантильність – ці та інші питання постають перед персонажами, яким не вдається знайти щасливого виходу з виру пов'язаних з такими питаннями неоднозначних проблем.

Ключові слова: кримськотатарська література, мала проза, Джеміль Сейдамет, «Закривавлена сорочка», система персонажів, жанрово-стильова специфіка.

ВСТУП

Кримськотатарська література 20-х років ХХ століття, продовжуючи національно-культурне відродження, започатковане наприкінці ХІХ століття Ісмаїлом Гаспринським, явила немало яскравих імен. Серед прозаїків цього часу виділяється Джеміль Сейдамет (1903–1977), який творив і в пізніші часи, але основні твори автора, такі як оповідання «Къанлы кольмек» – «Закривавлена сорочка» (1926), «Къуртлагъан кокюс» – «Гнила рана» (1927), «Къую тюбюнде» – «На дні криниці» (1928), «Амам аралыгъы» – «Лазневий провулок» (1928), роман «Уфуткъа догъру» – «До обрію» (1930), написані саме в 20-і роки. Хоч письменник не був репресований

(очевидно, усвідомлюючи небезпеку перебування в Криму, перебрався в Магадан, де працював у газеті «Советская Колыма», пізніше жив у Москві), все ж, очевидно, що суспільна атмосфера 30-х і пізніших років не сприяла розвитку його таланту. Творчість автора, насамперед його проза 20-х років, залишається недооціненою і мало дослідженою. Скажімо, в двотомній антології кримськотатарської прози «Къарылгачлар дуасы – Молитва ластівок» (2005) [5] його художня спадщина не представлена. Поодинокі матеріали про автора мають здебільшого довідковий характер [1; 4]. Щоправда Л. С. Юнусова дещо ширше порівняно з іншими творами розглядає оповідання «Къуртлагъан кокюс», насамперед його тематичну спрямованість, пропонуючи не дослівний («Прогнили груди»), а більш вдалий переклад заголовку – «Гнила рана» [9, с. 337–338]. Не безсумнівні, хоч і не позбавлені деякої слушності теоретичні міркування письменника щодо розвитку національної літературної мови розглядає Шевкет Юнусов [8]. І все ж досі детально не проаналізовано жодного твору письменника, немає ґрунтовних розвідок про ті чи інші аспекти його художнього світу. Певною мірою заповнити, точніше розпочати заповнювати цю прогалину покликана пропонована публікація. Мета роботи – художній аналіз першого значного твору прозаїка, оповідання «Къанлы кольмек» («Закривавлена сорочка»), в жанрово-стильовій структурі якого суттєве місце належить трагедійності.

ВИКЛАД ОСНОВНОГО МАТЕРІАЛУ

Пов'язавши свою долю з нелюбом, молода жінка не в змозі забути свого колишнього зраненого кохання, продовжує жити не так сучасним, як минулим, що зрештою призводить до сумної розв'язки. Така чи інша подібного роду сюжетна схема з любовним трикутником у своїй основі доволі часто використовується в літературі. Не раз вона схиляє до мелодраматично спрощеного окреслення конфліктної ситуації, але під пером талановитого майстра, особливо в новітні часи, узгоджуючись із соціально-побутовими та психологічними чинниками поетичної образності, стає претекстом художньо незглибимих літературних творів, як-от,

приміром, п'єси Івана Франка «Украдене щастя» чи новели «Албена» й однойменної драми Йордана Йовкова.

Своєрідно й багатогранно трактує цю поширену сюжетну схему й Джеміль Сейдамет. Тривожну інтригу, яка неквапливо й напружено розгортається в самому творі, знаменує вже його назва – «Закривавлена сорочка», відтак цю тривожність підкреслює авторське жанрове визначення – «Трагічне оповідання». Означена самим автором категорія трагічного відіграє в художній структурі цього оповідання вельми суттєву роль. Певна монументальність, дещо уповільнена чітка розміреність викладу, лаконічне оперування колоритними деталями, які здебільшого набувають символічної виразності, – ці та інші особливості авторського стилю суголосні суворій простоті драматичного жанру трагедії. Притому автор уникає надмірного пафосу і розгортає свою оповідь як звичайну, побутово достовірну життєвську історію.

Власне самій історії, іншими словами, безпосередньому викладу подій, передуює передісторія. У двох коротких вступних фрагментах, графічно відділених один від одного й від основного викладу подій трьома зірочками, повідомляється про сватання молодого красеня, сільського вчителя Селіма до «синьоокої білявки» Фазіле. Автор звертає нашу увагу на те, що обраниця серця Селіма не лише відзначається особливою вродою, вона – донька високоповажного хатипа, релігійного служителя, якому доручено виголошувати божественні проповіді. Варто зазначити, що, як видно з подальшого контексту, це його єдина дочка (щоправда пізніше зазначається, що в дівчини є ще молодший брат). Батько з огляду на надто юний вік Фазіле відмовляє претендентів на її руку при першому сватанні, та коли сватів через деякий час той присилає вдруге, високоповажний хатип таки дає згоду, адже помічає й відчуває, що його улюблениця далеко не байдужа до Селіма. Тож молодих зрештою засватали.

Далі так само скупко, можна сказати, в «телеграфному стилі», сповіщається, що весілля зіграти не встигли, бо почалася Перша світова війна й парубка забрали до війська. Після трьох літ боїв, поранений, він лікувався в лазареті, а потім ще три роки воював на фронтах громадянської війни, ставши буремного 1917 року в місті Тулі червоноармійцем. І от лише після шестилітньої розлуки, коли червоні 1920 року увійшли до Криму, Селім повернувся в рідне село.

Наприкінці другого вступного фрагменту автор відходить від гранично лаконічної інформативності, від тяжіння до сухого стилю хронічки, про який свідчить зокрема оперування датами, позначення років (1914, 1920). Хоч його стильова манера й не позбавляється чіткого лаконізму, все ж спостерігаємо значно більше наближення до побутової колоритності, яке посилюється в подальшому викладі. Подається доволі розлогий опис дівич-вечора («къыз аркъадашларыны топлап джыйын»), що його влаштовано в домі Фазіле на честь повернення її нареченого після довготривалої розлуки. З допомогою промовистих мальовничих штрихів означається особлива урочистість, пишність цієї довгоочікуваної події, щасливої насамперед для нареченої, але значимої для всього села: «...бутюн гедже йырлап, ашап, ичип, къоран теперек, кийизлернинъ тозуны чаныгъытып сабагъа къадар эглендилер» («...всю ніч співали, бенкетували, танцювали хоран, аж вибивали пил кошми, веселилися до ранку»), наречена «табакъ-табакъ алма-армут кетирип къызларнынъ огюне къойды» («таця за тацею приносила яблука і груші, пригощала подруг») [7, с. 259]. До вже раніше поданих портретних рис «синьоокої білявки» додаються нові, які притому увиразнюють її невимовну радість: у відповідь на вітання «Фазіле посміхається, розтягуючи тонкі губи, показуючи білі зуби», вона «вся сяє» [7, с. 259].

Симптоматична з огляду на подальший розвиток подій, але наразі цілком узгоджена із загальним радісним настроєм репліка сільської дівчини Фатми, сестри пастуха Асана, яка начебто щиро вітає подругу і тішиться її щастям, мовляв, як же їй після такої тривалої розлуки з милим та й не радіти, але доволі двозначний епітет «динсизчик» («окаянна») може свідчити про певну двозначність усієї її не дуже й помітної в загальній піднесеній атмосфері репліки, може свідчити про лукавство й затаєну заздрість цієї Фатми. Фатма фігурує в оповіді лише цей один-єдиний раз, однак важливу роль у подальшому плині подій відіграє згаданий принагідно її брат, пастух Асан. Мабуть, не випадково згадка про нього пов'язана з таким тривожним штрихом.

Опис дівич-вечора можна вважати перехідним від хронологічної інформативності вступної частини, передісторії, до безпосереднього викладу подій. Надалі автор теж виділяє трьома зірочками окремі частини оповіді, вочевидь

прагнучи означити для читача певні її етапи. Але ці частини вже більш розлогі, ніж попередні два вступних фрагменти, тут особливу роль відіграють колоритні, психологічно обарвлені побутові деталі.

Якби автор був прихильним до мелодраматичного схематизму, третю частину оповіді, власне першу частину безпосереднього викладу подій, можна було б озаглавити словом «зрада». Але Дж. Сейдамет не поспішає рішуче засуджувати будь-кого зі своїх персонажів, тяжіє до глибокого осягнення далеко не завжди однозначних складнощів буття, внаслідок чого зрештою й виходить на трагедійні жанрово-стильові обрії. Спершу ніщо не віщує біди. Близько місяця Селім тайкома вчащає до нареченої, коли всі в домі засинають, стукотить стиха в її вікно й вона впускає його в свою кімнату. Чому ці зустрічі таємні? Вочевидь тому, що мусульманські традиції не дозволяють молодим спілкуватися віч-на-віч, та ще й вночі. Селім, побувавши в дальніх далях, встигши багато-чого зазнати на своєму віку, прилучившись і до інших систем цінностей, віддалився від цих традицій.

Описуючи взаємини молодих, автор вдається до характерних для його стильової манери промовистих колоритних деталей, побутових подробиць, психологічних нюансів: Фазіле повисла в милого шиї, грала його вузькими чорними вусами й пригощала соковитими грушами, прихованими в кошику [7, с. 260]. Із характерною для автора лаконічною виразністю, небагатослівно й психологічно переконливо відтворено момент фактично останньої зустрічі Селіма й Фазіле:

Бир гедже Селимнинъ бетине далгъын-далгъын бакъып «алты йыл нишанлы отурдыкъ, тойымызны не вакъыт япапсыз я?» деп янагъындан чимчеди, аасынынъ къучагъына атылгъан бала киби, Селимнинъ къучагъына ятып козьлерине бакъты. Селим бирден-бир абдырап алды.

– Куню келир тойымызны да япармыз, ашыкъмагъа не бар? – деп ташлады

(Однієї ночі, задумливо-задумливо глянувши на Селіма, вона промовила: «Шість років заручені, а коли ж весілля, га?»). Та вщипнула його за щоку і, немов дитина, що поривається до матері в обійми, вляглася на руках Селіма й зазирнула йому у вічі. Селім зненацька здригнувся.

– Прийде день, зіграємо весілля, куди поспішати? – зронив у відповідь) [7, с. 260].

Автор пластично виразно, психологічно проникливо вибудовує майже безсловесний діалог персонажів, у якому паузи відіграють особливу роль. Ключовим моментом у наведеній цитаті, моментом прийняття рішення Селімом про розрив з нареченою можна вважати таку промовисту деталь: «...зазирнула йому у вічі. Селім зненацька здригнувся». Дівчина зі щирим серцем, як дитина до матері, пригортається до милого, натомість наречений вкрай холодно сприймає її палкі поривання.

Селім, як видно, остаточно зрозумів, що минулі почуття згасли, що він уже не кохає свою наречену, тож різко припиняє зустрічі з нею. Фазіле через молодшого брата посилає коханому листи, але на жоден з них не отримує відповіді. Врешті до дівчини доходить чутка про те, що Селім став зустрічатися з Женею, дочкою сільського лікаря.

І тут на кін виходить постать на початку твору принагідно згаданого пастуха Асана. До цього сусідського парубка Фазіле звертається з проханням розвідати, що й до чого, без надії сподівається, що, може, він спростує ці осоружні чутки. Асан охоче погоджується допомогти привабливій сусідці тим паче, що, як чітко зазначається в творі, й сам «поклав на Фазіле око» («Фазилиде козю бар эди») [7, с. 260]. Вистежування й підглядання, до яких з неабияким завзяттям вдається простодушний Асан, нічого втішного дівчині не принесли. Підглянута з-за купи сміття (з цим сміттям зливається в прямому й переносному сенсі в нічній пітьмі таємний спостерігач) сцена задушевної зустрічі Селіма й Жені, з якої стає зрозуміло, що між ними зав'язуються любовні стосунки, подається в оповіданні двічі. Спершу так, як реально бачить цю сцену Асан, потім так, як він задля власного інтересу переказує побачену картину бідолашній Фазіле. В трактуванні цього нерозважливого парубка, нездатного зрозуміти, якого болю він завдає тій, на яку «поклав око», відступництво її коханого означається різкими, в цьому конкретному випадку навіть нещадними барвами: ті, за ким він так пильно спостерігав, виявляється, «обнімалися й цілувалися». Втім те, що Селім при тимчасовому прощанні з Женею сказав, що «назавжди порвав» зі своєю недавньою нареченою, було таки правдою, тож завзятий

розвідувач не побоявся поклястися в правдивості своїх слів про це іменем Аллаха, чим, не тямлячи цього, остаточно приголомшив свою співрозмовницю, можна сказати, завдав їй нищівного удару.

Автор веде оповідь загалом неквапливо й невимушено, але притому вона сповнюється все більшої внутрішньої напруги, кожна фраза, кожна образна деталь у нього набуває особливої значимості й лапідарної виразності, сприяючи неухильному наростанню драматизму:

Фази́ле бу хабе́рни э́диткен сонъ озю́ни тутамады, агълап йибе́рди, ойле бир аджджы акъыкъатны́нь усты́они ачкъаны ичюн озю́ни къабаатламакъ истеди, Асангъа чевирили́п:

– Айды Асан сен кет кет, – деди...

(Почувши таку новину, Фазі́ле не змогла стриматися, заплакала, докоряла собі, що спонукала Асана відхилити завісу перед гіркою правдою.

– Ну що ж, Асане, ти йди, – промовила...) [7, с. 261].

У цьому вкрай лаконічному епізоді автор з вражаючим проникненням у глибини зраненої душі героїні підкреслює – вона вже й сама не рада, що так зненацька дізналася про «гірку правду», до неї приходить моторошне відчуття, що це знання може стати вкрай нестерпним і згубним.

Як відразу ж з'ясовується, ці побоювання виявляються не марними. В оповіданні зворушливо розкриваються душевні й фізичні страждання дівчини, ледь жевріючі сподівання якої нарешті спалахнули щасливим сяйвом і раптово згасли. Вона ніч не спала, гірко плакала, під ранок, хоч намагалася стриматися, декілька разів непритомніла й зрештою захворіла. Натуралістичну точність, психологічну витонченість оповіді підкреслюють колоритні фразеологізми, як-от: «Акълына тю́рлю шейлер кельди» – «Всяка всячина приходила в думки»; «Ба́шы айла́нды» – «Голова йшла обертом». Болісне сум'яття героїні увиразнюють її розпачливі звертання до матері: «Алты йыл бекле де, сонъундан бойлер копек масхарасы ол!» – «Шість років чекай, а потім така несусвітня ганьба!»; «Ах, аначыгъым, бу пек агъыр шей, бунъа мен насыл даянырым!» – «Ах, матінко, це дуже тяжко, як же ж мені таке знести!» [7, с. 261].

Страждання дочки передаються матері, що знову ж таки підкреслюється промовистим фразеологізмом – «Анасынынъ да юреги атешлер ичинде исе де» («І серце матері було у вогні»). Все ж мати прагне всіляко заспокоїти, втішити дочку, мовляв на все воля божа, час неодмінно загоїть душевні рани і зрештою – «О олмаса башкысы олур» («Не цей, то інший знайдеться») [7, с. 261].

Хоч дівчина зовні начебто трохи й приходить до тями, все ж таки матеріні заспокійливі слова виявляються не дуже дієвими, про що свідчить подана на початку наступного великого фрагменту сцена невдалого самогубства героїні. Буквально кількома промовистими штрихами передається атмосфера часу, коли після цілоденних клопотів усе село засинає, завмирає, коли владарює глибоке нічне безгоміння: «Кой ичинде ич бир шей еринден тепренмей тынгъан. Ялынъыз гедже къушларынынъ сеслери эшитиле эди» («У селі все навкруги втихомирилося й ніщо не шелесне. В півтімні чуються лише голоси нічних пташок») [с. 261]. Психологічний паралелізм поміж гуками нічних птахів та тривогами людської душі – характерна образна фігура кримськотатарського пісенного фольклору, присутня, наприклад у пісні «Эки пугъу» («Два пугачі»): «Эки пугъу бир дереден отюшир, / Отъме, пугъу, дердинъ де бана етишир» – «Два пугачі загукали в ущелині, / Вмовкни, пугачу, бо твоя туга доконає мене» [6, с. 76]. На відповідні образи й мотиви кримськотатарського пісенного фольклору звертає увагу в своїх публікаціях Ольга Гуменюк [2, с. 9, с. 24–25]. Автор ощадно, але цілком виразно використовує такий паралелізм у своєму викладі. Згаданий образ нічного безгоміння конкретизується в портретних рисах сонної матері, за якою спостерігає не здатна заснути Фазіле: «Бу гедже Фазиле де юкълагъан киби олды. Бунъа куванып чокъ геджелер юкъусыз къалгъан ана да юкълап къалды. Фазиле анасынынъ къатты юкълагъаныны корип геджелик безь кольмегинен тѣшегинден сувурылып чыкъты, яваштан къапыгъа догъурулды. Анасынынъ кокълагъанына бир даа еъанмакъ, ичбнардына айланыв бакъты, къартлыкътан бурющкен дудакълары яваш-яваш ачылым орътюле эди. Демек, анасы къатты юкъуда» («Цієї ночі Фазіле начебто задрімала. Втішена цим, мати, яка вже не спала кілька ночей, теж заснула. Помітивши, що мати спить глибоким сном, Фазіле підвелася з ліжка і в білій нічній сорочці підкралася до дверей.

Аби впевнитися, що мати спить, озирнулася. Губи, вкриті старечими зморшками, то ледь-ледь розтулялися, то так само стулялись. Отже мати міцно спить») [7, с. 261]. Контрастно заявлена тривожність гуку нічних птахів детально розгортається в подальшому експресивному описі спроби самогубства героїні, яку чи не в останню передсмертну мить вдалося витягти з петлі; згодом її ледве врятували з допомогою негайно прикликаного лікаря.

Коли Фазіле через декілька тижнів нібито оговтується від страшних потрясінь і навіть «виглядає грайливо-усміхненою, як раніше» («эвельки киби ойнап-кулип юре эди»), батько дівчини, високоповажний хатип, вирішує засватати її за пастуха Асана. Принагідно подається ще декілька портретних рис цього вже знаного читачеві персонажа: «Онинь бетинде чичек хасталыгъындан къалгъан бенеклер олса да, озю этик, лафазан адам эди. Эр бир джыйынгъа, тойгъа актив къошула эди» («Хоч на його обличчі лишилися сліди від перенесеної віспи, все ж він був чоловіком жвавим та балакучим. Жодна гулянка чи весілля не обходилися без нього» [7, с. 262]. Асан до того ж був далеко не бідним женихом – після смерті батька йому в спадок дісталися аж чотириста баранів. Згадки про цих чотирьохсот баранів, якими він дуже пишався, своєрідним, не позбавленим легкої іронії рефреном супроводжують драматичне розгортання образу цього персонажа.

Однак не лише на самоті, а й під час доволі частих зустрічей з новоспеченим нареченим, на сватання і близьке весілля з яким Фазіле дає згоду, вона не може позбутися безнастанних думок про Селіма, незгасна любов до якого тепер поєднується з ненавистю. Жадання помсти мимоволі все дужче й дужче заволодіває її єством. Довго не зважається дівчина відкритися в своїх лихих намірах Асану, але однієї ночі впускає його через вікно до своєї кімнати, як раніше впускала Селіма. Певний перегук відповідних епізодів підкреслюється зокрема такою деталлю як поставлення перед прибулим таці з фруктами.

Напружену сцену спонуки нового жениха до вбивства жениха колишнього можна вважати переломною, кульмінаційною в оповіданні. Ця сцена набуває особливого драматизму, навіть трагізму, який попри своєрідність письма кримськотатарського автора й цілком відмінну мотивацію вчинків персонажів може

викликати певні асоціації з перипетіями шекспірівського «Макбета». Невипадково авторський виклад тут зводиться до вкрай лаконічних, скупих зауважень, по суті, ремарок, і на перший план виходить схвильований динамічний діалог.

Відповідаючи на провокативне запитання милої, Асан щиро запевняє, що любить її більше, ніж своїх чотирьохсот баранів, і ладен виконати будь-яке її прохання, вдовольнити будь-яке бажання. Позаяк перед тим в них уже була розмова про те, що між ними всупереч простодушним сподіванням нового претендента на руку дівчини все ще стоїть постать ненависного їй Селіма, Асан міг би здогадатися, але ніяк не здогадується чи відгонить від себе якісь там здогади про те, чого ж саме хоче від нього кохана. Відтак заздалегідь клянеться вволити її волю, взявши до рук і поцілувавши простягнутий дівчиною Коран. Можливо, це серед інших чинників також врешті-решт схиляє вкрай збентеженого парубка до здійснення озвученого наміру його одержимої помстою нареченої, яка, прагнучи підсумувати їхній доволі тривалий словесний двобій, твердо заявляє: «Къыскъадан айткъында, манъа Селимнинъ къанлы кольмегини кетирегжексинъ. Кетирмексен...» («Коротше кажучи, принесеш мені Селімову закривавлену сорочку. Коли не принесеш...»); «Селимнинъ къанлы кольмегини яры гедже элиме кетирип туттырмасанъ, къарынъ олмайым» («Коли опівночі не триматиму в руках Селімової закривавленої сорочки, дружиною твоєю не стану») [7, с. 263].

Асан знову й знову рішуче відмовляється, але притому не може змусити себе раптово піти і вже ніколи не повернутися. Експресивний тривалий діалог змінюється не менш тривалим мовчанням, автор зосереджує увагу на внутрішньому монолозі персонажа, окреслюючи притому доволі виразну мізансцену. Фазіле, зіщулившись, заплющивши очі, заціпеніла в кутку, а Асан, підійшовши до вікна, поринув у глибоку задуму. Його задума засвідчує неабияке душевне сум'яття – муки сумління, підсилені візією можливого ув'язнення, борються зі страхом втратити кохану. Раптовий крик досвітнього півня відриває персонажа від тяжких роздумів, зрештою він дає згоду на здійснення страшного злочину.

Прийнявши рішення, Асан ніби заспокоївся, принаймні взяв себе в руки й повернувся до звичного трибу життя. Щоправда ретельно й наполегливо, аж іскри

сипалися, точив великого баранячого ножа, яким, подумав, можна буде легко, одним ударом, не завдавши мук, убити людину. А ще ввечері довелося йти не до коханої, а знову вистежувати її колишнього нареченого. Загалом же все було, як звичайно, ніби підкреслено буденно. Цей зовнішній спокій, ця позірنا холоднокровність, що приходить до персонажа, надає особливої моторошності його насправді зловісному поведженню. Повернувшись після бурхливої ночі додому, парубок міцно заснув, пізніше, здійснивши омовіння і намаз, позаяк була п'ятниця, пішов до мечеті й ревно молився. Увечері, хильнувши для сміливості дві склянки виноградної горілки, подався вистежувати Селіма, котрий, звичайно, перебував у цей час у сільській кав'ярні, звідки направлявся до своєї нової пасії. Лише вдосвіта вдалося вбивці зустрітися віч-на-віч на безлюдді зі своєю жертвою. Безтурботний Селім, нічого не підозрюючи, простягнув знайомцеві цигарку. На якусь мить Асан завагався, за великим рахунком він не бачив жодних причини вбивати товариша, який до того ж відступився від його коханої. Тому став шукати якусь зачіпку. І те що ця зачіпка, ця зовнішня причина навіть для самого Асана, звичайного пастуха, виявляється, по суті, надуманою, нікчемною, знову ж таки лише увиразнює трагізм ситуації.

З ініціативи Асана між персонажами зав'язується суперечка про те, личить чи не личить мусульманинові зустрічатися з невірною. Селім, усміхаючись на «немудрі речі» співрозмовника, впевнено стверджує: «Бир-биримизни севген сонъ татары-къзагъы не оладжакъ?» («Коли ми любимо одне одного, татарка вона чи козачка, хіба не все одно?») [7, с. 265]. Вважаючи цю суперечку безглуздою, Селім попрощався й пішов. Не відповідаючи на його прощальні слова, мовчки підкравшись заду, натренований на баранах убивця вправним рухом всаджує гостре лезо в живіт своїй жертві. Притому не забуває, ще раз полоснувши ножом, зняти з уже бездиханного мерця закривавлену ситцеву сорочку.

Після вбивства, яке не могло для лиходія, для його внутрішнього стану лишитися безслідним, Асана опановує панічне сум'яття, з неабиякою динамікою та яскравістю виписане автором, який зокрема вдається до характерних портретних штрихів:

Лякин Асан бу вакъианынъ тесиринде токътамай къалтырай, козь огюне чешит дешетли шейлер корюне. О къапы артында Селимнинъ кольмегини корьген сайын делиреджек бир дереджеге келе. О, къоркъа, къоркъа уфакъ кузьгюни элине алып юзюни бакъты: козьлери чиркин бир алда буюклешкен, бети ап-акъ агъаргъан, кокретинде Селимден сычрагъан къан тамгъалары козине илишкенинен, озюни тутамды, элиндеки кузьгюни ерге фырлатып парчалады

(Але приголомшений тим, що сталося, він усе ще тремтів, в очах роїлися страхітливі видива. Щоразу натикаючись поглядом на Селімову сорочку, закинуту за двері, ледве не втрачав тям. Лякливо-лякливо узяв до рук маленьке дзеркальце й зазирнув у нього: очі були якісь страхітливо виражені, обличчя пополотніле; раптом помітив на грудях бризки Селімової крові, не витерпів і, кинувши дзеркальце додолу, розбив його на друзки) [7, с. 267].

Тепер уже Асанові ледве-ледве вдається взяти себе в руки. Єдина надія – зустріч з коханою. Він сподівається, що вона втішить, порятує від несусвітнього жаху, кошмару, який проймає все єство персонажа і від якого йому нема куди подітися. Але ця зустріч ще більше, до краю приголомшила його.

Де вже було знатися сільському простаку на тонкощах жіночої психології? Це простацтво, нездатність вийти за межі своїх стереотипних уявлень, схильність міряти духовні цінності, виходячи з приземлених критеріїв (кількості баранів), можна вважати художньою субстанцією твору, сумірною з фатумом античної трагедії. Вочевидь не випадково, описуючи Селіма, що поспішає на зустріч з Женею, автор зазначає, що безжурний, окрилений закоханий «не підозрює, що за ним назирці ступає дух смерті» («аркъасындан кельген эджельден руху гъафлет эди») [7, с. 265]. Це пов'язане з постаттю Асана поняття «духу смерті» («эджельден руху») дуже близьке до таких понять як «немилосердна доля» чи «фатум».

Не дуже криючись, кохана впускає Асана до кімнати не через вікно, запрошує зайти через двері. Дуже холодно приймає прибульця. Вкрай несподіваною, аж ніяк не очікуваною виявляється для персонажа її реакція на принесену криваву сорочку:

Фазиле кольмекни корьгени киби аякъкъа къалкъты, элини кольмекке узатмай, игренч бир ачувнен козьлерини Асангъа тикерек, аякъ устюнде къатып къалды. Асан неге огърагъаныны бильмеди, пельтекленип:

– Сенинъ истегинъни ерине кетирдим, Фазиле, бу Селимнинъ кольмегидир, – деди де кольмекни кене Фазилеге узатты.

Фазиленинъ козьлери атеш сачаджакъ киби ялтырады, буюклешти. О, богъазындан къарыкъ чыкъкъан бир сеснен:

– Эвимден чыкъ, арам, джанавар эриф! Не отурасынъ, тез чыкъ, къанлы динсиз! Кене отурасынъмы, чыкъ дейим санъа, – деп Асанынъ устюне джекирди

(Фазиле, щойно углеdivши сорочку, зiрвалась на ноги, не взяла сорочки до рук, презирливым поглядом пройняла Асана й застигла, мов камiнна. Ошелешений Асан промимрив:

– Я виконав твоє бажання, Фазиле, це Селiмова сорочка, – i знов простягнув сорочку дiвчинi.

Очi Фазиле розширилися, заблискотiли, здавалося, з них от-от посиплються iскри. З її горла вирвався хрипкий гук:

– Геть з мого дому, мерзотнику, звiрюко! Чого стоїш? Забирайся швидше, кривавий безбожнику! Не лишайся тут, геть звiдси. – Кричала вона Асану) [7, с. 267].

Убивця вже й так перебував поза межами здорового глузду. Наразившись на таку зустріч, він зрештою в нестямі повернувся й шугонув з кімнати. Автор з допомогою колоритної лексики, промовистих фразеологізмів передає його напівпритомний внутрішній стан: «...онынъ бутюн вуджуды атеш ичинде эди, козьлери огюнде къаралы, къызыллы шейлер ойнай, башы айланд, кокюсини, къайбургъаларыны демир къыршавнен сыкъкъан киби келе» («все тіло його палало вогнем, перед очима мерехтіла якась чорно-червона ряботiнь, голова крутилась ходором, груди, ребра нiби стискались залiзними обручами») [7, с. 268]. Раптом зауваживши в передпокої прихилену за дверним сокиру, навіжений ухопив її й рвонувся назад. Автор це вбивство описує ще з більш суворою й нещадною виразністю, ніж попереднє, завершуючи основний виклад вкрай печальною картиною: «Астында Селимнинъ къанлы кольмени олмакъ узре Фазиле къара кийиз устюне узанып къалды»

(«Притуливши до себе Селімову закривавлену сорочку, Фазіле бездиханно простяглась на чорній повстяній рядюжці») [7, с. 268].

У відділеному трьома зірочками від основного викладу коротенькому епілозі скупі сповіщається, що тіла Фазіле й Селіма поховали на кладовищі, а від Асана, котрий після злочинства пішов у напрямку гір, що височіють за селом, і зник у темряві, не лишилося й сліду, його поглинули морські хвилі.

ВИСНОВКИ

Отже, під пером автора поширена мелодраматична колізія набуває виразно трагедійного звучання. Кожен з провідних персонажів прилучився до печального розвитку подій і на кожному з них лежить печать трагічної вини. Разом з тим письменник не поспішає беззастережно засуджувати жодного з них, занурює читача у вир складних життєвих проблем, на які немає простих відповідей, і значною мірою саме завдяки цьому виходить на обрії трагедійності. Відтак образи провідних персонажів постають складними, психологічно обґрунтованими, певною мірою загадковими. При їх змалюванні, як і загалом у своєму викладі, автор використовуючи зокрема чіткі й виразні портретні штрихи, мальовничі означення внутрішніх переживань, душевних станів, уникає багатослівності, досягає граничного лаконізму, лапідарності, навіть певної монументальності, характерної для жанру трагедії. Глибокий драматизм, притаманний твору, виявляється зокрема в тому, що в час особливого напруження оповіді в епічному викладі невимушено окреслюються драматичні діалоги.

Згадана чітка сконденсованість авторського письма означається також у відсутності просторих описів, натомість письменник вдається до ефектного оперуванні промовистими образними деталями, які не раз набувають символічного звучання. Такою деталлю є, наприклад, соковиті фрукти, насамперед духмяні яблука і груші, якими Фазіле щедро пригощає подруг на дівич-вечорі, які пізніше, добираючи найкращі, пропонує нареченому під час чи не кожної зустрічі з ним, які потім так само приносить новому жениху в ніч вирішальної розмови з ним. Принадні плоди в багатьох художніх системах, зокрема і в кримськотатарському фольклорі,

фігурують як символи любовного дання [2]. Певним символом, пов'язаним з постаттю Асана, є приналежна йому отара баранів, прикметно, що знаряддям убивства він обирає баранячого ножа. І, звичайно ж, дуже промовистим є винесений в заголовок зловісно-мальовничий образ закривавленої сорочки, який інтенсивно фігурує в післякульмінаційній частині оповіді, цю сорочку, як найдорожчий скарб, притискає героїня до грудей у передсмертну мить.

Як зазначалося, автор графічно виділяє в оповіданні його окремі, фабульно завершені фрагменти. Ці фрагменти дуже нерівнозначні у своєму обсязі. Перший фрагмент складається буквально з декількох коротких речень і вкладається в невеличкий абзац. Його умовно можна назвати «Сватання». Другий фрагмент (назвемо його – «Дівич-вечір після шестилітньої розлуки») займає вже пів сторінки. Третій («Відступництво нареченого») – це вже майже дві сторінки. Нарешті четвертий, ключовий фрагмент (назвемо його так – «Породжена любов'ю-ненавистю помста після спроби самогубства»), являючи собою основну частину оповіді, розгортається на восьми сторінках. Однак раз-у-раз зростає не лише обсяг, а й внутрішня напруга попервах зовні цілком спокійної, розміреної оповіді. Мабуть, можна сказати, що ця напруга посилюється в геометричній прогресії чи за принципом музичного крещендо, знаменуючи неухильне наближення, наростання катастрофи, яке зрештою катастрофою й закінчується. Звичайна лінійна композиція без жодних ліричних відступів, історичних екскурсів чи інших хронотопних модуляцій все ж набуває під пером автора особливої вишуканості, увиразнюючи властивий його творчій манері лапідарно-монументальний лаконізм.

Список літератури

1. Абдураман И. Девир нефесини сезип [Чувствуя дыхание эпохи] / Иса Абдураман // Кырым. – 1998, 15 авг.
2. Гуменюк О. Меджбур олдым мен бир гуле – Взяла у бран мене троянда: поетичний світ фольклорного пісенного жанру – макаму / Ольга Гуменюк. – Сімферополь: Світ, 2008. – 152 с.

3. Гуменюк О. Особенности поэтической речи крымскотатарской народной песни «Акъыз сени нерелерден излерим» («Где же, девушка, искать твои следы») / Ольга Гуменюк // Филологический аспект: международный научно-практический журнал (Нижний Новгород). – 2017. – № 9 (29). – С. 91–96.
4. Керимов И Сейдамет Джемиль / Исмаил Керимов // Деятели крымскотатарской культуры (1921–1944): биобиблиографический словарь / Гл. ред. и сост. Д. Урсу. – Симферополь: Доля, 1999. – С. 167–168.
5. Къарылгачлар дуасы: кырымтатар несиринаиъ антологиясы – Молитва ластівок – антологія кримськотатарської прози: в 2 т. / Упорядники Микола Мірошниченко, Юнус Кандим. – Київ: Етнос, 2005.
6. Шерфединов Я. Янърай къайтарма – Звучит кайтарма / Ягъя Шерфединов. – Ташкент: Изд-во лит. и иск. им. Гафура Гуляма, 1979. – 332 с.
7. Эдебият. Хрестоматиясы: Узбек тили ве эдебияты факультети (Кырымтатар тили ве эдебияты боллюги) / Тертип эткенлер: Абдулла Дерменджи, Абдулла Балич, Джафер Бекиров. – Ташкент: Укитувчи, 1971. – 432 б.
8. Юнусов Ш. Э. Языджи, де вир ве истидат кучю (XX ас. 30-дзы сс. бедий эдебиятымызгъа мунасебет мемелине даир) / Шевкет Эльвисович Юнусов // Научный вестник Крыма. – 2017. № 6 (11). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pisatel-epoha-i-sila-talanta-k-voprosu-ob-otnoshenii-k-krymskotatarskoy-hudozhestvennoy-literature-30-h-gg-hh-veka/viewer> (дата звернення 9.12.2019)
9. Юнусова Л. С. Крымскотатарская литература / Л. С. Юнусова. – Симферополь: Доля, 2002. – 344 с.

References

1. Abduraman I. *Devir Nefesini Sezip* [Feeling the Breathing of Epoch]. *Kyrym* [Crimea], 1998.
2. Humeniuk O. *Mejbur Oldym Men Bit Gul'e – Vzjala u Bran Mene Troyanda: Poetychny Svit Folklornoho Pisennoho Zhanru – Makamu* [The Rose Had Taken Me into the

-
- Prison: The Poetic World of Folk Song Genre – Makam]. Simferopol: Swit Publ., 152 pp.
3. Humeniuk O. *Osobiennosti Poeticheskoy Riechi Krymskotatarskoy Narodnoy Piesni Akyz Seni Nerelerden Izlerim* (Gdie Zhe, Dievushka, Iskat Tvoi Sledy) [The Peculiarities of Poetry Speech of Folk Song by Crimean Tatars *O Girl, where to Find Your Trips*. Filologicheskiiy Aspect [Philological Aspect]. 2017, pp. 91–96.
 4. Kerimov I. Djemil Seydamet. *Dieyatieli Krymskotatrskoy Kultury (1921–1944): Biobibliograficheskiiy slovar* [Personalities of the Culture by Crimean Tatars (1921–1944): Biographic and Bibliographic Dictionary]. Simferopol: Dolia Publ., 1999, pp. 167–168.
 5. *Karylhachlar Duasy: Kyrymtatar Nesirinin Antologiyasy – Molytva Lastivok: Antologiya krymskotatrskoyi prozy: v 2 t.* [Swallows' Prayer: Anthology of Crimean Tatar Prose: in 2 vol.]. Kyiv: Ethnos Publ., 2005.
 6. Sherfedinov Ya. *Yanray Kaytarma – Zvuchit Kaytarma* [The Kaytarma Sounds]. Tashkent: Gafur Guliam Publ., 1979, 332 pp.
 7. *Edebiyat. Khrestomatiyasy: Uzbek Tili ve Edebiyaty Fakultieti (Kyrymtatar Tili ve Edebiyaty Bolliugi)* [Literature. Collection of Texts: Uzbek Language and Literature Faculty (Crimean Tatar Language and Literature Department)]. Tashkent: Ukituvchi Publ., 1971. – 432 pp.
 8. Yunusov Sh. E. *Yazydgy, Devir ve Istidat Kuchiu (XX as. 30th ss. Bediy Edebiyatymyzga Munasibiet Meselesine Dair* [The Writer, the Era and Talent (to the Question about the Attitude to the Crimean Tatar Literature the 30th of the XX Century)]. *Nauchnyi Vestnik Kryma* [Scientific Herald of Crimea], no 6 (11). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pisatel-epoha-i-sila-talanta-k-voprosu-ob-otnoshenii-k-krymskotatarskoy-hudozhestvennoy-literature-30-h-gg-hh-veka/viewer> (accessed 9 December 2019)
 9. Yunusova L, S. *Krymskotatarskaya Literatura* [Crimean Tatar Literature]. Simferopol, Dolia Publ., 344 pp.

ТРАГЕДИЙНОСТЬ КАК ДОМИНАНТНАЯ СТИЛЕВАЯ ЧЕРТА РАССКАЗА

ДЖЕМИЛЯ СЕЙДАМЕТА «КЪАНЛЫ КОЛЬМЕК»

(«ОКРОВАВЛЕННАЯ РУБАШКА»)

Гуменюк В. И.

Джемиль Сейдамет плодотворно работал в крымскотатарской литературе, прежде всего, в 20-х годах XX века. Воссоздавая в своей прозе революционное и послереволюционное время, он преимущественно уклоняется от распространенного в ту пору поверхностного пафоса, тяготея к художественному постижению сложностей бытия и тайн человеческой души. Об этом свидетельствует уже первое значимое произведение автора – рассказ «Къанлы кольмек» – «Окровавленная рубашка» (1926), детально рассматриваемый в предлагаемой статье.

Автор ведет внешне спокойное, подчеркнуто рассудительное повествование о сложностях любовных отношений, но при этом в произведении неустанно нарастает внутренний драматизм, достигающий, в конце концов, трагедийной тональности. В моменты особого заострения конфликтной ситуации эпическое изложение непринужденно перерастает в напряженные драматические диалоги. Существенную роль в нарративной структуре произведения играет также внутренний монолог. Творческая манера автора характеризуется предельным лаконизмом, эмоциональной насыщенностью и смысловой емкостью живописной образности, выразительностью красноречивых деталей, часто приобретающих символическое звучание.

Любовь и предательство, долг и право свободного выбора, высокие духовные устремления и приземленная меркантильность – эти и иные вопросы предстают перед персонажами, которым не удастся найти счастливый выход из круговорота связанных с такими вопросами неоднозначных проблем.

Ключевые слова: крымскотатарская литература, малая проза, Джемиль Сейдамет, «Окровавленная рубашка», система персонажей, жанрово-стилевая специфика.

TRAGEDY FEATURE AS THE MAIN ONE IN THE STYLISTIC STRUCTURE

OF SHORT STORY BY JEMIL SEYDAMET KANLY KOLMEK

(THE BLOODY SHIRT)

Humeniuk V. I.

Jemil Seydamet fruitfully worked in Crimean Tatar literature first of all in the 20th years of XX century. Depicting in his prose revolution and feather epoch he previously avoids the very spread in those times surface pathos, seeks to figurative thinking on completed being and mystery of human soul. It is confirmed by short story *Kanly Kolmek – The Bloody Shirt* (1926). This literary work is investigated in details in the proposed article.

The writer provides externally calm and considerate narration about the complications of love attitudes, but at the same time the inner dramatic quality, receiving the tragic tonality in conclusion, is increasing steadfastly in the work. The epic narration in the moments of peculiar intensification of the conflict situation transforms in unconstrained manner into intense dramatic dialogs. The inner monolog also pays the substantial role in the narrative structure of this short story. The artistic manner of the author is characterized by extreme laconism, emotional saturation and substantial capacity of picturesque images, by expressiveness of eloquent details, which often obtain the symbolic tonality.

Love and treason, obligation and free choice, high spirit diving and squat commercialism – these and other questions present before main characters, who are impossible to find a happy issue from the cycle of completed problems, connected with these conceptions.

Ключевые слова: literature by Crimean Tatars, short prose, Jemil Seydamet, *Kanly Kolmek* – *The Bloody Shirt*, literary character system, genre and style peculiarity.

УДК 821.161.1

**НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ПОЭМА Н. А. МАРКЕВИЧА
«ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ»: ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ В РАМКАХ АВТОРСКОЙ ИДЕОЛОГИИ¹**

Курьянов С. О.

**Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: so_k@inbox.ru**

Поэма Н. А. Маркевича «Дмитрий Донской» (1827–1828) важна не столько для понимания путей развития русской литературы первой трети XIX века, сколько для понимания принципов художественного и исторического повествования поэтом и будущим историком Украины.

В своих принципах изображения исторической действительности он во многом следует за авторами эпических поэм. Вместе с тем полностью отказывается от традиционных для русской эпической поэмы вольностей и фантастических элементов в использовании исторического материала, и, поскольку дорожит исторической достоверностью, понятой во многом в романтическом духе, фантастическое объясняет понятными жизненными явлениями.

В работе над поэмой во многом формируются исторические принципы Н. А. Маркевича. Поэт стоит на российских государственных позициях видения исторического процесса. К этой позиции причудливо добавляется явное сочувствие декабристским идеям. Главное для него – сложившаяся традиционность взгляда на исторический процесс.

В предлагаемой статье показана и доказана также зависимость позиции Н. А. Маркевича от использования исторического материала, который он кладёт в основу своих произведений. Так, если в «Украинских мелодиях» отчётливо замечен местный малороссийский (украинский) патриотизм автора, со свойственной ему узостью взгляда на мир, то в «Дмитрии Донском» сама тема произведения выводит поэта на иной уровень: он видит историческую перспективу в общероссийском (то есть в государственном и многонациональном) плане, его патриотизм становится многогранным и многослойным, подчиняясь интересам не отдельной группы людей, но всего многоязычного и многокультурного пространства Русской земли.

Ключевые слова: романтическая поэма, история России, Куликовская битва, Дмитрий Донской, Н. А. Маркевич, русская литература, принципы художественного изображения.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В первой половине 1840-х годов Н. А. Маркевич, до этого более выступавший как поэт, музыкант, этнограф и фольклорист, опубликовал плод своих научных исторических изысканий – пятитомную «Историю Малороссии». В этом исследовании отчётливо виден малороссийский (украинский) патриотизм автора.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00430.

Причем не просто любовь к родной земле, а именно местный национал-патриотизм, в котором заметны антироссийские настроения – одна из черт украинского политического мировосприятия, берущего своё начало еще в XVII веке.

Характерная для части малороссийской интеллигенции начала XIX века, эта позиция укреплялась благодаря определённым идеологическим ракурсам трактовки документов по истории Украины, которые поэт начал собирать и анализировать с момента возвращения в Малороссию после учебы в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте в Петербурге в 1820 году. Это прочитывается, например, в неопубликованном стихотворении Н. А. Маркевича «В альбом И. В. М.» (1823):

Любитель своего народа,
Отчизны добрый гражданин
В душе Малороссиянин!
<...>
Я ведаю твои желанья:
Отчизны дорогой своей
Ты слышишь тяжкие стенанья
Под игом Варварских цепей?
Дай Бог, чтобы они упали
И притеснителя сковали [см.: 7, л. 43об.].

Это заметно в логике построения поэтического сборника Н. А. Маркевича «Украинские мелодии» (1831) [8]: опубликованные вместе в определенном порядке «мелодии» подводили читателя к характерным для формирующейся украинской интеллигенции идейным выводам о необходимости национально-освободительной борьбы [об этом см., напр.: 5, с. 26–28].

Тем оригинальнее выглядит в контексте творчества поэта исторический и идейный контекст поэмы «Дмитрий Донской» [6], тема которой – освобождение Руси от владычества Орды – также могла привлечь Н. А. Маркевича именно идеей

национального освобождения, но раскрытие этой темы подвела поэта совсем к иным выводам.

Поэма создавалась Н. А. Маркевичем в 1827–1828 годах, опубликована не была и внимания литературоведов не удостоивалась, если не считать краткие суждения Е. М. Косачевской о ней, помещенные в её монографии о Н. А. Маркевиче [см.: 3, с. 62–69], а также наши давние заметки о её художественных особенностях [4].

Едва ли ни единственное упоминание о поэме современниками встречаем в письме В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому, где о ней говорится кратко в ряду других сообщений. Акцент на поэме старший поэт не делает, а более ведёт речь о Н. А. Маркевиче как начинающем поэте: «Я недавно познакомился с новыми нашими стихотворцами Н. А. Маркевичем и Языковым. Н. А. Маркевич мне сказывал, что он сочиняет героическую поэму Дмитрий Донской. Он совершенное дитя природы, хороший музыкант, но лицом к ставцу сесть не умеет» [9]. Правда, Е. М. Косачевская с уверенностью утверждала, что Н. А. Маркевич читал поэму А. С. Пушкину, когда в 1829 году находился в Москве и неоднократно у него бывал [см.: 2, с. 66], хотя подлинных свидетельств тому нет.

Если говорить об исторической основе поэмы, то материалом для сочинения Н. А. Маркевичу послужили прежде всего «Сказание о Мамаевом побоище» (в какой именно редакции, сказать затруднительно), «История государства Российского» Н. М. Карамзина и, как это ни странно для будущего историка, трагедия В. А. Озерова «Дмитрий Донской».

Песнь первая поэмы Н. А. Маркевича (всего были написаны три песни) посвящена совету русских князей перед походом к Дону. Много внимания уделено словам каждого, разъяснению платформы, на основе которой происходит объединение русских князей под руководством Дмитрия. Собранные под знамя московского князя, русские войска направляются к берегам Дона. Во время привала Дмитрию является видение – богиня, именующая себя «Бранной Россией». Она предрекает князю победу и направляет его к Сергию Радонежскому для благословения, а также с тем, чтобы он взял с собой необходимых в грядущем бою Ослябю и Пересвета.

Димитрий с небольшим отрядом соратников направляется в Троицкую обитель. В пути по просьбе Димитрия князь Брянский повествует о нашествии монголо-татар на Русь – рассказ, слышанный им еще в малолетстве от деда. Получив в Троицкой лавре благословение Сергия Радонежского, вместе с благословлёнными на брань Ослябей и Пересветом московский князь со спутниками устремляется вдогонку за ушедшим войском. Об этом вторая песнь.

Без устали мчится отряд князя, но силам есть предел. И через три бессонные ночи всадники устраивают привал на берегах небольшой реки. Все, сморенные долгой дорогой, тотчас засыпают, но Димитрию не спится. И вот в сиянии озаренной луной реки к нему подплывают прекрасные девы-русалки. Они завораживают князя своими песнями и танцами, манят, зовут за собой. И князь уже начинает забывать то, к чему стремился, уже готов идти за ними. Но с этот момент появляется дивная богиня Бранная Россия, которая и напоминает Димитрию его предназначение, она ведет его за собой в прекрасные чертоги и показывает то, ради чего он и спешит на кровавую встречу с Мамаем, приоткрывает завесу над будущим страны. И видит князь свою могучую Родину, ее победы и свершения, выдающихся государственных деятелей, полководцев, писателей и поэтов – славу России, той России, ради которой падет не одна русская головешка на поле Куликовом, ради которой и ведет свое войско к берегам Дона Димитрий, князь московский. Так заканчивается третья, последняя песнь.

Исторический контекст поэмы «Димитрий Донской» состоит из нескольких временных (исторических) пластов, обусловленных авторским замыслом, реализуемым через сюжетную канву произведения.

Пересказ краткого содержания поэмы красноречиво свидетельствует, что в произведении три временных (исторических) пласта – *настоящее*, совпадающее со временем описываемых событий 1380-го года, *прошлое*, то есть то, что препятствовало свободному развитию Руси и привело к решительным политическим действиям князя Димитрия и сражению на поле Куликовом, и *будущее* – грядущие свершения и победы, грядущее величие России, то есть всё то, что стало возможным благодаря победе русских воинов в Куликовской битве.

Цель данной статьи – опираясь на текст неопубликованной поэмы Н. А. Маркевича «Димитрий Донской» и рассматривая художнические подходы поэта к историческому материалу, уяснить исторические принципы, исторические и идейные взгляды будущего историка Малороссии.

Материалом данной статьи послужил основной исторический событийный ряд – художественное изложение в поэме событий, непосредственно предшествующих Куликовскому сражению, и описание персонажей, участвовавших в этих событиях.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Основной исторический материал поэмы касается времени, непосредственно предшествующего Куликовской битве и ограниченного событиями лета 1380-го года. Из упоминаемых событий этого времени – две битвы: грядущая – на поле Куликовом и недавняя – битва на Воже, впервые после монголо-татарского нашествия вселившая в русских воинов уверенность в то, что они могут побеждать ордынцев:

И с битвой Вожьскою народ от сна восстал.

Там родины врагов, ордынцев и Бигича

Он в бегство обратил. Там славная добыча,

И драгоценные татарские ковры,

И золото, и серебро, и ханские шатры

Упали в руки нам [6, 43 об.]².

Персонажи поэмы, даже те, что просто упоминаются, поделены на безусловных врагов и предателей, с одной стороны, и безусловных сторонников, с другой, причём первых намного меньше, чем вторых, что закономерно, поскольку авторская задача – показать растущую мощь Руси при Дмитрии Донском. Резко антитетичное разделение персонажей можно было бы отнести к признакам классицистической поэтики, заметной в поэме, если бы не явно романтическое оформление событийного

² Далее в тексте статьи ссылки на этот источник даются после цитат в круглых скобках с указанием листа рукописи.

ряда. В такой ситуации враги и предатели несут в себе черты безусловных романтических злодеев, а сторонники и союзники – безусловных героев.

Димитрий Донской – в момент подготовки похода на Мамаю еще просто князь Московский, озабоченный единением русских князей перед лицом грозящей опасности, – является абсолютным положительным героем, который, «подъяв свою десницу, орду мамаеву... мощно колебал» и «врагов... в бегство обратил» (указание на победу в Вожской битве. – л. 43 об.). В своей речи, обращенной к собравшимся на совет князьям, он твёрдо заявляет:

В бездействии влачить всю жизнь свою — позор!

Полков мамаевых обнять не может взор,

А нас одна лишь горсть; но за права народа

Сойдутся ли на бой Тиранство и Свобода, —

Ступай с Свободою! (л. 46–46 об.).

Столь же категоричны соратники Димитрия – Михаил Тверской (поэтический домысел автора, поскольку сведений об участии тверского войска в походе на Мамаю нет) и Дмитрий Суздальский. Фактом своего прихода на княжеский собор их поддерживают Василий и Роман Ярославские, Дмитрий Брянский.

Князь Тверской твёрдо заявляет, что «любил бы месть»,

Но только не тогда, как страждут дом и честь.

В страстях не предпочту Отечества чужбине.

Я, прежний недруг твой, — твой верный друг отныне (л. 45).

Тут заметим, что в знании и понимании исторических событий Н. А. Маркевич ориентируется на своих современников, с упоением читавших «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина и поэтому хорошо помнивших о давней вражде за первенство Московского и Тверского княжеств. Напомним, что за пять лет до Куликовской битвы был осуществлен поход Дмитрия Ивановича Московского на

Тверь, в котором участвовали двоюродный брат московского князя Владимир Андреевич Серпуховской, Дмитрий Константинович Суздальский, Святослав Иванович Смоленский, Роман Михайлович Черниговский, Фёдор Романович Белозерский, Иван Юрьевич Тарусский и др. – всего шестнадцать князей со своими войсками. Для предполагаемого читателя поэмы сам факт (пусть и вымышленный) описываемого единения дополнительными художественными средствами подчеркивал насущность объединения князей вокруг Москвы.

«В сей славный день погаснет наша злоба, – говорит князь Суздальский. – Дай руку! Твой до гроба!» (л. 45 об.).

Умудрённого летами Фёдора Белозерского радует единение князей: «О сколь приятно зреть, приближась к краю гроба, / ... что между нами злоба / И пагубный раздор погасли наконец», – и именно его, многоопытного, посещает сомнение («Полки несметные ведет на нас Мамай, / А нас одна лишь горсть...»). Но после слов Димитрия: «Ты всех нас опытней, но не уверишь в том, / Что сладко дань платить и век свой быть рабом», – он также соглашается с московским князем: «Рабами полно быть! Судьба на нас видна! / Свобода или смерть!» (см.: 45 об. – 46, 47 об.).

Московский князь напрямую обращается к народу с речью, объясняя свою гражданскую позицию и призывая сплотиться перед лицом приближающейся опасности:

Должна свой временный загладить стыд Россия,
И заковав врагов обломками цепей,
Остановить шаги близ моря и степей.
Доселе были мы ярем влачить достойны:
Губительный раздор, междоусобны войны,
Неугасимая к соотчикам вражда,
В оковы ввергнув нас, терзали иногда.
<...>
А ныне, граждане, когда одной душой
Вступаем с жадностью за Родину мы в бой.

Когда мы в жертву ей богатство, жизнь приносим,

Мы снова русские! Мы бремя рабства сбросим;

<...>

Теперь изведает татар надменный хан,

Надолго ль русский край унижен и попран!

Грозь как царь царей подъять свою десницу,

Своих посланников он шлет ко мне в столицу

И предлагает жизнь за золото мне в дар;

Я не приму ее под властью татар!

Я знаю власть одну: любовь мою к народу.

Да будет слава нам! На смерть иль на свободу! (л. 48 об. – 49).

И на вопрос князя: «И кто со мной?», – народ отвечает: «Мы все!» (л. 49).

Исключительность натуры князя, героичность фигуры подчеркивается описанием его внешности, его движений в тот момент, когда он ведёт за собою войско, выступая в поход навстречу Мамаю. Димитрий – «первоначальник славы, / Кто знал по опыту кровавые забавы, / Кто счастье испытал средь боевых тревог, / Кому покорно все, кто пред князьями бог», он «вождь побед», его взор «один повелевал вождями», его «пронзительные очи, / Как небо темное прекрасной, летней ночи», он «голосом гремел, как звонкою трубой». Всё это дополняется описанием лат, в которые одет был князь, и его оружия, из которого особое внимание привлекает издававший ни одно сражение щит: «Рукою мощною татарина разбит, / Как небосклона шар, стоял пред грудью щит» (л. 52 об. – 53).

Описывая движение объединённой русской рати, Н. А. Маркевич перечисляет князей, воевод и ратников, известных по летописным памятникам, давая им краткие характеристики, создающие необходимую наглядность изображений.

Первым за Димитрием со своим войском шел удельный князь тарусский Мстислав («За ним, по манию властительной руки, / Стремилась из ворот обширные полки»), затем князь Иван Холмский («Его отличная видна была порода»), за ним князь Даниил Пронский («татаров бич на Воже»), после – князь Андрей Брянский

(«Ольгерда храбрый сын»), потом князь Владимир Московский, полки которого вели три князя – Муромский, Мелецкий и Мещерской (все – «с душою пылкой, дерзкой»), девятым шел «бесстрашный князь Тверской», десятым старейший из князей – князь Белозерский («В боях он опытным советником всегда») и т.п. (см. лл. 50 об. – 52 об.).

Здесь и воевода Тимофей Васильевич Волуй-Окатыев, «сразивший на полях бегичевых двух братьев», и ратники: Пётр Горский – «как дуб среди кустов возвысился главою», «и мощный ратник Чинин» – исторический Фома Тынин,

Там Прозоровский был, за ним Холопьев шел;
На дело громкое назначенным судьбою,
Им должно некогда прославиться средь бою (л. 51).

Первый – потомок великих князей ярославских Роман Прозоровский, второй – Григорий Холопищев, который, согласно «Сказанию о Мамаевом побоище», вместе с Петром Сабуровым отыскал после Куликовского сражения раненого великого князя московского Дмитрия.

Отдельно следует сказать о детальном описании купцов, которые сопровождали войско и обеспечивали воинов всем необходимым в походе. Летопись говорит о десяти купцах. Они перечислены в «Сказании о Мамаевом побоище», но у Н. А. Маркевича охарактеризованы лишь пятеро. Поскольку в исторических и литературных памятниках об особенностях их торговли ничего не говорится, описание торговых людей и их товаров следует считать поэтическим домыслом Н. А. Маркевича.

«Там Весяков (Тимофей Весяков. – С. К.) имел доспехи боевые, – пишет поэт, – ... И продавал князьям на вес серебра булат...»; «Там в подвижном шатре Елферьева (Сидора Олферьева. – С. К.) богатом... / Являлися меха бобров и соболей...»; «Там Саларев (Дмитрий Саларев. – С. К.) имел из Индии мускат, / Душистый кардамон, и манну, и гранат...»; «Косьма (Кузьма Кувыря. – С. К.) с собой имел... / Бериллы с берегов сверкающей Анноны, / Туманно-синие аргунски халкедоны, / Горящий изумруд, пылающий алмаз... / И чаши звонкие с чудесною резьбою; / Их

виноградною кипящею струёю / Гость иноземный Ших (Иван Ших. – С. К.) до краю наполнял...» (см.: л. 51 об. – 52).

Особое место занимает в поэме характеристика преподобного Сергия Радонежского, к которому за благословением направляется князь Димитрий вместе с приближёнными военачальниками:

...и с трепетом невольным

Тогда пустытника встречает властелин,
Брада его до чресл, чело в лучах седин,
Воздеты светлые на небо к Богу очи... (л. 15).

Святой Сергий называет день встречи с Димитрием «тожественным», поскольку князь «к брани ополчился». А узнав, что вождю являлось видение – Бранная Россия и велело не просто явиться за благословением в Троицкую обитель, но и просить преподобного Сергия отпустить в поход на Мамая Ослябю и Пересвета, святитель говорит о видении: «Сам Бог его послал, я знаю, князь князей!»

Бывшим воинам, а ныне инокам Пересвету и Ослябе, благословляя их на битву, преподобный Сергий говорит:

Пока земной ты житель,

Полетом дерзостным в надзвездную обитель
Стремясь предерзостно, не забывай людей:
Жить телом и душой — вот жребий жизни сей.
Какая лучшая к Всевышнему молитва?
От юноши — за жен и за Отчизну битва;
От князя — счастье дать народу и стране;
От мужа — верная по гроб любовь к жене;
Любить детей своих — вот долг для семьянина;
Любить отца и мать — для дочери, для сына;
Счастливить слуг своих — молитва для господ;

А пахарю — орать прилежно огород.
 Когда по Родине нам должно править тризну,
 Когда, свирепствуя, гроза идет в Отчизну,
 Тому быть иноком, кто в силах, в цвете лет?
 Его отвергнет Бог, и проклят тот обет! (лл. 15–16)

В описаниях иноков особо необходимо указать следующее. У Пересвета, несмотря на то, что «ланиты впалые», «лице как будто бы прискорбно и уныло», глаза светились «бывалой пылкостью и силою страстей», то есть всё говорило о том, что в бою он смиренным не будет и выполнит свой долг до конца. В Ослябе «тяжкий пост, молитва / И ночи целые без сна, и с сердцем битва / Всё изменили...» (см. л. 15 об.). Но когда их позовёт князь, «одежду власяную / Развесят иноки по стенам в келье... / И станут средь полков, и будет славный бой!» (л. 8).

Из отрицательных персонажей – исторических личностей, в той или иной мере действующих в поэме, закономерно первым следует назвать Мамая (традиционно именуемого в поэме ханом, хотя, не будучи Чингизидом, он ханом быть не мог) – до 1359 года беклярбека и темника Золотой Орды при хане Бердибеке, а затем, в период «великой замятни» (1361–1380) фактического правителя западной части монголо-татарского государства (так называемая Мамаева орда) при марионеточных ханах из династии Батуидов. Мамай, не будучи собственно действующим персонажем, а скорее символом власти Орды над Русью и своеобразным демоном зла для русского войска и русских князей, воспринимается читателем через своего посланника Казимбу – персонажа вымышленного, в котором сконцентрировано главное качество летописных татар – высокомерие, подкреплённое уверенностью в безнаказанности. Именно Казимбу выслушивает Дмитрий в присутствии русских князей. Когда Дмитрий отказывается смириться с положением Руси, посланник, называя князя рабом, категорично заявляет:

Коль так, надменный раб, не мысли о пощаде!
 Ты здесь проведает, как будет в вашем аде.

Я, ханским именем, того из всех князей
Прощаю, кто в Орду с главой придет твоей.
Тот будет всей страны твоей отсель владыка;
Тебя же цепи ждут, и казнь твоя велика! (л. 47 об.)

Казимбу вместе со свитой изгоняют из княжеских палат, несмотря на то, что посланник сулит всяческие блага в случае покорности князей Мамаю и грозит в противном случае нашествием на Русь войск девяти орд, составляющих в совокупности Мамаеву орду.

В истории Русского государства как сложная и неоднозначная фигура рассматривается великий князь Рязанский Олег, на протяжении всего своего правления имевший сложные отношения с Москвой. В 1370 году Олег Рязанский собирал войска в помощь осаждённой Ольгердом Москве, в 1378 году рязанские войска как союзники Москвы приняли участие в битве на Воже, в 1381 году рязанский князь признал себя «младшим братом» и заключил с Дмитрием Донским антиордынский договор – всё это говорит о его стремлениях к единению с другими русскими князьями перед лицом общей опасности. Однако в то же время он в 1371 году поссорился с Дмитрием Ивановичем Московским и вступил с ним в военный конфликт, закончившийся поражением рязанского войска. После сражения на Воже Рязань была в очередной раз в отместку разорена ордынцами, что не могло не повлиять на московско-рязанские отношения. В 1380 году Олег, видимо, опасаясь очередного разорения его земли монголо-татарами, вступил в переговоры с Мамаем и Ягаило против Дмитрия, что традиционно рассматривается как измена. А в 1382 году, воспользовавшись ослаблением Москвы после нашествия Тохтамыша, рязанское войско захватило Коломну, и только вмешательство Сергия Радонежского предотвратило очередную междоусобную войну. Всё это вовсе не говорит о дружественных отношениях между Рязанью и Москвой. В то же время часть историков рассматривают действия рязанского князя в 1380 году перед Куликовской битвой как дипломатическую игру с целью уберечь свои владения от повторных разорений, склонить Дмитрия к сражению с войсками Мамаея за пределами Рязанской

земли. Некоторые говорят даже о намеренном стремлении Олега ввести в заблуждение Мамаю и Ягайла [см., напр.: 1, с. 143–202], объясняя это тем, что, поскольку, по свидетельству «Задонщины», на Куликовом поле погибли семьдесят рязанских бояр, можно думать, что рязанцы принимали деятельное участие в общерусской борьбе с ордынцами.

Н. А. Маркевич придерживается традиционной точки зрения, опиравшейся на акценты московских летописей. В его поэме Олег Рязанский – однозначно предатель, поскольку властолюбец и стяжатель, к тому же с рабской психологией:

Один Олег Рязанский,

Отчизну позабыв, питая к злату страсть,
От властолюбия решаь пред ханом пасть,
Как заклеянный раб, бесчестный и позорный,
И за упруг земли врагам своим покорный,
Отпав от родины, в Совет сей не пришел (л. 44 об.).

Димитрий называет рязанского князя «неистовым», утверждая, что своими действиями Олег «себя ж бесславит» (л. 49).

Посланник Мамаю Казимба в своей речи, обращенной к Димитрию, называет еще двух персонажей – Темира и Чалубея, которые в поэме Н. А. Маркевича не действуют, но являются значимыми, поскольку имеют отношение к предшествовавшему Куликовскому сражению будущему поединку Пересвета с ордынским богатырём. Запугивая русских князей, Казимба утверждает, что грудь богатырей, «как тверды стены», «их рост – столетний кедр», что движутся они, «как страшные громады», что русские «щиты расплавят... их огненные взгляды».

Особенность этих персонажей в том, что несмотря на явное стремление к точности в описании событий, которой пытается добиться поэт, ему не всегда удаётся исторически верно воссоздать события и лица. В данном случае изображение также далеко от правдоподобия, поскольку опирается Н. А. Маркевич на разные исторические источники и, видимо, путается в них. Свидетельством тому данные

персонажи, имена которых на самом деле обозначают одного полуисторического-полулегдарного человека. Ордынский богатырь, вступивший в схватку с Пересветом, в разных источниках именуется по-разному (это-то и даёт повод исследователям сомневаться в его исторической подлинности). Чалабай, Челибей, а также Темир-Мирза, Таврул – всё это один человек, татарский богатырь, соперник Пересвета. Имя «Челубей» закрепилось в лубочной литературе XVIII–XIX веков, а оттуда перешло в русскую художественную литературу.

Вообще в изображении эпохи Куликовской битвы Н. А. Маркевич допускает заметное количество ошибок, которые, впрочем, могут быть отнесены к поэтическим вольностям, поскольку создаёт поэт художественное произведение.

Так, не только исключительно художественный вымысел, но и перепевы иного литературного произведения встречаем в едва прописанной линии любви князя Брянского:

Плененный Ксении небесной красотою,
О ней задумавшись, грустил он, тосковал,
И слезы изредка на панцирь свой ронял;
Пустив коня, узду он выронил из длани;
Ни меч, ни светлый щит, ни час веселый брани
Не утешал его. Княжной не он любим,
И дышит, и живет красавица Тверским (л. 52 об.).

Эта едва намеченная автором побочная сюжетная линия будет закреплена во второй песне поэмы (см.: л. 10).

Ксения – вымышленный персонаж, не имеющий исторического прототипа. Она – героиня трагедии В. А. Озерова «Димитрий Донской» (1807). По трагедии Озерова, Ксения, новгородская княжна, отвечает взаимностью Дмитрию Донскому, но обещана князю Тверскому. У Н. А. Маркевича взаимное чувство у Ксении с Тверским, а страдает от своей любви к Ксении Брянский:

Но если история с новгородской княжной используется поэтом для создания широкого художественного эпического полотна, то изображение святителя Игнатия («Тогда священство вел святитель наш Игнатий»; л. 52) как участника похода Дмитрия Донского можно отнести только к ошибке поэта. Святой чудотворец ростовский Игнатий был епископом при князе Дмитрие, но Дмитрие Александровиче, великом князе Владимирском, сыне Александра Невского, жил в конце XIII века и сопутствовать войскам Дмитрия Донского не мог.

ВЫВОДЫ

Неопубликованная поэма Н. А. Маркевича «Дмитрий Донской» важна не столько для понимания путей развития русской литературы первой трети XIX века, поскольку опубликована она не была и поэтому собственно фактом литературной жизни стать не могла, сколько для понимания художественных и исторических принципов Н. А. Маркевича – поэта и будущего историка Украины.

В своих художественных исканиях поэт, опираясь на исторический материал, старается быть по возможности документально точным. Он лишь художнически расцвечивает факты, создавая диалоги и монологи известных ему по историческим документам персонажей. И делает это экспрессивно, придавая героям необходимую в художественном произведении «выпуклость» (как в случае с изображением Дмитрия и его речами), а то и определённые психологические колебания (как в поведении и речах князя Белозерского в первой песне поэмы). Когда не хватает исторических фактов, поэт прибегает к созданию персонажей вымышленных (посланник Мамай Казимба). А для придания сухому изложению живости и интриги домысливает ситуации, опираясь отчасти на известный литературный материал (как в случае с любовью князя Брянского к новгородской княжне Ксении).

В своих принципах изображения исторической действительности он во многом следует за авторами эпических поэм, прежде всего за М. М. Херасковым. Это заметно по использованию ритмического рисунка стиха, следованию традиции зачина произведения: изложение главной темы, обращение к Музе... Но полностью отказывается от традиционных для русской эпической поэмы вольностей и

фантастических элементов в использовании исторического материала (как это было у Хераскова и в «Россиаде», и во «Владимире Возрожденном»), и фантастическое (например, видения Дмитрия в первой и третьей песни) объясняет вполне жизненными явлениями, в данном случае – сном.

Таким образом, в Н. А. Маркевиче-художнике прежде всего заметен будущий историк. И работа над поэмой «Дмитрий Донской» во многом его исторические принципы формирует.

Во-первых, поэт однозначно стоит на российских государственных позициях видения исторического процесса. К этой позиции причудливо добавляется явное сочувствие декабристским идеям. Поэтому борцы за освобождение Руси от иноземного ига – несомненные герои, тогда как их противники – несомненные злодеи. Здесь нет места авторским метаниям и сомнениям. Главное – сложившаяся традиционность взгляда.

Во-вторых, идейная позиция поэта была двойственной и зависела от того исторического материала, с которым Н. А. Маркевич в тот момент работал. Так, если рассматривать разные произведения Н. А. Маркевича 1820-х – начала 1830-х годов, можно заметить, что, когда это материал, имеющий непосредственное отношение к Украине-Малороссии (например, поэтический сборник «Украинские мелодии»), поэт становится на позиции местного малороссийского патриотизма и с этих позиций, заметно суживая взгляд, смотрит на Украину, на Россию, на мир. Когда же в «Дмитрии Донском» он видит историческую перспективу в общероссийском (то есть в государственных и многонациональном) плане, его патриотизм становится многогранным и многослойным, подчиняясь интересам не отдельной группы людей, но всего многоязычного и многокультурного пространства Русской земли: «Различна вера их, и нравы, и язык, / Но всем им мать одна – священная Россия...» (л. 113).

То есть сам исторический материал поэмы «Дмитрий Донской» определённым образом «корректировал» и художническую, и научно-историческую, и идейную позицию автора.

Список литературы

1. Греков, И. Б. Мир истории: русские земли в XIII–XV веках / И. Б. Греков, Ф. Ф. Шахмагонов. – М.: Молодая гвардия, 1988. – 333 с.
2. Косачевская, Е. М. «Песнь из Дмитрия Донского» Н. А. Маркевича / Е. М. Косачевская // Советские архивы. – 1980. – № 5. – С. 65–66.
3. Косачевская, Е. М. Н. А. Маркевич, 1804–1860 / Е. М. Косачевская. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 284 с.
4. Курьянов, С. О. Николай Маркевич и его поэма «Димитрий Донской» (К 200-летию со дня рождения поэта и историка Украины) / С. О. Курьянов // *Studia philologica*, Симферополь. – 2004. – № 1. – С. 98–107.
5. Курьянов, С. О. Роль «Украинских мелодий» Н. А. Маркевича в формировании украинского текста в русской литературе / С. О. Курьянов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2018. – Том 4 (70). № 3. – С. 14–35.
6. Маркевич, Н. А. Димитрий Донской. Поэма / Н. А. Маркевич // Опыты в стихах и прозе: Кн. II: 1828. – РО ИРЛИ, ф. 488, оп. 1, д. 4. – Л. 5–17, 43–54, 109–120 об.
7. Маркевич, Н. А. Сочинения в стихах: Переводы из Парни и др.: 1823 / Н. А. Маркевич. – РО ИРЛИ, ф. 488, оп. 1, д. 2.
8. Маркевич, Н. А. Украинские мелодии. Соч. Ник. Маркевича / Н. А. Маркевич. – М.: В типографии Августа Семена, при Императорской Мед.-хирургической академии, 1831. – XXX, 154, [4] с.
9. Пушкин, В. Л. Письмо Вяземскому П. А., 11 июня 1829 г., Москва [Электронный ресурс] / В. Л. Пушкин // Письма В. Л. Пушкина к П. А. Вяземскому. – Режим доступа: <http://vyazemskiy.lit-info.ru/vyazemskiy/memuary/pisma-v-l-pushkina-vyazemskomu-4.htm> (дата обращения: 01.09.2019).

Reference

1. Grekov, I. B. *Mir Istorii: Russkiye Zemli v XIII–XV Vekakh* [World of History: Russian lands in the 13th–15th centuries]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 1988, 333 p.

2. Kosachevskaya, Ye. M. *Pesn iz Dmitriya Donskogo N. A. Markevicha* [Song of Dmitry Donskoy by N. A. Markevich]. Sovetskiye arkhivy, 1980, Pp. 65–66.
3. Kosachevskaya, Ye. M. *N. A. Markevich, 1804–1860* [N.A. Markevich, 1804-1860]. Leningrad: LGU Publ., 1987, 284 p.
4. Kuryanov, S. O. *Nikolay Markevich i Yego Poema Dimitriy Donskoy (K 200-Letiyu so Dnya Rozhdeniya Poeta i Istorika Ukrainy)* [Nikolay Markevich and his Poem *Dimitri Donskoy* (On the 200th Anniversary of the Poet and Historian of Ukraine)]. Simferopol: Studia philologica, 2004. Pp. 98–107.
5. Kuryanov, S. O. *Rol Ukrainskikh Melodiy N. A. Markevicha v Formirovanii Ukrainского Teksta v Russkoy Literature* [The Role of *Ukrainian Melodies* by N. A. Markevich in the Formation of the Ukrainian Text in Russian Literature]. Filologicheskiye nauki, 2018. Pp. 14–35.
6. Markevich, N. A. *Dimitriy Donskoy. Poema* [Dimitri Donskoy. Poem]. RO IRLI Publ.
7. Markevich, N. A. *Sochineniya v Stikhakh: Perevody iz Parni i dr.: 1823* [Compositions in Verses: Translations from Parly and Others: 1823]. RO IRLI Publ.
8. Markevich, N. A. *Ukrainskiye Melodii. Soch. Nik. Markevicha* [Ukrainian Melodies. Op. Nick. Markevich]. Moscow: V tipografii Avgusta Semena, pri Imperatorskoy Med.-khirurgicheskoy akademii, 1831.
9. Pushkin, V. L. *Pismo Vyazemskomu P. A., 11 Iyunya 1829 g., Moskva* [Letter to Vyazemsky P. A., June 11, 1829, Moscow] Available at: <http://vyazemskiy.lit-info.ru/vyazemskiy/memuary/pisma-v-l-pushkina-vyazemskomu-4.htm> (accessed 1 September 2019).

UNPUBLISHED POEM BY N. A. MARKEVICH DIMITRI DONSKOY:

ARTISTIC UNDERSTANDING OF HISTORY

IN THE FRAMEWORK OF THE AUTHOR'S IDEOLOGY

Kuryanov S. O.

The poem *Dimitriy Donskoy* (1827–1828) by N. A. Markevich is important not so much for understanding the ways of developing of Russian literature in the first third of the 19th century, but for understanding the principles of the artistic and historical narrative of the poet and the future historian of Ukraine.

In his principles of describing the historical reality, he largely follows the Russian authors of epic poems. At the same time, the author completely rejects the traditional for the Russian epic poem of liberties and fantastic elements in the use of historical material, and, since he values the historical authenticity, understood in many ways in the romantic spirit, he explains the fantastic through the understandable life phenomena.

Through the work at the poem, historical principles of N. A. Markevich are largely formed. The poet stands on the Russian statehood positions of a vision of historical process. The sympathy for the ideas of the Decembrists is quaintly added to this position. The main thing for the author is the traditional view of the historical process. The proposed article also shows and proves the dependence of the position of N. A. Markevich from the use of historical material his works are based on. Thus, if in the *Ukrainian Melodies* the local Little Russian (Ukrainian) patriotism of the author with his narrow view of the world, is clearly noticeable, in the *Dimitry Donskoy* the very theme of the work puts the poet at a different level: he sees the historical perspective in the all-Russian (statist and multinational) plan, author's patriotism becomes more many-sided and multilayered, following the interests not of a separate group of people but of the multilingual and multicultural space of the Russian land.

Keywords: Romantic poem, history of Russia, the Kulikovo Battle, Dmitry Donskoy, N. A. Markevich, Russian literature, principles of artistic description.

УДК 821.111

**СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА ЛИРИЧЕСКОГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ
АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ**

К. Э. ДАФФИ «ЭНН ХЭТЭУЭЙ»)

Остапенко И. В. , Глухенькая Л. Н.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: lesyagluhenka@mail.ru

В статье рассматривается художественный язык стихотворения «Энн Хэтэуэй» современной популярной британской поэтессы Кэрол Энн Даффи на субъектном и объектном уровнях. Исследование позволяет осмыслить авторский выбор исторического персонажа как ведущего художественного образа и выявить, какие цели ставит и достигает поэт в результате данного выбора. Анализ субъектной и объектной структур художественного языка стихотворения «Энн Хэтэуэй» позволил проследить, как К.Э. Даффи реализовала событие адресанта, на роль которого избрала исторического персонажа – жену Шекспира, и имплицитного ей современного читателя, интересующегося загадками биографии английского драматурга. Стихотворение является авторской мифологизацией личности Энн Хэтэуэй, трактовкой ее роли в судьбе и творческой деятельности писателя. Наделение ролевого героя в тексте первоначальной формой позволило автору стихотворения представить собственный взгляд на роль женщины в судьбе мужчины, оставившего значимый след в истории культуры. Более того, ритмотектоника сонета позволяет говорить об Энн Хэтэуэй как о «Вечной жене», Музе, хранительнице творческого наследия и адресате любовных сонетов У. Шекспира.

Ключевые слова: Кэрол Энн Даффи, авторское сознание, лирика, субъектная организация, объектная организация, лирический субъект, лирический герой, Энн Хэтэуэй, имплицитный читатель.

ВВЕДЕНИЕ

Любая национальная литература характеризуется наличием некоей знаковой творческой фигуры, которая тем или иным образом определяет векторы ее художественности – А. Пушкин, Т. Шевченко, А. Мицкевич, Г. Логнфелло и др. Но не только эстетическая реальность, сотворенная авторским сознанием, становится предметом публичного интереса. Читателя всегда привлекает личность автора, неудержимо хочется понять, как, на первый взгляд, обычный человек может создать некий «новый» мир, да еще и привлечь к нему внимание других. А если в приватной жизни такого писателя обнаруживаются какие-либо лакуны, его биография

неминуемо мифологизируется и становится источником эстетических новообразований.

Английская литература в этом смысле занимает ведущее место, уступая разве что греческой с ее Гомером. Творчество У. Шекспира – не только исток формирующейся в XVI-XVII веках национальной английской литературы, но и вершина возрожденческой европейской литературы, классический образец гуманизма в художественной трактовке. При этом биография писателя полна тайн, пробелов, мистификаций, что обусловило впоследствии в литературоведческом дискурсе возникновение феномена шекспировского вопроса, а в художественном – породило множество литературных интерпретаций жизненного пути великого драматурга.

Особый интерес к личной жизни У. Шекспира возникает в результате обнаружения в 1747 году завещания автора, датированного 25 марта 1616 г., где на третьей странице добавлена фраза о «второй по качеству кровати», предназначенной его жене. Этот биографический факт, один из немногих подлинных в шекспироведении, дал толчок к созданию псевдобιοграфических беллетристических произведений с различными трактовками семейной жизни автора, роли в его писательской судьбе жены Энн Хэтэуэй.

И. И. Бурова в статье «Загадка «второй по качеству кровати» Шекспира в британской и американской беллетристике XX-XXI вв.» [3] осуществила сравнительный анализ романов и пьес С. Стерлинг, Ф. Хэрриса, С. Дейн, Дж. Брофи, Э. Бёрджесса, Т. Келли, Э. Райэн, О. Питерсон, Э. Роулэндз и др. Исследовательница выявила, как в названных произведениях образ жены писателя, их взаимоотношения варьируются в довольно широком диапазоне – от полной отстраненности супругов и отверженности жены до романтизации образа возлюбленной и ее жертвенности. В круг изучаемых произведений И.И. Бурова не включила поэзию, а между тем и современная британская лирика проявляет интерес к шекспировским загадкам. Яркий пример тому находим в творчестве Кэрол Энн Даффи – стихотворение с заглавием «Энн Хэтэуэй» входит в сборник «Вечная жена» (1999), оно же и станет предметом изучения в данной исследовательской работе.

Кэрол Энн Даффи (род. 1955), одна из самых популярных современных поэтесс в Великобритании, лауреат премий С. Моэма, Т. С. Элиота, Уитбредовской и Форвардской премии, Поэт-лауреат с 2009 года. Знаковым в творчестве К. Э. Даффи стал сборник «Вечная жена» (1999), в котором нашли отклик католическое воспитание поэтессы, тесная связь с литературной группой «Ливерпульские поэты», идеи постмодернизма и феминизма. Героини сборника – женщины, которые «оказались в тени своих мужей, так как политическая и культурная жизнь общества была ориентирована в первую очередь на мужчину» [4, с. 64]. «Жены» К. Э. Даффи – супруги известных мужчин, ученых, писателей, мифологических героев и библейских персонажей, от английского натуралиста Дарвина до ветхозаветного царя Ирода: «There are 30 women's voices in the book <...> each voice taking up some untold story of the World's Wife» [9, с. 5] / «В книге 30 женских голосов <...> и каждый голос принимается за нерассказанную историю «вечной» жены» (перевод. – Л.Г.).

Одним из голосов, на которых заговорила К. Э. Даффи, стал голос Энн Хэтэуэй, жены У. Шекспира, о взаимоотношениях писателя с которой достоверных сведений не сохранилось. Это открывает широкие возможности для интерпретации не только их частных отношений, но и мифологизации личности жены, ее роли в творческой судьбе всемирно известного автора. Обратим внимание на то, что мифологизация женской личности осуществляется в творчестве поэтессы, следовательно, необходимо сконцентрироваться на гендерных нюансах авторских стратегий.

Миф в универсальном смысле является неким представлением о мире, вербализация же такого представления, в рамках теории художественного дискурса (В. И. Тюпа), происходит в результате вторичной семиотизации языка как первичной знаковой реальности и формирования художественного языка как вторичной или эстетической реальности [8, с. 20]. Знакомство с таким языком овладение им становится для реципиента способом осмысления и постижения новой художественной реальности. Но не только. Поскольку язык как коммуникативное средство является экспликацией картины мира личности, то художественный язык презентует картину мира автора. Следовательно, изучение художественного языка

произведения дает возможность проникнуть не только в художественный мир, но и в творческую лабораторию авторского сознания, этот мир создающего.

Одним из путей изучения художественного языка произведения является исследование его объектного и субъектного уровней [1; 2; 5; 6; 8]. В теории художественного дискурса В. И. Тюпа выделяет три уровня текста – внешний, несущий и внутренний – и предлагает, соответственно, в объектной организации художественного языка вычленять: эпизоды как несущий уровень, детализованные через фокализацию, или систему кадров внутреннего зрения (внешний уровень), и генерализованные через систему хронотопов (внутренний уровень); на субъектном уровне ученый актуализирует внутритекстовые дискурсы (несущий), детализованные через глоссализацию, или систему голосов (внешний), и генерализованные через систему ритмических рядов (внутренний) [8, с. 32].

Как видим, язык художественного произведения предстает «сверхсложным семиотическим явлением» [8, с. 27], где отдельные элементы соединены особыми парадигматическими и синтагматическими связями, которые воспринимающее сознание вынуждено осмысливать одновременно, а не последовательно, как это имеет место в языке общения. Еще одним важным аспектом структуры художественного языка является эквивалентность его компонентов на семиотическом уровне. Поскольку материалом данного исследования является поэтический текст, отметим, что в художественном языке лирического текста ведущая роль принадлежит субъектной организации.

Данное исследование *посвящено* изучению художественного языка стихотворения «Энн Хэтэуэй» на субъектном и объектном уровнях, что позволит осмыслить авторский выбор исторического персонажа как ведущего художественного образа и выявить, какие цели ставит и достигает поэт в результате данного выбора.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Композиционно стихотворение представлено заглавием «Энн Хэтэуэй», эпиграфом из завещания Шекспира «*Item, I gyve unto my wife my second best bed...*»

(from Shakespeare' s will) («Вещь, которую я отдаю своей жене, – моя вторая лучшая кровать...») (из завещания Шекспира) (здесь и далее – подстрочный перевод Л. Г.) и собственно текстом стихотворения, облеченного в сонетную форму.

Как известно, выбор заглавия и эпиграфа в художественном мире напрямую презентуют авторское сознание. Использование в качестве заглавия имени жены У. Шекспира является первым и знаковым шагом в процессе мифологизации эмпирической личности. Обратим внимание – в основном тексте завещания Шекспир не упоминает свою жену в качестве наследника, указание на нее появляется лишь в более поздней приписке, притом без собственного имени. Автор же стихотворения вводит биографическое имя в заглавие, включая таким образом историческую личность в художественный дискурс, чем уже наделяет ее мифологической природой. Притом жена именована не по фамилии мужа, а названа своим девичьим именем, что подчеркивает ее собственную самодостаточность и значимость. Как правило, заглавие является результатом деятельности непосредственно авторского сознания. Оно становится авторской «темой» сколь угодно протяженного высказывания, а весь последующий текст – его «ремой».

Использование в качестве эпиграфа документального фрагмента акцентирует достоверность художественного события, разворачивающегося в произведении. При этом использование перволичной формы «I gyve» (я отдаю; *gyve* – вероятно искаженное написание английского глагола *give* – (от)давать), дословно повторяющей документальную форму, как бы воскрешает и самого адресанта завещания, биографического Шекспира, что актуализирует мифологичность разворачивающегося в стихотворении эстетического события.

В лирике, как правило, представлено одно «Событие» (Ю. М. Лотман), разворачивающееся в авторском сознании и реализованное через синкретизм двух событий – события, о котором рассказывается, и события самого рассказывания. Оба неразрывно друг с другом связаны и взаимопроникают друг в друга. И все же для дифференциации субъектной и объектной организации художественного языка предпримем попытку их разделения.

Событие, о котором рассказывается, разворачивается в сознании жены Шекспира – Энн Хэтэуэй. Рефлексируя над оставленным мужем завещанием, женщина вспоминает их интимные отношения, непосредственно связанные с той «вещью», которую он ей оставил, – супружеской кроватью. В воспоминания в качестве противопоставления включается и гостевая кровать. Заключительный катрен представляет собой осмысление собственной значимости лирической героини в судьбе не только мужа, но искусства в целом – ее любовь стала не только источником вдохновения великого драматурга, священнодействием, возложенным на алтарь «второй лучшей кровати», но ихранилищем его творческого наследия.

Событие самого рассказывания в тексте представлено медитативными потоками сознания перволичного субъекта, адресованными имплицитному реципиенту, недоумевающему по поводу смысла завещания Шекспира. Этот вопрос постоянно интригует читателя: почему «вторую» лучшую кровать писатель оставил жене? Какие отношения могли быть между супругами при таком его решении. Читатель (адресат) вовлечен в резонанс с эмоциональным тоном лирического «я». Однако та внутренняя форма, облечена во внешнюю форму повествования. В тексте они чередуются. На смену повествованию приходит медитация, несущая в себе ключ к смыслу целого (ряд метафор отображает чувства женщины к возлюбленному) и преобразующая героиню из объектного лирического персонажа (влюбленная женщина) в полноценного перволичного лирического субъекта (жена великого драматурга): «The bed we loved in was a spinning world/ of forests, castles, torchlight, cliff-tops, seas[...]Romance/ and drama played by touch, by scent, by taste» [10, с. 30] / «Кровать, в которой мы любили, была вращающимся миром/ лесов, замков, факелов, скал, морей[...]Роман и драма сыграны на ощупь, запах, вкус».

Для анализа субъектной структуры обратимся к типологии лирического субъекта на внутритекстовом уровне – «я», «я-другой», «другой» [7, с. 98–110]. В тексте стихотворения представлены следующие субъектные формы:

1) личное местоимение 1 л., ед.ч. *I* «я» (2 раза) в начальной форме и в косвенном падеже *me* «меня» (2 раза); притяжательное местоимение *my* «мой» (4 раза);

2) личное местоимение 1 л., мн.ч. *we* «мы», притяжательное местоимение *our* «наш»;

3) имена существительные в притяжательном падеже *lover's (words)* – слова возлюбленного, *writer's (hands)* – руки писателя, *widow's (head)* – вдовья голова;

4) имя существительное во мн.ч. *guests* – гости, притяжательное местоимение *their* «их»;

5) личное местоимение 3 л., ед. ч. *he* «он» (3 раза) в начальной форме и в косвенном падеже *him* «его», притяжательное местоимение *his* «его» (3 раза);

6) указательное местоимение *these (lips)* – эти (губы);

7) абстрактное имя существительное *my (living laughing) love* – моя (живая смеющаяся) любовь.

Из данного перечня субъектных форм вырисовываются две субъектные сферы текста – «я» и «другого». Перволичный субъект презентован местоимением 1 л., ед. ч. «я», которое появляется в тексте дважды, притяжательным местоимением «мой» (4 раза) и косвенным падежом личного местоимения «меня» (2 раза). Данная субъектная форма в тексте наделена определенной спецификой. По родовым законам лирики перволичный субъект является непосредственным презентантом авторского сознания, находится с ним в синкретических отношениях. И действительно, сам текст стихотворения производит впечатление именно такого лирического субъекта. Но, как уже выше отмечалось, авторское сознание через заглавие вводит собственное имя субъекта-адресанта, которому принадлежит лирическое высказывание, – Энн Хэтэуэй, жена Шекспира. Автор-творец таким образом создает ролевого героя, презентованного перволичной субъектной формой. Понять авторскую стратегию в этом плане и стало одной из задач исследования.

В сфере «другого» выделяется два субъекта. Один из них – это «он», представленный местоимением 3 л., ед. ч., притяжательным местоимением «его», а также составными формами-парафразами в виде имен существительных в притяжательном падеже *lover's (words)* – слова любимого, *writer's (hands)* – руки писателя; и абстрактным существительным «любовь» (*my living laughing love*).

Обратим внимание – собственным именем данный субъект не наделен, оно восстанавливается из внетекстового эпиграфа, понятно, что речь идет о Шекспире.

Кроме того, в роли «другого» выступают «гости», в тексте представленные существительным *guests* и местоимением *their* «их».

При том, что текст имеет две субъектные формы «другого», между ними прослеживается четкая семантическая дифференциация. «Другие»-«гости» существуют в сознании перволичного субъекта и играют пассивную роль, тогда как «другой»-«он», «любимый», включен в собирательное «мы», «наш». Поскольку в субъектной организации внешний уровень характеризуется системой голосов, в данном тексте обнаруживается один голос – перволичного субъекта. Но он сливается в стихотворении с лирическим «мы», что автоматически наделяет голосом и «другого»-«любимого». Как видим, активная позиция перволичного субъекта обеспечивает голосом «другого». Обратим внимание, в произведении отсутствует местоимение «ты» (*you*), что подчеркивает «слияние» «я» и «другого», их единство и целостность, что стало возможным благодаря введению авторским сознанием субъектной формы «мы».

Таким образом, система голосов на несущем уровне субъектной организации формирует дискурс созвучия «я» и «он» через собирательное «мы», противопоставленное безголосым «гостям». На этом же уровне объектной организации формируется эпизод, включающий двух актантов – «мы» («я» и «он») и «гостей», а система кадров внутреннего зрения через детализацию образует внешний уровень, обеспечивающий противоположность ценностных систем участников дискурса.

Объектная детализация формируется из противопоставления двух «кроватей»: кровати, «в которой мы любили» и которая стала «вращающимся миром» поэзии («Romance / and drama» [10, с. 30] / «Роман и драма»), и «кровати» «гостей», «источающей прозу». В «лучшей кровати» «гости» даже не спали, а «дремали», то есть, они даже в сон не могли погрузиться полноценно.

«Вторая лучшая кровать» представлена через множество деталей, создающих целостность образа. Форма «второй» кровати – «вращающийся мир» – представлена

сферой, самой правильной геометрической формой, что подчеркивает общность, значимость, целостность и совершенство микрокосма собирательного «мы». Учитывая пересоздающую функцию художественного языка, предметные природные образы «лесов, замков, факелов, скал, морей» через актуализацию языка символов вводят в художественный мир произведения результаты творческой деятельности Шекспира. За ними угадываются пьесы автора «Как вам это понравится» (место действия – Арденский лес), «Макбет» (место действия – замок Кавдор), «Гамлет» (место действия – замок Эльсинор; Гамлет обдумывает самоубийство на скале) и «Буря» (Просперо с дочерью Мирандой вынуждены совершить морское путешествие): «The bed we loved in was a spinning world/ of forests, castles, torchlight, cliff-tops, seas/ where he would dive for pearls» [10, с. 30] / «Кровать, в которой мы любили, была вращающимся миром/ лесов, замков, факелов, скал, морей».

«Я» и «мы» дистанцированы от «гостей» на текстовом уровне местоимением *other*: «In the other bed, the best, our guests dozed on, / dribbling their prose» [10, с. 30] / «В другой постели, лучшей, дремали наши гости,/ Источая свою прозу». В этой системе кадров внутреннего зрения гостевая постель (*the other bed*) становится окказиональным антонимом постели супругов (*the bed we loved, that next best bed*), которая является символом слияния двух любящих людей. Более того, подчеркивает отношения противопоставления существительное *prose* – обыденное противостоит возвышенному (Ср.: *Romance and drama played*).

Таким образом, на субъектном уровне несущий уровень текста презентует дискурсивные отношения, которые оформляются через противопоставление единства «мы» («я» и «он») и «гостей», («other», других, иных), выведенных за рамки частных отношений. В тексте звучит практически один голос лирического «я», вмещающего в себя голос «другого», «гости» же выполняют пассивную, второстепенную роль в данном высказывании.

Несущий уровень в объектном плане представлен одним эпизодом, событием, разворачивающимся в сознании перволичного субъекта. Кроме лирического «я» в него включены «он», «любимый», который синкретичен с «я» через лирическое «мы», и «гости». На внешнем уровне каждый из лирических субъектов имеет свои

пространственно-временные координаты, которые через предметную детализацию демонстрируют их ценностную парадигму и оформляют архитектуру целого произведения.

Пространство «гостей» локализовано «кроватью», и хоть она и названа «лучшей», но лишь опосредованно, с учетом внетекстовой информации из эпиграфа – «вторая лучшая кровать» предназначалась по завещанию жене. В определении гостевой кровати, названной «лучшей», звучит открытая ирония (сравнительная степень предполагает выделение одного из ряда). Ирония эта понятна в контексте всего стихотворения. Во-первых, упоминание о ней появляется ближе к финалу текста, после описания «кровати, в которой мы любили». Во-вторых, эта кровать выполняет сугубо утилитарную функцию – место для сна, удовлетворения чисто физиологической потребности, что подчеркивается действиями «гостей» – «источая прозу».

Совершенно иной представляется «вторая лучшая кровать» как предмет рефлексии перволичного лирического субъекта. Собственно говоря, все лирическое событие разворачивается на этой кровати, которая стала для лирического субъекта всего текста «вращающимся», совершенным миром. На пространственном уровне кровать представлена символически через телесный код и природные номинации. О пейзажных образах сказано выше – природные номинации символически презентуют мир шекспировского творчества. Но и телесные образы демонстрируют не просто интимные отношения, а трансформированные в само произведение искусства. Кровать, где происходит физиологический акт единения любящих – «в которой мы любили», – становится источником вдохновения для «любимого», «морем», «где он будет нырять за жемчугом». Более того, телесное единение дает не только вдохновение поэту, но и изменяет женское тело, преобразует его в саму поэзию со всеми ее атрибутами – «My lover's words/ were shooting stars which fell to earth as kisses/ on these lips; my body now a softer rhyme/ to his, now echo, assonance; his touch/ a verb dancing in the centre of a noun» [10, с. 30] / «Слова моего любимого/ были звездами, падающими на землю, как поцелуи/ на эти губы; мое тело теперь более

мягкая рифма по отношению к его, теперь эхо, ассонанс; его прикосновение –/ глагол, танцующий в центре существительного».

Описание прикосновений Шекспира – «his touch / a verb dancing in the centre of a noun» [10, с. 30] / «его прикосновение –/ глагол, танцующий в центре существительного» – производит впечатление динамичного фееричного действия.

Трансформации касаются и собственно кровати – она представляется лирическому субъекту «страницей»: «the bed/ a page beneath his writer's hands» [10, с. 30] / «кровать – страница под его писательскими руками». Кроме того, авторское сознание подвергает перекодировке представление о процессе творчества. Произведение искусства, созданное поэтом, рождается не из виртуальной материи, а из телесных ощущений, пережитых эмпирическим автором: «Romance/ and drama played by touch, by scent, by taste» [10, с. 30] / «Роман и драма сыграны на ошупь, запах, вкус».

Со смертью мужа связь жены с ним не утрачивается. Любовь, которая стала источником и сущностью творчества мужа, а по сути, и все его искусство, навсегда остается в сознании перволичного субъекта – «My living laughing love – / I hold him in the casket of my widow's head / as he held me upon that next best bed» [10, с. 30] / «Моя живая смеющаяся любовь – / Я держу его в шкатулке моей вдовьей головы, / как он держал меня на этой второй лучшей кровати». Таким образом, на внутреннем уровне текста пространственный план частной интимной жизни преобразуется в хронотоп творчества, где женская любовь становится источником, сущностью и смыслом искусства, адресованного в вечность.

Рассмотрим внутренний уровень субъектной организации, где формируется ритмотектоника целого произведения. Женскую и мужскую интенции К.Э. Даффи передает через соотношение мужской и женской рифмы: *kisses* «поцелуи» в строке 4 представляют женское (безударное) окончание, а *touch* «прикосновение» в 6-ом стихе – мужское (ударное) окончание.

Повтор в словах текста тех или иных фонем – гласных (ассонанс), или согласных (аллитерация), или их комбинаций (рифма, а также анаграмматическая или паронимическая аттракции) – является весьма существенным для лирической поэзии

фактором художественного впечатления. Глоссализирующий звуковой повтор нередко оказывается анаграмматическим субститутотом того или иного ключевого слова, находящимся в сложных внутритекстовых отношениях, наполненных смысловой значимостью.

Простейшее явление поэтической глоссализации текста – небезразличная к смыслу рифмовка. В первых 2-х катренах рифма перекрестная, в 3-м катрене и в заключительном двустишии – смежная. Рифмовка abab cdce ffgg hh представляется аллюзией на шекспировскую рифмовку abab cdcd efef gg.

Финал, рифмующий слова «head» и «bed» указывает на то, что лирическая героиня в состоянии сохранить любовь в памяти и воображении. Она лелеет память о муже в «thatnextbestbed», их истинная близость помогла ей правильно интерпретировать намерения Шекспира, когда он выразил свою волю в завещании.

Ассонансная структура стихотворения в англоязычном оригинале образуется ударными гласными. Рассмотрим ритмико-ассонансную субструктуру стихотворения:

- 1 – E – A – A – I: – z:
- 2 – o: – A: – o: – I – I:
- 3 – I – AI – z: – A – z:
- 4 – U: – A: – E – z: – I: –
- 5 – – I – A: – AU – o: – AI
- 6 – I – E – æ – – – A
- 7 – z: A: – – E – – – AU
- 8 – AI – I: – I – I: – E
- 9 – EI – I: – AI – æ – æ
- 10 – A: – EI – A – E – EI
- 11 – – A E – E – E əU –
- 12 I – – əU – I – A: – A
- 13 – əU – – – A: – – – I – E
- 14 – – E – – – E E E

В первом катрене, презентующем начало разворачивающего сюжетного события, доминирует гласная фонема “о” – 6 (ɔ: – 2, з: – 4) (при “а” – 5 (A: – 2, ʌ – 3), “i” – 5 (I – 2, I: – 3), “е” – 2 (E – 2), “u” (U: – 1), дифтонг AI – 1), функционально выступающая фокализационным фоном повествования (ключевые слова wɜ:rlɪd, fɔ:rests, tɔ:rchlight, pɜ:rls, z:rth). Сильные позиции имеют и гласные фонемы “а” – 5 (A: – 2, ʌ – 3), выступающая анаграмматическим субститутотом слова lɪved (как и обозначенного им лирического персонажа – lɪvɜ), “i” – 5 (I – 2, I: – 3), подтверждающая впечатление динамичного праздничного действия. Ключевыми словами, дешифрующими данный ассонанс, являются spɪ:nning, klɪff, slɪ:s, klɪ:sses.

Во втором катрене, развивающем динамику действия, доминирует гласная фонема “i” – 5 (I – 2, I: – 3), (при “о” – 2 (ɔ: – 1, з: – 1), “а” – 4 (A: – 2, ʌ – 1, æ – 1), “е” – 3 (E – 3), дифтонг AI – 2, AU – 2). Сгущенные глоссализацией фонемы – субституты одного и того же действия (танца любви), чья роль в лирическом сюжете в переходе от любви как абстрактного понятия (lɪved, lɪvɜ) к любви, имеющей физическое воплощение (ключевые слова ɪps, dɑ:nsɪŋ, drɪ:med) и непосредственное отношение к творчеству Шекспира, как его результат, в частности (wrɪtten).

В третьем катрене доминирует гласная фонема “а” – 7 (A: – 2, ʌ – 3, æ – 2) (при “i” – 3 (I – 2, I: – 1), “е” – 4 (E – 4), дифтонги EI – 3, AI – 1, əU – 2). Ключевыми словами, дешифрующими этот ассонанс, являются hænds, rɒmæns, lɑ:ghɪŋ, lʌv. Таким образом, внимание по-прежнему приковано к любви супружеской пары, с акцентом на желании женщины стать одним из драматических произведений мужа (сильна интенция творчества).

В заключительном двустишии доминирует гласная фонема E (5), функционально выступающая анаграмматическим субститутотом слова bEd – близость помогла женщине правильно интерпретировать намерения Шекспира, когда он выразил свою волю в завещании. Здесь также реализуется прием фрейминга (или кругового повтора) – стихотворение начинается со слов «The bed we loved» и заканчивается словами «as she held me upon that next best bed».

Аллитерационная субструктура представленного поэтического текста выглядит следующим образом:

- 1 DDD
- 2 STSSTSTLTLTSSS
- 3 WWVWW
- 4 WTTWTT
- 5 -
- 6 NSNSS
- 7 NSNNSNNN
- 8 MNDMDNMD
- 9 NSNSNS
- 10 NDDMDBTBSTBTST (параллелизмы)
- 11 STSTS
- 12 LVLFLV
- 13 HHH (энджамбент)
- 14 HHBB

Утяжеленный повторами S, T, L, реже Z, второй стих передает перечисления, представляющие метафоричный ряд и, следовательно, глубину чувств женского перволичного субъекта (foreSTS, caSLZ, TorchLight, cLiff-TopS, SeaZ). Этот пример можно также расценивать как звукоподражание шуршанию листвы в лесу, потрескиванию огня, шуму моря.

Утяжеленный аллитерацией B, S, T десятый стих построен на параллелизмах (ByTouch, BySenT, ByTaSTe).

Параллельные конструкции, выстроенные на повторах H, являются ключевыми и для завершающего двустушия (IHoldHim – asHeHeld).

Аллитерация N, например, в строке 7, несомненно, связана с мотивом слияния мужского и женского в метафоричном танце глагола и имени (daNcing, ceNtre, NouN).

Аллитерация L в 12-ом стихе наиболее заметна (Living Laughing Love). Но она также усиливается сопровождающим повтором V-F (living lauFing loVe), презентующим оппозиционную пару звонкого и глухого звуков.

Аллитерирующей основой стихотворения «Энн Хэтэуэй» выступает повтор D, который акцентирует мотив противопоставления двух постелей (beD, lovD, world,

DreamD), более того, представляется как утверждение ценности второй постели, на которой таинство любви приравнивается к таинству творчества (**Drama, playD**).

ВЫВОДЫ

Таким образом, анализ субъектной и объектной структур художественного языка стихотворения «Энн Хэтэуэй» позволяет сделать следующие выводы. Британская поэтесса К.Э. Даффи создала произведение, где с помощью художественного языка реализовала событие адресанта, на роль которого избрала исторического персонажа – жену Шекспира, и имплицитного ей современного читателя, интересующегося загадками биографии английского драматурга. Текст стихотворения является авторской мифологизацией личности Энн Хэтэуэй, трактовки ее роли в судьбе и творческой деятельности писателя. Наделение ролевого героя в тексте перволичной формой позволило автору стихотворения представить свой собственный взгляд на роль женщины в судьбе мужчины, оставившего значимый след в истории культуры. В литературоведении творчество Шекспира трактуется как вершина ренессансной культуры в Англии, где женская тема обретает новые, по сравнению со Средневековьем, коннотации. Дантовский образ Беатриче стал олицетворением платонической любви. Женщина-Муза открывала мужчине-поэту путь к творчеству как божественному акту творения. Вслед за Данте образ женщины наделялся в литературе сакральными чертами, воспевались ее неземная красота и духовная природа, сближавшая с образом Богородицы. Но уже у Петрарки, создавшего цикл сонетов, посвященных таинственной Лауре, Муза обретает портретные черты земной женщины, хотя отношения продолжают оставаться платоническими. Шекспир же, избирая ту же сонетную форму, создает в ней образ женщины, далекой от идеала небесной красоты, но наделенной способностью чувствовать и вызывать ответные земные чувства у поэта. Следуя за творческими предпочтениями своего предшественника, К.Э. Даффи рисует образ его жены, которая реализовала самые откровенные человеческие проявления плотской любви. При этом современный поэт возносит физическую любовь на священный алтарь, трансформируя физиологические ощущения в высокие творческие интенции. Отдавая ролевой

героине стихотворения право перволичного голоса, позволяя ей высказываться от собственного имени в сонетной, самой совершенной поэтической форме, К.Э. Даффи создает мифический образ «вечной женственности», связывающий возлюбленного с трансцендентным миром и обеспечивающий его бессмертие в искусстве. Частный хронотоп супружеского ложа вписывается в глобальный хронотоп искусства как божественного творения. Ритмотектоника сонета К.Э. Даффи не только демонстрирует совершенство сотворенного мира, но и развенчивает существующие в литературной науке представления о неизвестном адресате сонетов самого Шекспира. В трактовке современного поэта жена Шекспира, в завещании даже не поименованная, является «Вечной женой», Музой и хранительницей его творческого наследия и вполне достойна быть адресатом его гениальных любовных сонетов.

Список литературы

1. Бахтин, М. М. Собр. соч.: В 7 т. [Текст] / М. М. Бахтин. – М.: Издательство «Русские словари», 1996. – Т. 5. – 730 с.
2. Бройтман, С. Н. Историческая поэтика [Текст] / С. Н. Бройтман. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 418 с.
3. Бурова, И. И. Загадка «второй по качеству кровати» в британской и американской беллетристике XX-XXI вв. [Текст] / И. И. Бурова // Мировая литература на перекрестье культур и цивилизаций. – 2016. – № 2 (14). – С. 13–23.
4. Ганин, В. Н. Жизнь, смерть и ненависть мисс Хэвишем (Ч. Диккенс «Большие надежды» и К. Э. Даффи «Хэвишем») [Текст] / В. Н. Ганин // Филологическая регионалистика. – 2012. – № 1 (7). – С. 64–66.
5. Корман, Б. О. Избранные труды по теории и истории литературы [Текст] / Б. О. Корман; предисл. и составл. В. И. Чулкова. – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1992. – 236 с.
6. Корман, Б. О. Изучение текста художественного произведения [Текст] / Б. О. Корман. – М., 1972. – 110 с.

7. Остапенко, И. В. Природа в русской лирике 1960–1980-х годов: от пейзажа к картине мира: монография. [Текст] / И. В. Остапенко. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. – 432 с.
8. Теория литературы: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений: В 2 т. [Текст] / Под ред. Н. Д. Тamarченко. – Т. 1: Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика –М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 512 с.
9. Duffy C. A. PBS Bulletin 1999. Ed. by M. Dooley, J. MacKendrick. Inpress, 1999, No 182, p. 5.
10. Duffy C. A. The World's Wife. London: Picador, 2010. 96 p.

References

1. Bakhtin M. M. *Sobrannye Sochineniya: V 7 Tomakh* [Collected Works in 7 Volumes.]. Moscow: Russkie Slovari Publ., 1996, 730 p.
2. Broitman S. N. *Istoricheskaya Poetika* [Historical Poetics]. Moscow: Rossiyskii Gosudarstvennyi Gumanitarnyi Universitet, 2001, 418 p.
3. Burova I. I. *Zagadka Vtoroi po Kachestvu Krovati v Britanskoi i Amerikanskoi Belletristike XX-XXI vv.* [Shakespeare's Second-Best Bed Enigma in the 20th and 21st cc. British and American Fiction]. *Mirovaya Literatura na Perekrestie Kultur i Tsvilizatsii*, 2016, no 2 (14), pp. 13–23.
4. Ganin V. N. *Zhizn, Smert i Nenavist Miss Khevishem (Ch. Dickens Bolshie Nadezhdy i K. E. Daffi Khevishem)* [Life, Death and Hatred of Miss Havisham (Great Expectations by Ch. Dickens and Havisham by C. A. Duffy)]. *Filologicheskaya Regionalistika*, 2012, no 1 (7), pp. 64–66.
5. Korman B. O. *Izbrannye Trudy po Teorii i Istorii Literatury* [Selected Works on Theory and History of Literature]; Pref. and comp. by V. I. Chulkova. Izhevsk: Izdatelstvo Udmurtskogo Universiteta, 1992, 236 p.
6. Korman B. O. *Izuchenie Teksta Khudozhestvennogo Proizvedeniya* [Study of a Work of Fiction]. Moscow, 1972, 110 p.

7. Ostapenko I. V. *Priroda v Russkoi Lirike 1960–1980-kh Godov: ot Peizazha k Kartine Mira: Monografiya*. [Nature in the Russian Lyrics of 1960–1980s: from Landscape to the World-View. Monography]. Simferopol: Arial Publ., 2012, 432 p.
8. Tamarchenko N. D., *Teoriya Literatury: Uchebnoe Posobie Dlya Studentov Filol. Fak. Vyssh. Ucheb. Zavedenii: V 2 T.* [Theory of Literature. Textbook for Students of the Philological Faculties of the Higher Educational Institutions], Tyupa V. I., Broitman S. N. *Teoriya Khudozhestvennogo Diskursa. Teoreticheskaya Poetika*. Moscow: Akademiya Publ., 2004, 512 p.
9. Duffy C. A. PBS Bulletin 1999. Ed. by M. Dooley, J. MacKendrick. Inpress, 1999, No 182, p. 5.
10. Duffy C. A. *The World's Wife*. London: Picador, 2010, 96 p.

**THE STRUCTURE OF THE ARTISTIC LANGUAGE OF A LYRIC WORK AS
REFLECTING THE MYTHOLOGICAL STRATEGIES OF THE AUTHOR'S
CONSCIOUSNESS
(BASED ON THE POEM ANNE HATHAWAYBY C. A. DUFFY)**

Ostapenko I. V., Gluhenska L. N.

TauridaAcademy (Structural Unit)
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Simferopol, Russia
E-mail: lesyagluhenka@mail.ru

Summary. The article focuses upon the artistic language of the poem *Anne Hathaway* by the modern popular British poet Carol Ann Duffy on the subject and object levels. The study allows us to comprehend the author's choice of a historical character as a leading artistic image and to identify the goals the poet sets and achieves as a result of this choice. Thus, the analysis of the subject and object structures of the artistic language of the poem *Anne Hathaway* allows us to trace C. A. Duffy's implementing with the help of the artistic language the co-existence of the addressee, a historical character – Shakespeare's wife, – and an implicit modern reader interested in the mysteries of the biography of the English playwright. The text of the poem is the author's mythologization of the personality of Anne Hathaway, the interpretation of her role in the fate and creative activity of the writer. Giving the first-person form to the role-playing character in the text the author of the poem presents her own view on the role of a woman in the fate of a man, who left a significant mark in the history of culture. Moreover, the rhythmotectonics of the sonnet allows us to speak of Anne Hathaway as *The World's Wife*, the Muse, the keeper of the creative heritage, and the addressee of W. Shakespeare's love sonnets.

Keywords: Carol Ann Duffy, author's consciousness, poetry, subject organization, object organization, lyric subject, lyric character, Anne Hathaway, implicit reader.

УДК 821.111

**ЛОКАТИВНЫЙ АСПЕКТ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗА ТУРЦИИ В
АНГЛИЙСКОМ ТРАВЕЛОГЕ 19 В.
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

Рянов Р. И.

**Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
Email: rryanov@gmail.com**

Данная научная работа посвящена изучению локативного вектора в процессе формирования устойчивого образа Турции в травелоге. Травелог представляет собой литературный жанр, который сочетает в себе две жанрообразующие особенности: фактуальность (фиксация событий реального путешествия) и фикциональность (репрезентация путешествия в авторском сознании). В статье акцентируется художественность травелога как одна из его жанровых характеристик. В художественном мире травелога активизируется пространственная составляющая. Для осмысления образа Турции в травелоге А.У. Кинглейка использована локативная концепция. Изучение территориальных турецких номинаций дает возможность проанализировать создаваемый на их основе художественный образ. В статье дифференцируется «пространство физическое» как элемент документализма в травелоге и «пространство художественное» как элемент эстетического события. В травелоге художественное пространство представлено через репрезентацию пространства реального, физического. Кроме того, локативы в составе образа Турции отличаются авторской субъективной рецептивностью. Взаимодействие с инокультурным/иностранным пространством неизбежно протекает в имагологической директиве «свое-чужое». В локусных характеристиках автора-путешественника отсутствует акцент на культурных, сакральных реалиях Турции.

Ключевые слова: травелог, путешествие, локус, Турция, А. В. Кинглейк.

ВВЕДЕНИЕ

Травелог представляет собой симбиоз различных художественных параметров, среди которых пространство (топос) играет первостепенную роль. Изучение локативных характеристик как важнейшей особенности художественного пространства позволяет выявить жанровую специфику травелога, что и обуславливает актуальность данной работы. Теория травелога как автономного литературного жанра на данный момент в науке в целостном виде отсутствует. Множество аспектов в рамках исследования травелога требуют дополнительного изучения и проработки. Основная цель данной работы состоит в изучении локативных компонентов и их роли в формировании образа Турции в английском

травелоге. Поставленная цель предполагает решение таких задач: выяснение роли и функций локатива в травелоге при репрезентации образа Турции и изучение принципа отображения аксиологической системы автора травелога посредством описания локусов Турции. Научная новизна данной работы состоит в том, что впервые в травелоге проанализирован локативный вектор, который выполняет функцию репрезентации ценностной системы автора. Как представляется, специфика травелога, прежде всего, заключается в ряде выполняемых функций локативом. Были применены такие научные методы, как сравнительно-сопоставительный метод, метод компонентного и дискурсивного анализ, описательный и композиционный метод.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Жанровая специфика травелога обусловлена множеством факторов. Одним из них является документализм как составляющая природы травелога, который многие ученые считают жанровым признаком. Традиционно документальность травелога понимается как фиксация автором реалий путешествия. Однако данная точка зрения на травелог не является единственной. Условно можно разделить общее количество литературоведов, изучающих травелог, на две группы. Согласно концепции сторонников первой группы (Е. Б. Мартынюк, В. М. Гуминский, М. В. Аксенова), сюжетообразующим фактором в травелоге представляется пространство («город или городской контекст», а также сельская местность) и «перемещения в нем», то есть «путешествие» [12, с. 377; 5, с. 314-315; 1, с. 171; 11]. Другие же исследователи (Е. Р. Пономарев, В. С. Еремин) утверждают, что травелог – это всегда личный сюжет автора, а само путешествие, равно как и пространство (перемещение в пространственной плоскости), носят характер маргинального, если не эпизодического [7; 17]. На наш взгляд, более рациональной представляется первая концепция, согласно которой травелог базируется исключительно на настоящем путешествии, автор которого, соответственно, обязательно является субъектом, совершившим это путешествие.

В данной работе мы и сосредоточимся на пространственных характеристиках, поскольку, как правило, художественное пространство и время дифференцируются

при изучении [19]. В работе используется термин «локатив» и производные от него «локативный аспект», «локативный вектор». Данный термин применяется для обозначения не столько физического места и связанных с ним элементов, сколько для указания на место, обладающее образформирующей функцией в травелог. Не каждый топос, отображенный в травелог, может способствовать формированию устойчивого образа того или иного места Ю. М. Лотман, говоря о пространстве в художественном произведении, четко разделяет его на физическое (реально существующее) пространство и «пространство художественное»; эти виды пространства находятся в особой корреляции [11, с. 251]. Между пространством физическим («природой реальной») и пространством художественным имеется прямая взаимосвязь, однако могут существенно отличаться их характеристики [23, с. 126; 11]. В травелогическом произведении физическое (реальное) пространство является источником, базой для создания автором художественного пространства. Здесь важно отметить, что художественность в тексте травелога заключается в «фактографическом отображении действительности» в контексте хронологических связей [6, с. 38]. Таким образом, травелог представляет собой акт «пересоздания мира с помощью языкового описания» [10, с. 20]. Такие компоненты, как «движущийся герой-очевидец, документальность повествования, типизация единичных фактов, установка на правдивость изображаемых фактов очевидцем», то есть документальная составляющая взаимодействует с языковым описанием [17, с. 150].

Путешественник выступает тем «семиотическим» элементом, который определяет характеристику посещаемого им инокультурного пространства [21, с. 20; 20, с. 123]. Образ физической реальности в сознании автора трансформируется в художественный образ, отображая при этом «модель мира автора». То есть, в авторском сознании реальное пространство воспринимается как знак пространства, а из знака пространства формируется художественное пространство. Так, образ реального пространства становится исходным материалом для создания художественного пространственного образа.

- Локативный аспект, представляя собой один из ключевых векторов травелога, обладает различными детерминирующими характеристиками. В исследовательских работах Ю. М. Лотмана и М. А. Новиковой художественное пространство подразделяется на: «точечное» (пространство перехода вне временной категории – ахронное пространство [11, с. 253]), «линейное» (актуализируется признак длины, не ширины [11, с. 253]) и «объемное/плоскостное» (характеризуется наличием «вертикальной» и «горизонтальной плоскостей») [11, с. 253; 14, с. 23, 26].

Также при изучении локативного аспекта травелога необходимо учитывать, что пространство, как физическое, так и художественное, обладает «центром» – ядерным элементом (ядро), периферией и маргинальными компонентами [13, с. 262]. Отметим, что отсутствие последних не оказывает влияния на атрибуцию локатива в травелоге.

Обратимся к тексту травелога английского писателя А. У. Кинлейка (A. W. Kinglake) под названием «Eothen» [9; 25]. Важно, что автор травелога многократно путешествовал как по европейским, так и по восточным странам [24]. Специфика восприятия пространства героем проявляется в том, что описание территории Турции начинается с таких локусов как сербские города Землин (Semlin - Земун) и Белград [4]. Автор упоминает, что сами города содержат в себе элементы «знакомой ему жизни», поэтому турецкое пространство для него начинается именно с них. Например: «Но на юге глаза мои встречали уже мрачную турецкую крепость – исторический Белград» [9, с. 1]. Топическая граница здесь «крепость». Она маркирует начало турецкого пространства. Уточняет эту маркировку «юг» и «Белград». Эпитет «мрачная» отражает внутреннее отношение автора к турецкой местности. Также именно этот маркер обозначает границу между пространством «своим» и «чужим» [18, с. 112]. Эта установка автора будет отчетливо эксплицирована ниже:

«Я стоял на рубеже вечно волнующейся Европы и жаждал увидеть роскошь и нищету Востока» [9, с. 1]. Структурно-семантический анализ показывает, что отношение героя-рассказчика к посещаемой им стране двойственно. Примечательно, что сначала автор упоминает «роскошь» (его предварительные представления о

Турции), затем «нищету» (то, что будет увидено и запечатлено им в ходе визита). Переход из пространства «своего» в «чужое» демонстрируется через точечное пространство. Под ним мы подразумеваем лимиальность, «пограничность» пейзажа.

1. *«Коснувшись лица или вещи, принадлежащей Турецкой Империи, нельзя уже возвратиться на австрийскую землю...»* [9, с. 2]. Здесь наблюдается строгое разделение «своего-чужого». Вероятность физического, реального возвращения исключается с первых моментов контакта. Инокультурное бытие как бы не «выпускает» из своего мира автора-рассказчика. Недаром на фоне данного топоса (турецкой крепости) немедленно возникает один из главных маркеров границы:
2. *«Скоро приблизились мы к южному берегу реки; ни одного звука не вылетало из-за мрачных, высоких стен крепости...»* [9, с. 3]. Необходимо подчеркнуть, что в данном примере крепость обладает дополнительными элементами описания, так как она индивидуализирована. У реки какая-либо характеристика отсутствует, кроме повторного акцента на юге («южный берег»). Подобное сугубо констатирующее, «картографическое» упоминание водных объектов встречается и в других эпизодах:
3. *«С тех пор я проехал Турцию от границ Сербии до Золотого Рога и от Сатулийского залива до гробницы Ахилла»* [9, с. 3]. Национальный колорит создается только за счет топонимов, статонимов, гидронимов, историонимов.
4. *«Из вашей гостиницы ... путь лежит по Золотому Рогу, где может поместиться тысяча линейных кораблей»* [9, с. 27]. Здесь, помимо гидронима («Золотой Рог»), маринистическая деталь передана через военно-морской контекст («тысяча линейных кораблей»). Акцент на возможности размещения линейных кораблей во многом определяет специфику видения конкретного локатива. Она заключается в демонстрации имеющегося у Турции военного потенциала, военной мощи, что, в свою очередь, указывает на узус интересов автора, выступающего в роли героя-рассказчика.
5. «Тут нет ни рифов, покрытых раковинами, ни песчаных отмелей, ни тинистых рек, ни каналов, наполненных черною жидкостью, ни шлюзов; ничто не разделяет

сердца столицы от глубоких вод...стоит только переплыть бездонный Босфор» [9, с. 27]. Приведенное гидроописание организовано наиболее сложно. Автор использует нарративную технику, которую А. А. Ахматова в своих пушкинских работах называла «теневым портретом» [22]. Мы предлагаем назвать ее в приводимых случаях «теневым пейзажем».

В самом деле, сначала автор-рассказчик напоминает, из каких водных объектов складывается традиционный «экзотический» пейзаж. Это рифы, отмели, старые заросшие реки, заиленные каналы и их шлюзы. Такие гидродетали в XIX веке и в Великой Британии встречались не столько в живой натуре, сколько в живописи, причем в живописи интерьерной, фамильной. Ее могли репрезентировать голландские пейзажи или пейзажные фоны британских парадных портретов [8; 16].

Не осталось без внимания путешественника и Мраморное море. Его он именует по-гречески Пропонтидой (Propontis): *«Но для меня было недостаточно слушать плеск волн; видеть голубую Пропонтиду (Мраморное море), это не значило еще знать ее, обладать ею»* [9, с. 25]. Этноспецифика у героя-рассказчика сказывается в том, что созерцание инокультурного объекта не есть для него путь к его познанию, а познание – не цель травелогиста, его цель – обладание этим объектом. Британский операционизм и прагматизм сочетается с уважением к классическому наследию. Поэтому большинство топонимов, имеющих более поздний тюркский вариант, приводятся у А. У. Кинглейка в античном эллинском варианте.

Традиционно считается, что ядерные элементы любого текста не имеют синонимов. В этом состоит их отличие от элементов вариативных. Однако исторически столица империи носила разные названия. Это мотивировано разницей ее политического и этнического статуса в разные эпохи своего существования. Так, этот город назывался: 1) Византием [28]; 2) Константинополем [28]; 3) Стамбулом [3]; (Истанбулом); 4) Царьградом [15]. Таким образом, выбор одного из перечисленных вариантов был решением не только индивидуальным и субъективным. За каждым из этих вариантов стоял мощный историко-культурный и этнокультурный фон. Авторское решение, в свою очередь, детерминировалось собственным историко- и этнокультурным фоном. Следовательно, жанр травелога

особо чувствителен к их взаимодействию (включая их конфликт). Рассмотрим следующие примеры:

«Все то время, пока я находился в Константинополе...» [9, с. 28].

«...мягкая речь владельца лавки в Константинополе» [9, с. 33].

«Мы отнюдь не намерены участвовать в концерте восхвалений стамбульских мечетей и минаретов, но все же похвалим кое-что и в Стамбуле» [9, с. 27].

Установка автора по отношению к своим читателям не могла не быть двойственной. Британский травелогист не мог выступать апологетом всего чуждого в репрезентируемом иномирии. Хвалить в Стамбуле можно «кое-что», но нельзя самое главное для самих турок. Стамбул изредка можно назвать Стамбулом, но в норме (авторской и читательской) он – Константинополь. Мечети и минареты, безусловно, есть и, безусловно, значимы в стамбульской картине мира, и автор об этом знает. Однако он не вводит их в таком статусе в собственную картину мира. Значимость же «своей» духовной системы, христианства, в ценностной шкале героя-рассказчика маркируется автором не раз – например, следующим высказыванием: *«Я пожал [руку], и мы надолго расстались с христианским миром»* [9, с. 3].

В произведении, наряду с такими городами как Эдремит и Пергам, встречается и город Измир, который имеет второе греческое название Смирна, подобно Константинополь-Стамбул.

«Через несколько дней, проехав Эдремит и Пергам, мы прибыли в Смирну» [9, с. 43].

«Смирна, или, как называют ее мусульмане, Гизур Измир, т. е. «Смирна неверных», главный пункт торговли Европы с Азией» [9, с. 44]. Причина использования греческого варианта наименования данного локуса аналогична со случаем Стамбул-Константинополь: называя этот город греческим именем, герой-рассказчик акцентирует внимание на европеизированном его восприятии, на что указывает деноминация его как торгового центра между Европой и Азией.

В формировании образа турецкого пространства также принимает участие и такой микролокус, как турецкие улицы. Рассмотрим, какова ассоциативность и оценочность данных локативов в конкретном тексте:

«Мусульманский квартал в восточном городе пуст и уныл; вы восходите и нисходите по неровным тропинкам, кривые и жалкие улицы ограждены печальными стенами, в которых не прорублено ни одного окна» [9, с. 5]; «Вы зашли в узкую, излучистую, мрачную улицу, огороженную двумя большими белыми стенами» [9, с. 31].

Такое изображение Турции демонстрирует негативное и даже пренебрежительное отношение к подробностям турецкой картины мира. Скорее всего, турецкие улицы и мусульманские кварталы не узкие и не мрачные по своей природе, а кажутся автору таковыми по сравнению с обустройством городов в Англии. Их цель – директивная: идентифицировать презентацию данного микролокуса в художественном пространстве травелога. Иной оценочностью окрашен такой топический объект, как замок-резиденция паши. Например: *«Мы пошли в замок. ... Мы проходим через дворы, взбираемся на лестницы, переходим коридоры и, наконец, вступаем в свежую, белую, оштукатуренную комнату. В одном ее конце часы европейского изделия, в другом Мустафа Паша» [9, с. 6].*

Здесь, на наш взгляд, особенно значимыми несколько деталей. Автор замечает именно то, чего он не различает в других, негативных для него топосах. Читатель волен установить зависимость в обоих направлениях: паша хорош потому, что часы у него европейские; но и часы хороши потому, что их хозяин хорош.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование показало, что художественное пространство рассматриваемого травелога преимущественно категоризируется по имагологическому принципу (пространство «свое» и пространство «чужое»). Установлено, что ядерное пространство Турции в травелоге изображается такими локусами: Константинополь как центр христианского мира и Измир как торгово-экономический центр Османской империи. Локатив в травелоге репрезентирует как ценностную систему автора, так и его национальный менталитет. Локативные элементы пространства Турции, запечатленные в тексте травелога, выполняют

несколько функций: репрезентируют картину мира (систему ценностей) автора; специфику и противопоставление «чужого» пространства «своему».

Перспективу дальнейших научных исследований составляет принцип, согласно которому ввод персонажа в определенный локатив оказывает влияние на восприятие последнего автором травелога, из чего следует, что для более полной характеристики изображаемый в тексте травелога локатив необходимо рассматривать не только с точки зрения топоса, но и персоналий, так как они играют важную роль в репрезентации локуса.

Список литературы:

1. Аксенова, М. В. Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий [Текст] / М. В. Аксенова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – №3 (31). – С. 170-176.
2. Байрон, Дж. Г. Любовь и смерть: Стихотворения. Поэмы и трагедии [Текст] / Дж. Г. Байрон. – М.: Летопись, 1998. – 462 с.
3. Болгов, К. Н. К вопросу о латинской культуре ранней Византии [Текст] / К. Н. Болгов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2011. – №1 (96). – С. 33–37.
4. Градска Апштина Земун [Электронный ресурс] // Земун. – Режим доступа: <http://zemun.rs/>. – (Дата обращения: 25.05.2019).
5. Гуминский, В. М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте [Текст] / В. М. Гуминский. – М.: Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – 2017. – 608 с.
6. Деремедведь, О. М. Жанрові особливості англійської жіночої літератури мандрів кінця XVIII – першої половини XIX століття (на матеріалі творів про Крим) : дис. ... канд. філол. наук: 10.01.04 [Текст] / О. М. Деремедведь. – Сімферополь, 2008. – 181 с.
7. Еремин, В. С. Ранние обзоры «Литературы путешествий» на страницах «The Edinburgh Review»: образы востока [Текст] / В. С. Еремин // Всеобщая история и международные отношения. – 2015. – №1 (15). – С. 70-73.

8. Калмыкова, В. В. Английская живопись XVII-XIX веков / В. В. Калмыкова. – СПб.: Воскресный день, 2014. – 128 с.
9. Кинглейк, А. У. Путешествие английского туриста по Востоку [Электронный ресурс] / А. У. Кинглейк // HomLib. – Режим доступа: <http://homlib.com/read/kinglek-au/puteshestvie-angliyskogo-turista-po-vostoku> (дата обращения: 20.05.2019).
10. Конопко, К. С. «Свое», «другое», «чужое» в травелогах Антона Ашкерца [Текст] / К. С. Конопко. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2017. – 93 с.
11. Лотман, Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь [Текст] / Ю. М. Лотман. – М.: Омега-Пресс, 1988. – С. 251–293.
12. Мартынюк, Е. Б. Травелог как взаимодействие личной культуры автора и общекультурного взаимодействия [Текст] / Е. Б. Мартынюк // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. – 2018. – С. 376–381.
13. Новикова, М. А. Мифы и миссия [Текст] / М. А. Новикова. – Киев: Дух и літера, 2005. – 432 с.
14. Новикова, М. А. Символика в художественном тексте: символика пространства (на материале "Вечеров на хуторе близ Диканьки" Н.В. Гоголя и их английских переводов) [Текст] / М. А. Новикова, И. Н. Шама. – Запорожье: СП "Верже", 1996. – 172 с.
15. Орлов, А. С. История России: учебник [Текст] / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Т. А. Сивохина. – 4 изд. – М.: Проспект, 2019. – 528 с.
16. Паксман, Дж. Англия. Портрет народа [Текст] / Дж. Паксман. – М.: Петроглиф, 2013. – 384 с.
17. Пономарев, Е. Р. К вопросу об общей теории травелога [Текст] / Е. Р. Пономарев // Медиалингвистика. – 2017. – С. 150-152.
18. Субботина, Т. В. Локус, топос, урбоним, микропоним: к вопросу о содержании пространственных понятий [Текст] / Т. В. Субботина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №24 (239). – С. 111-113.

19. Тamarченко, Н. Д. Теория литературы [Текст] / Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. – М.: Издательский центр "Академия", 2004. – 512 с.
20. Тимофеев, М. Ю. Философ путешествий [Текст] / М. Ю. Тимофеев // Вестник Ивановского государственного университета. – 2013. – №3 (6). – С. 123–124.
21. Тюпа, В. И. Анализ художественного текста [Текст] / В. И. Тюпа. – М.: Издательский центр "Академия", 2009. – 336 с.
22. Шеметова, Т. В. Пушкин в русской литературе XX века. От Ахматовой до Бродского [Текст] / Т. В. Шеметова. – М.: Издательские решения, 2017. – 328 с.
23. Эйпштейн, М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии [Текст] / М. Н. Эйпштейн. – М.: Высш. шк., 1990. – 303 с.
24. Alexander William Kinglake: Letters and Papers. Jisc Archive. Available at: <https://archiveshub.jisc.ac.uk/search/archives/f5b5cb78-bbb4-3617-8c4d-24c0e7757acf> (accessed 25 May 2019).
25. Kinglake, A. W. Eothen [Текст] / A. W. Kinglake. – 1 ed. – Paris: Leipzig, 1846. – 308 p.
26. Roux, J. P. Türklerin tarihi [Text] / J. P. Roux. – İstanbul: Kabalci Yayınevi, 2000. – 598 s.
27. Schiffer, R. British travellers in 19th Century Turkey [Текст] / R. Schiffer. – Amsterdam: Rodopi, 1999. – 447 p.
28. Todorov, B. A. Byzantine myths of origins and their function [Text] / B. A. Todorov // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2008. – №2 (4). – P. 64–72.

References

1. Aksenova M. V. *Travelog: Puteshestvie Zhanra i Zhanr Puteshestvii* [Travelogue: Travel of Genre and Genre of Travel]. *Aktual'nye Problemy Filologii i Pedagogicheskoi Lingvistiki*, 2018, no 3 (31), pp. 170–176.
2. Byron Dzh. G. *Lyubov' i smert': Stikhotvoreniya. Poemy i Tragedii* [Love and Death: Poems and Tragedies]. Moscow: Letopis Publ., 1998. 462 p.
3. Bolgov K. N. *K Voprosu o Latinskoi Kul'ture Rannei Vizantii* [To the Question of Latin Culture of the Early Byzantine]. *Nauchnye Vedomosti Belgorodskogo*

- Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya, 2011, no 1 (96), pp. 33–37.
4. Gradska Apshtina Zemun [The State of Zemun City]. Zemun. Available at: <http://zemun.rs/> (accessed 25.05.2019).
5. Guminskii V. M. *Russkaya Literatura Puteshestvii v Mirovom Istoriko-Kul'turnom Kontekste* [Russian Literature of Travel in Worldwide Historical and Cultural Context]. Moscow: Institut Mirovoi Literatury Imeni A.M. Gor'kogo. RAN Publ., 2017. 608 p.
6. Deremedved' O. M. *Zhanrovi Osoblivosti Angliis'koi Zhinochoi Literaturi Mandriv Kintsya XVIII – Pershoi Polovini XIX Stolittya (Na Materiali Tvoriv Pro Krim) : Dis. ... Kand. Filol. Nauk: 10.01.04* [Genre Peculiarities of English Women Travel Literature of the End of Eighteenth – the First Half of Nineteenth Century]. Simferopol, 2008. 181 p.
7. Eremin V. S. *Rannie Obzory «Literatury Puteshestvij» Na Stranichakh «The Edinburgh Review»: Obrazy Vostoka* [Early Reviews “Literature of Travel” on Pages of *The Edinburgh Review*]. *Vseobshchaya Istoriya I Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 2015, №1 (15), pp. 70-73.
8. Kalmykova V. V. *Angliiskaya Zhivopis XVII-XIX Vekov* [English Painting of the 17th – 19th Centuries]. Saint-Petersburgh: Voskresnyi Den' Publ. 2014. 128 p.
9. Kinglake A. W. *Puteshestvie Angliiskogo Turista po Vostoku* [Электронный ресурс]. *HomLib*. Available at: <http://homlib.com/read/kinglek-au/puteshestvie-angliyskogo-turista-po-vostoku> (accessed 20.05.2019).
10. Konopko K. S. «Svoe», «Drugoe», «Chuzhoe» v *Travelogakh Antona Ashkertsa* [“Own”, “Other”, “Alien” in Travelogues of Anton Ashkerts]. Saint-Petersburgh.: Sankt-Peterburgskii Gosudarstvennyi Universitet, 2017. 93 p.
11. Lotman Yu. M. *Hudozhestvennoe Prostranstvo v Proze Gogolya. V Shkole Poeticheskogo Slova: Pushkin, Lermontov, Gogol'* [Literary Space in Prose of Gogol. In the School of Poetical Word: Pushkin, Lermontov, Gogol]. Moscow: Omega-Press Publ., 1988. 251–293.
12. Martynyuk E. B. *Travelog kak Vzaimodeistvie Lichnoi Kul'tury Avtora i Obshchekul'turnogo Vzaimodeistviya* [Travelogue as Interaction of Author's Private

- Culture and General Culture Interaction]. *Perevodcheskii Diskurs: Mezhdistsiplinarnyi Podkhod*, 2018, pp. 376–381.
13. Novikova M. A. *Mify i Missiya* [Myths and Mission]. Kiev: Dukh i Litera Publ., 2005. 432 p.
14. Novikova M. A. *Simvolika v Hudozhestvennom Tekste: Simvolika Prostranstva (Na Materiale "Veчерov na Hutore Bliz Dikan'ki" N.V. Gogolya i ikh Angliiskikh Perevodov)* [Symbolism in a Literary Text: Symbolism of Space (Based on *Evenings on a Farm Near Dikanka* by N. V. Gogol and Its English Translations)]. Zaporozh'e: Verzhe Publ., 1996. 172 p.
15. Orlov A. S. *Istoriya Rossii: Uchebnik* [History of Russia: Textbook]. Moscow: Prospekt Publ., 2019. 528 p.
16. Paksman Dzh. *Angliya. Portret Naroda* [England. A Portrait of the Nation]. Moscow: Petroglif Publ., 2013. 384 p.
17. Ponomarev E. R. *K Voprosu ob Obshchei Teorii Traveloga* [About the Question of General Theory of Travelogue]. *Medialingvistika*, 2017, pp. 150–152.
18. Subbotina T. V. *Lokus, Topos, Urbonim, Mikrotoponim: k Voprosu o Soderzhanii Prostranstvennykh Ponyatii* [Locative, Topos, Urbonim, Mikrotoponim: to the Question of the Semantics of Space Terms]. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2011, №24 (239), pp. 111–113.
19. Tamarchenko N. D. *Teoriya Literatury* [Theory of Literature]. Moscow: Akademiya Publ., 2004. 512 p.
20. Timofeev M. YU. *Filosof Puteshestvii* [A Philosopher of Travels]. *Vestnik Ivanovskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2013, №3 (6), pp. 123–124.
21. Tyupa V. I. *Analiz Khudozhestvennogo Teksta* [Analysis of Literary Text]. Moscow: Akademiya Publ., 2009. 336 p.
22. Shemetova T. V. *Pushkin v Russkoi Literature XX Veka. Ot Akhmatovoi do Brodskogo* [Pushkin in Russian Literature of the 20th Century. From Akhmatova to Brodskii]. Moscow: Izdatel'skie Resheniya Publ., 2017. 328 p.

23. Eipshtein M. N. «*Priroda, Mir, Tajnik Vselennoj...*»: *Sistema Pejzaznyh Obrazov v Russkoj Poezii* ["Nature, World, Cache of Universe...": System of Landscape Images in Russian Poems]. – Moscow: Vysshaya Shkola Publ., 1990. 303 p.
24. Alexander William Kinglake: Letters and Papers. Jisc Archive. Available at: <https://archiveshub.jisc.ac.uk/search/archives/f5b5cb78-bbb4-3617-8c4d-24c0e7757acf> (accessed 25 May 2019).
25. Kinglake A. W. *Eothen*. – Paris: Leipzig Publ., 1846.
26. Roux J. P. *Türklerin Tarihi*. İstanbul: Kabalci Yayınevi Publ., 2000.
27. Schiffer R. *British Travelers in 19th Century Turkey*. Amsterdam: Rodopi Publ., 1999.
28. Todorov B. A. *Byzantine Myths of Origins and Their Function*. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 2008, №2 (4), pp. 64–72.

LOCATIVE ASPECT AS A COMPONENT OF THE IMAGE OF TURKEY IN ENGLISH TRAVELOGUE OF 19 CENTURY (DEFINING THE PROBLEM)

Ryapov R. I.

Summary. This research work is devoted to the study of the locative vector in the context of the formation of a sustainable Turkey's image in the text of the travelogue work. The author notes that a travelogue as a literary genre combines two qualities forming it: factuality (documented actual travel) and fixity (representation of journey itself by the author). So, the author points to the artistic component of the travelogue. The locative concept of the formation of Turkey's image in the travelogue of A.W. Kinglake makes it possible to explore the territorial components of a given country at the fundamental level and analyze the image created on their basis. During the study a theoretical basis was worked out within the framework of which the concepts of «physical space» and «real space» were considered. Unlike other works the basis of artistic space in travelogue comprises purely real, physical space. The practical part of the study revealed that locative components of Turkey's image are characterized exclusively from the subjective side of perception by English traveler-author of the travelogue. It was established that the interaction with the foreign-culture / foreign space inevitably proceeds in the imagological directive of «own-alien». The study demonstrated that there is no emphasis on sights, as follows, mosques, holy places, etc. in the compilation of locus characteristics.

Keywords: travelogue, travel, locus, Turkey, A.W. Kinglake

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 81.37:398.831

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ ТРАДИЦИОННЫХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ

Бондаренко В. В.

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
г. Москва, Россия
E-mail: yotchic@yandex.ru

В статье анализируется тематическая группа лексики, связанная с обозначением высших сил, религиозными представлениями и всем комплексом обрядовых предметов и действий в русских традиционных колыбельных. Для анализа привлекаются опубликованные в наиболее авторитетных сборниках тексты и коллекция записей Фольклорного Архива филологического факультета МГУ. Выделены следующие подгруппы: теонимы (включая агеоантропонимы); типичные действия высших сил и взаимодействие с ними человека; определения (атрибутивные и образованные от теонимов и глаголов); места пребывания высших сил; фразеологизмы; лексика, связанная с участием человека в религиозной жизни. Подробное рассмотрение лексики данной тематической группы позволяет реконструировать важный участок традиционной русской языковой картины мира и сделать вывод о трансляции через колыбельные не просто понятия наличия мира невидимого, а именно христианского мировоззрения.

Ключевые слова: теонимы, религиозная лексика, материнский фольклор, колыбельные песни.

ВВЕДЕНИЕ

Колыбельные песни относятся к той части детского фольклора, которая названа В. С. Виноградовым «поэзией пестования» или материнским фольклором. Это произведения, предназначенные для исполнения старшими членами семьи младенцам. Исследованию поэтики, жанровой специфики, функций, характеристике образов, педагогическому потенциалу колыбельных, сравнительному анализу колыбельных разных народов посвящены работы многих известных ученых: фольклористов, этнографов, педагогов (А. Ветухов, О. И. Капица, Н. М. Элиаш, А. Н. Мартынова, М. Н. Мельников, В. П. Аникин, В. В. Головин, И. С. Карабулатова, А. Б. Теплова и др.). Однако лексике колыбельных не уделялось

должного внимания, поскольку констатировалась их «лексическая обедненность» [12, с. 19], хотя исследователи и отмечали, что эта «образная и лексическая скудость» – «кажущаяся», что «через колыбельную песню ребенок усваивает первичный словарный запас, без которого невозможно познание окружающего мира, развитие мышления» [2, с. 8;], что «магический потенциал колыбельной усиливается не только поэтической организацией, но и структурированностью самого жанра, его устойчивой формульностью, ... системой образов, лексическими ограничениями» [3, с. 33].

Известно, что мировоззрение человека формируется первыми усвоенными им текстами, и особенно важны в этом смысле фольклорные. Первые фольклорные тексты, с которыми знакомится ребенок – это поэзия пестования. Поэтому в ней должны содержаться лексические группы, представляющие основные константы традиционной культуры, основы «системы традиционных представлений о мире, как бы “свернутой” в формулах и мотивах данной песни» [3, с. 200].

В колыбельных присутствует и утверждается наличие мира невидимого, духовного, мифологического и связь его с миром видимым, социальным [3; 17]. Тематическая группа лексики (далее ТГ), связанная с обозначением высших сил, религиозными представлениями и всем комплексом обрядовых предметов и действий, а также взаимоотношений человека с высшими силами в колыбельных довольно значительна. Анализ лексики данной ТГ дает возможность реконструировать важный участок традиционной русской языковой картины мира. Исследователи в последнее время часто обращались к анализу религиозной лексики, религиозных концептов, теонимов, но материнский фольклор не рассматривался с этой точки зрения (И. С. Климас, Е. С. Лифанова М. А. Соломонов, А. Т. Хроленко, П. А. Якимов и др). Поэтому данная работа представляется актуальной и обладает новизной.

Исследуя ТГ ограниченной лексики колыбельных песен, можно получить представление о том, что именно входит в зачаток, ядро концептосферы, а также получить более полное представление о русской традиционной языковой (в данном случае – религиозной) картине мира.

С этой целью в работе сравнивается значение теонимов в колыбельных и в христианском вероучении, для чего привлекаются Богословский энциклопедический словарь, Полный церковно-славянский словарь Г. Дьяченко, богослужебные и молитвенные тексты, Символ веры, толковые словари русского языка.

Исследование базируется на методологической базе лингвофольклористики, теолингвистики. Использовались различные методы и приемы: сравнительно-сопоставительный и описательный методы, контент-анализ, семантический анализ, лингвокультурологический анализ. Методом контент-анализа выявлены теонимы и их представленность в репрезентативной выборке текстов рассматриваемого жанра. В семантическом анализе использовалась методика школы Н. Ю. Шведовой: анализ тематической группы с учетом частеречного разнообразия при выражении ядерных смыслов этой группы. Наряду со словами учитывались устойчивые (воспроизводимые) сочетания слов. Метод лингвокультурологического анализа использовался при рассмотрении теонимов в контексте теологического толкования в православной традиции. Проводился сопоставительный анализ фрагментов фольклорных и религиозных текстов.

Для анализа использовались тексты из наиболее представительных и авторитетных изданий детского фольклора за последние 150 лет, а также материалы Фольклорного архива филологического факультета МГУ (экспедиционные записи в Архангельской области 1953–1978 гг). Лексика анализируемой ТГ извлекалась методом сплошной выборки. Было просмотрено более 1500 текстов колыбельных, выявлен 241 текст колыбельных, содержащих религиозную лексику.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Внутри данной ТГ были выделены следующие подгруппы:

1. Теонимы (в том числе агеоантропонимы), т.е. наименования (включая составные метафорические) высших существ и небесных сил бесплотных: *Бог, Господь, Христос, святые, ангелы* и пр.
2. Типичные действия, присущие силам небесным, а также глаголы, связанные со взаимоотношениями человека с высшими силами: *молить, умолить, упросить,*

миловать, помиловать, спасти, даровать, пожаловать, хранить, сохранить, наделить, освятить, завечать (заветать, завичать) и др.

3. Атрибутивные определения, относящиеся к теонимам; а также образованные от теонимов и глаголов 2 подгруппы: *Божий, ангельский, святой, многомилостивый, моленный* и т.д.
4. Наименования мест пребывания высших сил: *рай, небеса, над тобой, с тобой, у тебя*, в головах и пр.
5. Фразеологизмы: *крестна сила, Бог с тобой, дай Бог, Иисусова молитва, класть под образа, петь святых, вечный покой, вынуть душу из телес, петь вечную память и пр.*
6. Лексика, связанная с богослужебным годичным кругом, с участием человека в религиозной жизни, с исполнением заповедей (т.е. религиозного нравственного христианского закона) и благочестивых обычаев: *церковь, крест, образок, икона, крестная мать, душа, погост, поминки, Великий пост, поминать* и т.п.

Интересно проследить процентную представленность текстов, содержащих лексику данной ТГ, в привлеченных для анализа источниках:

Источник	Год издания / записи	Всего колыбельных	Содержат религиозную лексику	%	Содержат теонимы	%
[1]	1868	9	2	22	2	22
[22]	1870	16	3	19	1	6
[21]	1898	34	10	29	4	11,7
[19]	1958–78	387	59	15	17	4
[12]	1987	83	9	10	1	1,2
[13]	1991	162	21	12	11	6,7
[11]	1997	544	100	18	59	10,8
[9]	2001	28	4	14	3	10,7
[2]	2002	88	5	5,6	1	1,1
[10]	2013	210	28	13	16	7,6
Общий результат		1561	241	15	115	7

Мы видим, что лексика данной ТГ содержится примерно в 15% колыбельных, теонимы же встречаются примерно в 7% от общего количества текстов и в 30%

текстов, содержащих лексику данной ТГ. В дореволюционных сборниках подобных текстов больше, в изданиях советского времени меньше, но лишь один крупный сборник практически не включает в себя таких произведений. В советское время сами исполнители, опасаясь гонений, могли сознательно замалчивать известные им колыбельные с религиозной лексикой. Показательно записанное фольклористами после подобной колыбельной (с именами Божьими) примечание: «когда пела последние строчки, очень смутилась» [19, ФЭ 11: 5163–5164, №3].

Один из серьезных исследователей русских духовных стихов Г. Федотов отмечал, что для того чтобы «найти ключ к религиозной душе» народа, прежде всего необходимо узнать, «как сам народ определяет содержание своей веры, как именует он высшие силы, которым поклоняется» [20, с. 24]. В колыбельных песнях используются имена Божии, наиболее известные и употребительные в христианской традиции, причем именно те, с которыми крестьянин был хорошо знаком по Символу Веры, самым распространенным молитвам, богослужебным текстам и Священному Писанию. Показательно, что в колыбельных нет упоминаний дьявола, бесов, что вполне закономерно и объясняется функциональными особенностями колыбельных [3, с. 154]. Во всем корпусе рассмотренных текстов около 35 колыбельных с представителями «нижнего» мира (Букой и другими «вредителями»), они не учитывались в статистике как содержащие религиозную лексику.

В Библии упоминаются различные имена Божии, образованные в основном от описательных эпитетов. Именования Бог и Господь – наиболее часто встречающиеся в библейских текстах, они выступают как синонимы. [4, I, с. 103, с. 385; 6, с. 54, с. 130; 14, с. 52, с. 141; 16, I, с. 378, с. 664]. В колыбельных употребляются оба этих именования.

В словарях приводятся такие значения лексемы Бог:

1. В христианстве Творец неба и земли, Промыслитель, имеет в славянских языках наименования Бог, Господь, Сый. Пишется с прописной буквы, в книгах церковных – под титулом (у Ожегова это второе значение).

2. Вообще высшее существо в верованиях разных народов, о языческих богах говорится во множественном числе. Пишется в книгах церковных без титла, со строчной буквы (у Ожегова это первое значение).

3. (Только у Ожегова) Переносное значение – предмет поклонения, обожания [14, с. 52].

В рассмотренных текстах колыбельных обнаружено лишь одно из 74 словоупотреблений лексемы «Бог» в третьем значении: «Таня – ангел, Таня – бог» [11, с. 146]. Во всех остальных случаях в колыбельных реализуется первое значение.

В Символе Веры в первом прошении используется наименование «Бог»: «Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым». В колыбельных также подчеркивается, что Бог – творец, податель жизни: «*Бог мне тебя дал*» (это наиболее часто упоминающееся в колыбельных действие Божие). Кроме того, Бог любит ребенка, находится рядом с ним, милует, спасает, дает здоровье и счастье. Такое отношение к человеку свойственно Богу лишь в христианской культуре: «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» [Ин, 3:16]. В анализируемых текстах лексема Бог вступает в синтагматические отношения с глаголами: *дать, помиловать, спасти, принести, любить*. Глаголы, характеризующие отношение человека к Богу: *просить, молить, молиться*.

В колыбельных именование Господь употребляется реже (17 словоупотреблений), чем Бог (74). Поскольку Господь – это одно из имен Божиих, это нашло отражение и в колыбельных: типичные действия, глаголы, характеризующие отношение Господа к человеку и взаимоотношения с человеком, совпадают с рассмотренными при анализе имени Бог. Господь – податель жизни: «*Тебе Господь дал*» [11, с. 57]. Господь любит, милует, спасает, находится рядом с ребенком, дает указания по воспитанию, определяет длительность жизни. Глаголы, характеризующие действия Господа: *дать, любить, миловать, помиловать, спасти, снести (на постельку), говорить, сидеть, велеть водить (воспитывать), говорить*. Глаголы, характеризующие отношение человека к Господу: *молиться*.

Одно из свойств Божиих – вездесущий. В колыбельных это свойство проявляется в определении местонахождения Бога – Он всегда рядом с младенцем:

Спи ты, Шура, Бог с тобой [19, ФЭ 11: 0035, №3];

Спи, Господь над тобой [11, с. 60];

Спи-се Богом, со Христом [13, с. 58].

Причем в колыбельных реализуется прямое значение этих сочетаний, которые стали позднее фразеологизмами. У Даля: «Бог с тобой, с Богом, прощальное пожелание, прощение кому вины; напоминание, чтобы остановить кого в слове или деле... С Богом т. е. иди, начинай и пр.» [4, I, с. 103]. В словаре Ожегова: «С Богом (устар. и разг.) – пожелание успешного начала... Бог с тобой (с вами) (устар.) – 1) пожелание хорошего, обычно при напутствии... 2) выражение недоумения, осуждения, протеста.... 3) выражение безразличия или уступки» [14, с. 53]. Фразеологизм «Господь с тобой» имеет такое же словарное значение [14, с. 141], так же, как и «Бог с тобой», означает, что Господь рядом с ребенком, поскольку обещал Господь: «Не оставлю вас сиротами; приду к вам» [Ин, 14:18]. В этом смысле строчка «Умирай, Господь с тобой!» [10, с. 112] в смертной колыбельной – не выражение безразличия, а уверение в том, что человек и по смерти не останется один, Господь примет его в свои обители (смертные колыбельные – колыбельные, в которых смерть младенца описывается как обыденное или желанное событие). Сравним с началом этой же колыбельной: «Спи, дитя, не унывай». Смерть не страшна, поскольку в христианстве она побеждена Воскресением Христовым: «Пусть никто не боится смерти – освободила нас смерть Спасителя...Смерть! где твоё жало?.. Воскрес Христос, и нет ни одного мертвого во гробе!» (из пасхальной службы). Младенца ждет жизнь вечная, к тому же, по народным верованиям, безгрешные младенцы становятся после смерти ангелами.

Как обозначение местопребывания высших сил используются подобные синтаксические конструкции и с другими теонимами:

Спи со ангелами,

Спи с архангелами [19, ФЭ 11: 0056, №9];

Спи ты, Бог с тобою,

И Христос с тобою,

Божья Матерь над тобою,

Над твоею головою [19, ФЭ 11: 5163–5164, №3].

Упоминается в колыбельных и обычное место пребывания Бога, выраженное сравнительным оборотом с союзом «как» – рай: «*Спи, как у Бога в раю*» [11, с. 38].

Фразеологизмы *Дай Бог, не дай Бог, Слава Богу; «Господь, векушку дай человекушку»* [10, с. 66] в колыбельных выражают прямое значение обращения к Богу как к подателю и хозяину жизни и смерти, Творцу всего видимого и невидимого мира.

Интересно употребление в колыбельных формы звательного падежа лексем Бог и Господь в качестве именительного, в роли субъекта действия: «*Боже счастья дает*» [13, с. 64]; «*Велел Господи водить / Уму-разуму учить*» [11, с. 56]. Такое употребление связано с распространенным обращением к Богу в Священном Писании, молитвах и богослужебных песнопениях (например, из вседневногo и великого славословия: «Ѓосподи Бóже, А́гнче Бóжий, Сы́не Отéчь, вzéмляй грех мíра, помíлуй нас»), а также с повседневным частым призыванием имени Божия, которое впоследствии стало фразеологизмом (а в современном русском языке характеризуется как междометие): «Боже мой», «Господи, Боже мой».

В колыбельных теонимы Бог и Господь употребляются всегда как однокомпонентные, без эпитетов и зависимых слов. Прилагательные Божий и Господень образуют сочетания *Божий день, церковь Божия, Божья милость, ангельская Господня Божья милость*.

Теоним «Господь» появляется во втором утверждении Символа Веры и сочетается с именем Бога Сына: «И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, иже от Отца рожденного прежде всех век...».

В словарных статьях теоним Христос сочетается с именем Иисус. В словарях дается следующее определение: Иисус Христос, Богочеловек, Сын Божий, Второе Лицо Пресвятой Троицы, Господь во плоти; имя Иисус значит Спаситель, Христос – помазанный [4, IV, с. 365; 6, с. 236; 16, I, с. 1062]. В словаре Ожегова определения в

словарной статье фактически нет: «Христос – вошедшее в некоторые выражения имя Иисуса Христа, культ которого лежит в основе христианства» [14, с. 869].

В колыбельных имя Иисус встречается в форме притяжательного прилагательного: «*Спи с Иисусовой молитвой*» [11, с. 60; 10, с. 62]. Используется как имя Христово также лексема Спас – от Спаситель, бывшая «на Руси наиболее распространенным эпитетом Иисуса Христа» [8, с. 44]. Именуется Иисус Христос Спасом и в двух молитвах, которые каждый православный знал наизусть, так как они даны нам в Евангелии и часто поются на богослужениях: в молитве «Богородице, дево, радуйся» («Яко Спаса родила еси душ наших») и в молитве «Песнь Богородицы» («Величит душа Моя Господа, и возрадовася дух Мой о Бозе Спасе Моем»). Таково частое обращение ко Христу в молитвах утренних и вечерних, большинство из которых крестьяне знали наизусть [15, с. 12].

В колыбельных именование Христа Спасом встречается, например, в контексте с упоминанием св. Николая Мирликийского: «*Уклади тебя Никола / О теперешнюю пору, / Уклади тебя Спас / О теперешний час*» [11, с. 56], причем в одном из вариантов эпитет «Спас» используется, когда речь идет, скорее всего, об иконах: «*Спас, Микола над тобой*» [13, с. 64]. Как обращение ко Христу эпитет Спас мы встречаем в варианте: «*Богородица, Спас, / Заложил младенца спать*» [10, с. 62].

Теоним Христос встречается в рассмотренных текстах довольно часто – 44 словоупотребления вместе с эпитетом Спас и прилагательными.

Типичные действия, свойственные Христу, во многом совпадают с типичными действиями, присущими Богу (Господу), поскольку Христос – это Сын Божий, Воплотившийся Бог. Христос дает жизнь человеку по молитвам родителей, приносит младенца, любит, милует, спасает, находится рядом с ребенком. Глаголы, характеризующие Его действия: *дать, даровать, наделить, послать, принести, приглубить, укладывать, миловать, хранить, стоять в головах, глядеть на младенца, не забывать его*. Интересно сравнить синонимичные глаголы, используемые с лексемами Бог, Господь и Христос:

Тебе Господь дал,

Да Христос наделил [11, с. 57];

Бог тебя дал,

Христос даровал [11, с. 57; 13, с. 65].

Глаголы *даровать, наделять*, употребляющиеся с лексемой Христос, имеют оттенок значения «дарить, награждать, милостиво наделять, отдавать навсегда безмездно, даром, одарять, давать долю», в то время как глагол «дать» имеет более нейтральное, общее значение [4, I, с. 412, с. 415, с. 416; II, с. 412]. В действиях Христа подчеркивается милующее, награждающее человека по милости, а не за какие-либо заслуги, начало.

Господь тебя любит,

Христос приголубит [11, с. 60].

У Даля: «Приголубливать, приголубить кого, приласкать, миловать, нежить, тешить, ласкать с любовью. Сынок балует, а матушка его приголубливает. Некому сиротки приголубить» [4, III, с. 408] — здесь в одном словоупотреблении выражено понимание Христа в русской народной православной традиции как любящего, милующего, жалеющего, родного и близкого. Причем любовь Его — действенная (приголубить — приласкать). «Первичность чувства и сердца над разумом и волей, свойственная православию, приводит специфически русскому восприятию образа Иисуса Христа в народном менталитете» [8, с. 43]. Такое же восприятие Христа выражено и в эпитете «*батюшка*», употребляемом с именем Христа:

Тебя батюшка Христос

Под окошечко принес [11, с. 34].

Батюшка — ласковое, почтительное обращение к отцу, уважаемому человеку, подразумевающее его доброе, родственное отношение к говорящему.

Глаголы, характеризующие отношение человека ко Христу: *молить, просить*.

Место, локус Христа в колыбельных — рядом с младенцем. Это могут быть указания конкретного места: «*Христос у тебя в головах стоит*» [11, с. 167] или констатация факта присутствия Христа рядом с младенцем: «*Спи, Христос у тебя*» [11, с. 166]. Фразеологизмы «*Христос с тобой*», «*Спи-се с Богом, со Христом*» так же, как и «*Бог с тобой*», употребляются в прямом значении: Христос рядом с ребенком, Он хранит младенца, младенец с Ним в безопасности и благополучии.

Христос в Символе Веры именуется Господом и Богом истинным: «...Бога истинна от Бога истинна...». Интересно в связи с этим употребление в колыбельной эпитета, непонятного вне контекста Символа Веры: «*Упросила, умолила я / У истинного Христа*» [13, с. 64]. Если рассматривать эти строки вне связи с основными догматами православия, можно сделать ошибочный вывод об опыте общения исполнителей с Христом «неистинным».

Прилагательные, образованные от теонима Иисус Христос: *Иисусова (молитва), Христов, христианский (обычай)* в значении «христианская вера, традиции».

Иисусова молитва – молитва-обращение к Иисусу Христу, в которой утверждается вера в Него как в Сына Божьего и истинного Бога: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Эта молитва, которую знал каждый крестьянин, является самым кратким исповеданием православной веры, ее сила призвана охранить младенца от опасностей: «*Баю-баю-баю-бай, / Спи с Иисусовой молитвой*» [11, с. 60].

Прилагательное «*Христов*» употребляется как знак принадлежности нового человека Христу («*Спи-ко, дитяtko Христово*» [11, с. 92].), так как Он выкупил всех людей ценой Своей крови. Именно поэтому народная пословица и говорит об обязательном почитании креста как знака крестной смерти Спасителя и в то же время знака освобождения человека от ига греха и смерти: «Кто без крестов, тот не Христов». Почитание креста и его значение в жизни подчеркивается в колыбельных употреблением фразеологизма «*Крестна сила на грудях*» [13, с. 65], здесь это обозначение нательного креста. Силе крестного знамения посвящена широко известная молитва «Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его».

«*Обычай христианский*» – в этом прилагательном реализовано фонетическое сближение лексем крест и Христос, что особенно важно в самоназвании русского земледельца – крестьянина, в семантическом составе которого присутствуют и принадлежность к христианству, и обязательность крестоношения (и в смысле нательного креста, и в смысле смиренного перенесения жизненных тягот). В контексте употребления в колыбельной: «*Баю-баюшки-байком, / Напою тебя чайком, / Чаем-то китайским, / Обычаем христианским*» [11, с. 160] присутствует

противопоставление чужого/ своего. Если в материальном плане чужое принимается, то в отношении духовном ребенок должен быть «вспоен» родной «пищей».

Прямое именование третьего Лица Святой Троицы (Духа Святого) не встречается в рассмотренном корпусе текстов колыбельных. Однако часто используется составное именование *Божья Милость*, которое может являться в некоторых случаях перифрастическим именованием Святого Духа: «*Спит-ко, дите, Бог с тобой, / Божья милость над тобой*» [9, с.262]. Свт. Симеон Солунский именно так определяет значение этого словосочетания: «Милость Божия не другое что есть, как благодать Святого Духа, которую должны испрашивать у Бога, непрестанно вопия к Нему: Помилуй мя! Яви милость Свою, Господи мой, ко мне грешному...» [5, с. 232].

Упоминание Святой Троицы также встречается в материнском фольклоре [10, с. 109, с. 111]. Однако что понималось под этим понятием в колыбельных, сказать однозначно нельзя. Г. Успенский считает, что «даже в XIX–XX веках в народной среде широко бытовало представление, что Троица состоит из Спасителя, Богородицы и Николы Угодника» [18, с. 6]. Но особое почитание свт. Николая бытовало не только в «народной» вере, вся Православная церковь особенно почитала этого святого по многим причинам. Место свт. Николая в колыбельных сопоставимо с ролью других святых, особо чтившихся на Руси (Косма и Дамиан, Власий), но никак не с одним из Лиц Святой Троицы. Его имя не вступает в синтагматические связи с глаголами, которые характеризуют действия Божии, он не является подателем жизни.

По мнению Г. Федотова, в духовных стихах «за троичным именем скрывается скорее основная религиозная двоица – мужского и женского божественных начал – Христа и Богородицы» [20, с. 31]. Однако в колыбельных мы видим не «двоицу», а разные ипостаси Божии (во всяком случае, Бога Отца и Бога Сына) и Богородицу, так как именованья Бога явно употребляются в одном тексте именно как разные ипостаси: «*Спи, Бог с тобой, / Спи, Господь над тобой*» [11, с. 60]; «*Спи, Бог с тобой, / Спи, Христос с тобой*» [11, с. 58], «*Спи-се с Богом, / Со Христом, / Спи со Христом, / Со ангелом!*» [21, с. 3]; «*Спи с Богом, / Со Христом, / Со ангелами!*» [22, с. 6]; «*Бог тебя дал, / Христос даровал. / Пресвятая Похвала / В окошечко подала*» [13, с. 57];

«Господь тебя любит, / Христос приголубит» [11, с. 60]; *«Бог тебя дал, / Да Христос послал»* [11, с. 103]; *«Упросила, умолила я / У истинного Христа. / Бог мне тебя дал, / Да Богородице дала»* [13, с. 64] и т.д. Контексты подобного употребления: обращение к ребенку с призывом уснуть, успокоиться, так как с ним (над ним) Господь, Бог, Христос, ангелы, святые; утверждение, что ребенка дал Бог (Господь, Христос, Богородица); характеристика отношения высших сил к младенцу (податель жизни, здоровья, счастья, управитель жизни). В этих контекстах возможно употребление как одного имени, так и нескольких. Причем в упоминаниях Бога, Господа и Христа в одном тексте часто используются синонимичные глаголы, характеризующиеся особыми оттенками значений. Присутствие в колыбельных нескольких имен Божиих означает, на наш взгляд, возможность усвоения с младенчества понятия о Святой Троице, но в какой полноте, сказать трудно.

Многочисленна в колыбельных группа именований Богородицы. Это и прямые именования, употребительные в богослужебных текстах, молитвах, церковных песнопениях, и перифрастические, часто уникальные образования, например, *Пресвятая Похвала, Успения Мать*. В рамках данной статьи именования Богородицы не анализируются подробно, это тема отдельной работы. Именования, выражающие сущностную характеристику Богородицы в колыбельных, – *Богородица* и *Мать*. Богородица – само именование уже включает в себе исповедание христианской веры в рожденного от земной девы Бога. Почитание Богородицы в России – «сердцевина русской народной религиозности» [20, с. 141]. Это связано с тем, что Богородица усыновила себе весь род человеческий, к ней обращаются как к теплой заступнице, которая принимает всех с материнской любовью.

Типичные действия, свойственные Богородице, во многом совпадают с типичными действиями, присущими Богу, Господу, Христу: Богородица дает ребенка родителям, дает ему здоровье, успокаивает его, укладывает, усыпляет. Уникальные действия Богородицы – она дает ребенку имя, растит ребенка, помогает ему выздороветь: *«Тебя вырастила, / На ноги поставила, / Тебя жить заставила»* [11, с. 60]. Глаголы, с помощью которых обозначаются действия, часто очень «зримы» (*в окошечко подала, на окошечко пихнула*). Богородица активно присутствует в сюжете

колыбельной, обращается с прямой речью к персонажам, указывая им, как нужно обращаться с ребенком:

Уж вы нянюшки,

Уж вы мамушки,

Водитесь,

Не ленитесь [11, с. 57].

Местоположение Богородицы по текстам – рядом с младенцем (*«Богородица с тобой»* [10, с. 63], *«Богородица у тя»* [11, с. 88], *«Мати Божия у ноженок стоит»* [11, с. 167]), *«Божья Матерь над тобою, / Над твоею головою»* [19, ФЭ 11: 5163–5164, №3], что соответствует Священному преданию и богослужебным текстам, по которым Матерь Божия после смерти не оставила мир, а всегда рядом с нуждающимися в помощи: «во успении мира не оставила еси, Богородице» (тропарь на Успение Пресвятой Богородицы).

С именами Богородицы употребляются различные эпитеты, как связанные с традиционным именованием, так и характеризующие Ее душевные качества: *Богородица свята, Пресвятая Божья Мать, Богородице Мария, Богородица и Мать, Мати Божия, Богородица Мать, Матушка Мария, Матушка Похвала*. Она добра, милостива, многомилостива. Семантически «сгущенные» именованья дают возможность усвоить истины христианского вероучения с детства, поскольку тексты колыбельных обращены не только к младенцу доречевого периода развития, который воспринимает пока мелодику, ритмику, интонацию, но и к старшим детям, которые усваивают смыслы [17, с. 77].

В колыбельных присутствуют именованья и других представителей мира небесного. Это ангелы, ангелы-хранители, архангелы, архангел Михаил, *«силушка небесная»*, апостолы, избранные и местночтимые святые, особенно известные и почитаемые в крестьянской традиции святитель Николай Чудотворец (*Никола*), святые бессребреники Косма и Дамиан (*Кузьма-Демьян*), святой Власий (*Влас*) [7, с. 141–146], святая Варвара [7, с. 96–97]. Святые помогают усыпить ребенка: *«Уклади тебя Никола / О теперешнюю пору»* [11, с. 56], хранят его:

Михайло Арханъев

*Да со ангелами,
Кузьма и Демьян –
Со апостолами.
Они тебя хранят,
Они и милуют
От болезней, от скорбей,
От тяжелых болестей* [13, с. 65].

Архангел Михаил упоминаются в одном контексте с Космой и Дамианом и в других фольклорных жанрах, в духовных стихах нередко «небесным судьей является архангел Михаил – один или... с Кузьмой-Демьяном... Неожданная роль Кузьмы-Демьяна объясняется, вероятно, календарной близостью их праздника к Михайлову дню» [20, с. 107]. Существует также интересная иконографическая традиция изображения святых, чьи имена упоминаются в колыбельных, вместе (икона XVIII века «Св. Козьма, Дамиан, Николай Чудотворец и Власий, патриарх Иерусалимский в предстоянии иконе Богоматери Владимирской»).

В колыбельных имена святых используются и как обозначение вещных артефактов: названий икон, храмов. Например, в смертных колыбельных: *«Повезем ты на погост. / Мы ведь к Троицы, к Миколы»* [11, с. 102]; *«Свезем к Троицы, к Миколы, / Под большие колоколы»* [9, с. 263]; *«Где ж его схоронили? / – Против Спаса, Власа, / Против Николки на горке»* [21, с. 9]. В контексте успокоения, призывания сна: *«Успокойся, ангел мой, / Богородица с тобой, / Никола милостливой»* [11, с. 59]; *«Ангелы с тобой, / Все хранители с тобой, / Все хранители с тобой, / Спас, Микола над тобой, / Спас, Микола в головах, / Крестна сила на грудях»* [11, с. 64-65]. Типичные действия святых, ангелов: *хранят, милуют*. Определения: *милостивый, святой, честной, хранитель, сохранитель*. Местоположение: рядом с младенцем: *«Уж как ангелы-хранители / В головушках сидят, / Они Генюшку-младенчика / Помиловать хотят»* [11, с. 56].

Для ангелов характерны и другие действия: они летят с небес, забирают жизнь (вынимают душу), приносят с небес сон, хвалят Богородицу, поют, поют в раю, зовут к себе младенца, сидят/стоят у него в головах, помахивают крылышком, выются над

головой младенца: «*Спи-ко, милое дитя, / К тебе ангелы летят, / Тибя миловать хотят*» [10, с. 63]. Ангелы посылаются с неба для выполнения воли Божией: «*Летя ангелы с небес / Вынуть душеньку с телес*» [9, с. 262], соответствующее у Даля выражению: «*Ангел за душою усопшего полетел, поверье о падающих звездах*» [4, I, с. 16]. В колыбельных реализуются два словарных значения лексемы ангел: 1) бесплотный дух, посланник Божий; 2) переносное значение – ласковое обращение к тому, кого любят, ласкают [4, I, с. 16; 6, с. 4, с. 23; 16, I, с. 155]. Иногда оба значения представлены в одном тексте: «*Спи-ко, Ваня-ангелок. / Да засни на весь денек... / Ангелы-хранители / По столбцам сидят*» [10, с. 64]. В колыбельных употребляются практически все варианты диминутивов, перечисленные в словарях, а также окказионализм «ангельчок» [11, с. 153]. Для обозначения небесных сил бесплотных в колыбельных используется фразеологизм «силушка небесная».

ВЫВОДЫ

Среди 1561 текста колыбельных из 10 рассмотренных источников религиозная лексика содержится в 241 тексте, что составляет примерно 15% текстов. Внутри рассматриваемой тематической группы выделены следующие подгруппы: теонимы (включая агеоантропонимы); наименования типичных действий высших сил и взаимодействия с ними человека; определения (атрибутивные и образованные от теонимов и глаголов); места пребывания высших сил; фразеологизмы; лексика, связанная с участием человека в религиозной жизни.

Проанализирован состав и словарные особенности словоупотребления теонимов; синтагматические отношения, в которые вступают знаменательные слова этой тематической группы; варианты фразеологизмов, употребительные в колыбельных. Установлено, что тематическая группа религиозной лексики в колыбельных достаточно обширна и включает в себя как общеупотребительные религионимы, так и свойственные лишь христианской традиции, а некоторые особенности словоупотребления именовании Божиих характерны именно для Православия.

Религиозная картина мира, представленная в колыбельных, четко структурирована, представляет собой преломление христианского мировоззрения в русской народной традиции. Подателями жизни, высшими силами в небесной иерархии являются Бог (Господь), Христос и Богородица. Святые, ангелы, архангелы представляют хранящие младенца силы бесплотные. Нравственный закон, благочестивые обычаи и обряды, религиозные правила, зафиксированные в фольклорном слове, фразеологизмы и устойчивые выражения формируют сильные ассоциативно-вербальные комплексы, которые в будущем, являясь первой реакцией на слова-маркеры, вызывают то или иное восприятие действительности индивидом и, соответственно, его поведение.

Перспективы исследования: интересные результаты может дать сравнение представленности и анализ данной ТГ в других жанрах материнского и детского фольклора, а также продолжение исследования текстов колыбельных с лингвистической точки зрения в более полном корпусном составе.

Список литературы

1. Бессонов, П. А. Детские песни [Текст] / П. А. Бессонов. – М. : Тип. Бахметева, 1868. – 253 с.
2. Библиотека русского фольклора. Детский фольклор. Т. 13 [Текст] / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. М. Ю. Новицкой, И. Н. Райковой. – М. : Русская книга, 2002. – 560 с.
3. Головин, В. В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе [Текст] / В. В. Головин. – Турку : Åbo Akademi University Press, 2000. – 451 с.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4 [Текст] / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989–1991.
5. Добротолюбие / В русском переводе святителя Феофана, Затворника Вышенского. В 5 тт. Том V [Текст]. – М. : Сибирская Благовонница, 2010. – 283 с.
6. Дьяченко, Г. Полный церковно-славянский словарь [Текст] / Г. Дьяченко. – М. : Издательский отдел Московского патриархата, 1993. – 1120 с.

7. Калинин, И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси [Текст] / И. П. Калинин. / Составление, предисловие, примечания А. Д. Каплина / отв. Редактор О. А. Платонов. – М. : Институт русской цивилизации, 2013. – 384 с.
8. Лифанова, Е. С. Концепт ХРИСТОС в русской языковой картине мира [Текст] / Е. С. Лифанова // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2007. – № 4. – С. 42–47.
9. Лойтер, С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты [Текст] / С. М. Лойтер. – Петрозаводск : КГПУ, 2001. – 296 с.
10. Лойтер, С. М. Детский поэтический фольклор Карелии: Исследование и тексты [Текст] / С. М. Лойтер. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2013. – 440 с.
11. Мартынова, А. Н. Детский поэтический фольклор. Антология [Текст] / А. Н. Мартынова. – СПб : Дмитрий Буланин, 1997. – 578 с.
12. Мельников, М. Н. Русский детский фольклор [Текст] / М. Н. Мельников. – М. : Просвещение, 1987. – 240 с.
13. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Младенчество; Детство. Вып. 1 [Текст] / Сост., подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. В. П. Аникина. – М. : Художественная литература, 1991. – 589 с.
14. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
15. Полищук, И. С. Традиционный менталитет крестьянства (вторая половина XIX – начало XX века) [Текст] / И. С. Полищук // Клио. – 2008. – № 1 (40). – С. 113–120.
16. Полный Православный Богословский Энциклопедический словарь. Т. 1, 2. – СПб. : Издательство П. П. Сойкина, 1913. – 1120 с.
17. Теплова, А. Б. Что сказать над колыбелью: Материнский фольклор для становления картины мира современного ребенка [Текст] / А. Б. Теплова. – М. : ООО «Педагогическая литература», 2014. – 160 с.
18. Успенский, Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей [Текст] / Б. А. Успенский. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 248 с.

19. ФА МГУ – Фольклорный архив филологического факультета Московского государственного университета.
20. Федотов, Г. П. Стихи духовные (Русская народная вера по духовным стихам) / Вступ. статья Н. И. Толстого; Послесл. С. Е. Никитиной; Подготовка текста и комментарий А. Л. Топоркова [Текст] / Г. П. Федотов. – М. : Прогресс, Гнозис, 1991. – 192 с.
21. Шейн, П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.: Т. 1, вып. 1 / Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном [Текст] / П. В. Шейн. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1898. – 376 с.
22. Шейн, П. В. Русские народные песни, собранные П. В. Шейном. Часть первая [Текст] / П. В. Шейн. – М. : Издание Императорского Общества Истории и Древностей Российских при Московском университете, 1870. – 568 с.

References

1. Bessonov P. A. *Detskie Pesni* [Children's Songs]. Moscow: Tipografiya Bakhmeteva Publ., 1868. 253 p.
2. *Biblioteka Russkogo Folklor. Detskii Folklor* [Collection of Russian Folklore. Children's Folklore], Vol. 13. Moscow: Russkaya kniga Publ., 2002. 560 p.
3. Golovin V. V. *Russkaya Kolybelnaya Pesnya v Folklore i Literature* [Russian Lullaby in Folklore and Literature]. – Turku: Åbo Akademi University Press Publ., 2000. 451 p.
4. Dal V. I. *Tolkovy Slovar Zhivogo Velikorusskogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language]. Vols. 1–4. Moscow: Russkii yazyk Publ., 1989–1991.
5. *Dobrotolyubie* [Lovingkindness]. Translated by St. Theophanes, the Recluse of Vyshensky. Vol. V. Moscow: Sibirskaya Blagovonnitsa Publ., 2010. 283 p.
6. Dyachenko G. *Polnyi Tserkovno-Slavyanskii Slovar* [Complete Church Slavonic Dictionary]. Moscow: Izdatelskii otdel Moskovskogo patriarkhata Publ., 1993. 1120 p.
7. Kalinskii I. P. *Tserkovno-Narodnyi Mesyatseslov na Rusi* [Church and Popular Calendars in Russia]. Moscow: Institut Russkoi Tsivilizatsii Publ., 2013. 384 p.

8. Lifanova E. S. *Kontsept KHRISTOS v Russkoi Yazykovoi Kartine Mira* [Concept of Christ in the Russian Linguistic Picture of the World] *Vestnik RUDN, Seriya Voprosy Obrazovaniya: Yazyki i Spetsialnost*, 2007, № 4, pp. 42–47.
9. Loiter S. M. *Russkii Detskii Folklor i Detskaya Mifologiya: Issledovanie i Teksty* [Russian Children's Folklore and Mythology: Research and Texts]. Petrozavodsk: KGPU Publ., 2001. 296 p.
10. Loiter S. M. *Detskii Poeticheskii Folklor Karelii: Issledovanie i Teksty* [Children's Poetic Folklore of Karelia: Research and Texts]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU Publ., 2013. 440 p.
11. Martynova A. N. *Detskii Poeticheskii Folklor. Antologiya* [Children's Poetic Folklore. Anthology]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1997. 578 p.
12. Melnikov M. N. *Russkii Detskii Folklor* [Russian Children's Folklore]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1987. 240 p.
13. *Mudrost Narodnaya. Zhizn Cheloveka v Russkom Folklore. Mladenchestvo; Detstvo* [The Wisdom of the People. The Life of Man in Russian Folklore . Infancy; Childhood], Issue 1. Edited by V. P. Anikin. Moscow: Khudozhestvennaya Literature Publ., 1991. 589 p.
14. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi Slovar Russkogo Yazyka: 80000 Slova i Frazeologicheskikh Vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Idioms]. Moscow: A TEMP Publ., 2006. 944 p.
15. Polishchuk I. S. *Traditsionnyi Mentalitet Krest'yanstva (Vtoraya Polovina XIX – Nachalo XX veka)* [Traditional Mentality of the Peasantry (the Second Half of XIX – Early XX Century)]. *Klio*, 2008, no 1 (40), pp. 113–120.
16. *Polnyi Pravoslavnyi Bogoslovskii Entsiklopedicheskii slovar'* [Complete Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary] Vols 1, 2. St. Petersburg: Izdatel'stvo P. P. Soikina Publ., 1913. 1120 p.
17. Teplova A. B. *Chto skazat' nad Kolybel'yu: Materinskii Fol'klor dlya Stanovleniya Kartiny Mira Sovremennogo Rebenka* [What to Say at the Cradle: Maternal Folklore in the Formation of the Modern Child's Picture of the World]. Moscow: Pedagogicheskaya Literatura LTD Publ., 2014. 160 p.

18. Uspenskii B. A. *Filologicheskie Razyskaniya v Oblasti Slavyanskikh Drevnostei* [Philological Researches in the Field of Slavic Antiquities]. Moscow: Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta Publ., 1982. 248 p.
19. FA MSU *Folklorny Arkhiv Filologicheskogo Fakulteta MGU* [Folklore Archive of the Philological Department of Moscow State University].
20. Fedotov G. P. *Stikhi Dukhovnye (Russkaya Narodnaya Vera po Dukhovnym Stikham)* [The Folk Spiritual Songs (Russian Traditional Faith in the Folk Spiritual Songs)]. Moscow: Progress, Gnozis Publ., 1991.. 192 p.
21. Shein P. V. *Velikoruss v Svoikh Pesnyakh, Obryadakh, Obychayakh, Verovaniyakh, Skazkakh, Legendakh i t.p.* [The Great Russian in his Songs, Traditions, Customs, Beliefs, Tales, Legends, etc]. Vol. 1, Issue I. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya Nauk Publ., 1898. 376 p.
22. Shein P. V. *Russkie Narodnye Pesni, Sobrannye P. V. Sheinom. Chast Pervaya* [Russian Folk Songs Collected by P. V. Shein. Part one]. Moscow: Izdanie Imperatorskogo Obshchestva Istorii i Drevnostei Rossiiskikh pri Moskovskom Universitete Publ., 1870. 568 p.

RELIGIOUS VOCABULARY OF RUSSIAN TRADITIONAL LULLABIES

Bondarenko V. V.

Summary. The article analyzes the thematic group of vocabulary associated with the designation of the higher powers, religious beliefs and the whole complex of ritual objects and actions in Russian traditional lullabies. Analysis involves texts published in the most authoritative miscellanies and a collection of records of the Folklore Archive of the faculty of Philology of Moscow State University. The following subgroups are distinguished: theonyms (including agioantroponyms); typical actions of the higher powers and a human's interaction with them; definitions (attributive and derived from theonyms and verbs); the higher powers' places of indwelling; phraseological units; vocabulary associated with a human's participation in religious life. Detailed consideration of the vocabulary of this thematic group allows us to reconstruct an important part of the traditional Russian linguistic picture of the world and draw a conclusion about broadcasting through lullabies not just the concept of existence of the invisible world but the Christian worldview.

Keywords: theonyms, religious vocabulary, maternal folklore, lullabies.

УДК 81'42: 81'37

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В КОНЦЕПЦИИ «РУССКОГО ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ КРЫМА»³

Забашта Р. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный Университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: zabrv@yandex.ru

Статья посвящена характеристике концепции «Русского лингвокультурологического словаря Крыма» и выявлению инновационного компонента в ее содержании, позволяющего применить идеи лингвистического краеведения для создания словаря регионального варианта современного русского языка. Дана характеристика функционально-семантического подхода, позволяющего выявить особенности отражения элементов русской картины мира в языковой составляющей лексикона русскоговорящего населения Республики Крым на современном этапе.

Инновационными оставляющими концепции «Русского лингвокультурологического словаря Крыма» признаются следующие принципы: междисциплинарность, функционально-семантический способ рассмотрения связи между понятием и средствами его реализации, регионализм, идеографический принцип моделирования понятийного континуума словаря, историко-культурологическое комментирование.

В исследовании рассмотрено содержание термина «региолект», под которым понимается вариант литературного языка, формируемый при взаимодействии с нелитературными формами (диалектом, просторечием и т.п.) и/или другими языками в социокультурных условиях определенного региона.

Охарактеризована концепция «Русского лингвокультурологического словаря Крыма», предполагающая особую структуру внешнего и внутреннего порядка: макроструктура словаря образуется идеографическим моделированием понятийного континуума номинативных средств словаря и алфавитным вспомогательным способом, микроструктура словаря образуется с помощью семантизации понятия и культурологического комментария.

Автор статьи приходит к выводу о том, что словарь способен предоставить информацию о Крыме как части Русского мира, т.е. познакомить всех желающих с историей, культурой и современными реалиями Крыма, воплощенными в русском языке.

Ключевые слова: русский язык, региолект, лингвокультурологический словарь, макро- и микроструктура словаря, русофония, семантема, культурологическое комментирование, языковая ситуация в Республике Крым.

³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Русский лингвокультурологический словарь Крыма» № № 17-04-00187 (а).

ВВЕДЕНИЕ

В русистике Крыма последних нескольких лет активизировалось направление, которое можно назвать особым разделом георусистики – крымским лингвистическим краеведением или лингворегионалистикой. Предметом данного раздела выступает описание региональной специфики языковой картины мира во всем многообразии речевой деятельности носителей русского языка, проживающих в Крыму (как устной, так и письменной). Речь идет, во-первых, о региональном варианте русского литературного языка и, во-вторых, о системе типичных, общих для большинства жителей полуострова константных представлений о Крыме. Последние, будучи мифологизированным знанием, специфическим образом кодируют когнитивные модели восприятия полуострова сквозь призму его истории, самобытности, культурно-языкового многообразия, литературно-художественного дискурса и современных реалий, в особенности после Воссоединения в 2014 г. Республики Крым и Севастополя с Российской Федерацией.

Пристальное внимание к русскому языку Крыма обусловлено в том числе тем фактом, что в науке о русофонии сформировалось представление о речи образованных людей (и совокупности текстов, ими порожденных) как реализации «крымского краеведческого дискурса» [21, с. 98]. В этом смысле и устно-разговорная форма языковой деятельности становится объектом комплексных исследований, цель которых видится в изучении механизмов мифологизации представлений о Крыме и в описании лингвокультурологического компонента вербальных средств, кодирующих и хранящих информацию о регионе.

Практика составления лингвокультурологических словарей и антологий, посвященных Крыму, его истории и культуре, особенностям русской региональной речи, имеет свою традицию, несмотря на относительно небольшое количество работ, в которых предпринята попытка описать «крымский краеведческий дискурс», однако большинство из них отличается глубиной исследовательской мысли, конкретностью и междисциплинарной направленностью. Так, в 1989 г. вышла в свет книга «Крым: поэтический атлас» (сост. А. Н. Рудяков, В. П. Казарин) [10], в 2009 г. был

опубликован краткий энциклопедический словарь «Полуостров Крым от А до Я» (сост. Г. Ю. Богданович, И. Г. Балашова, Т. Ю. Новикова) [13], в 2017–2018 гг. вышли в свет 2 книги «Современная картина мира: крымский контекст» под ред. проф. Г. Ю. Богданович [17; 18]. Однако создание полного лингвокультурологического словаря Крыма, отражающего основные факторы регионализации русского языка во всем многообразии культурно-исторического и современного контекста, по-прежнему составляет актуальную задачу лингвистического краеведения. Данная работа является продолжением цикла наших статей о георусистике, лингвокультурологической лексикографии и крымской лингворегионалистике [4; 5; 6 и др.].

Общим местом работ, посвященных вопросам ареальной лингвистики, стало выделение конститутивных признаков, позволяющих описать языковую идентичность региона. Среди таких признаков выделяют такие как, вариант общенародного языка, его фонетическая система, особенности контактов с другими языками, сложившийся узус в словоупотреблении, в построении грамматических конструкций, географические наименования и единицы, обозначающие ключевые понятия региональной культуры и реалии исторический дискурса.

Целью предлагаемой статьи является характеристика концепции «Русского лингвокультурологического словаря Крыма» и описание инновационного компонента в ее содержании, позволяющего применить идеи лингвистической регионалистики для создания словаря, отражающего как основные средства регионального варианта современного русского языка, так и культурологическую информацию о полуострове.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В истории отечественного языкознания выделяют две противоположные точки зрения на вопрос о региональном варьировании русского литературного языка. Так, согласно одной из них, разговорная разновидность литературного языка является единым, инвариантным явлением, но реализуемым в своих вариантных формах на достаточно большой территории (В. А. Богородицкий, Р. Р. Гельгардт,

И. Г. Добродомов, Т. И. Ерофеева, Н. М. Каринский, Ф. Е. Корш, И. И. Срезневский, А. М. Соболевский, А. А. Шахматов, М. В. Панов К. И. Чуркина и др.). Однако эта точка зрения отвергается рядом лингвистов, которые полагают, что единство и строгая нормализация литературного языка есть его неизменные свойства, при этом признание регионального варьирования означает разрушение языка, его вхождение в нестабильное состояние (Е. Ф. Будде, В. В. Виноградов, В. Г. Орлова, В. И. Чернышев, В. К. Фаворин, Ф. П. Филин, и др.).

Примечательно, что в ХХI веке многие отечественные и зарубежные русисты разделяют идею о региональном варьировании русского литературного языка как о естественной адаптации языковой системы к иноязычному и/или социокультурному окружению (В. И. Беликов, Е. А. Журавлева, Ю. В. Дорофеев, И. Н. Кошман, А. Мустайоки, Ю. Е. Прохоров, О. Г. Ровнова, А. Н. Рудяков). В работах такой методологической направленности русский язык воспринимается не как объект исследования, но как содержание русофонии – русскоязычного пространства, имеющего собственную геолингвистическую архитектуру.

В функциональных взаимоотношениях «инвариант» / «вариант» значительную роль при истолковании лингвистических явлений играет соотношение «норма» / «узус», поскольку региональные варианты русского языка, во-первых, мало описаны, во-вторых, существует проблема их кодификации, в-третьих, речь идет о функционировании русского языка в особых условиях межкультурного диалога. В данном случае в своей речевой деятельности носители русского языка ориентируются как на нормы литературной разновидности, так и на речевой узус, принятый на определенной территории. Таким образом, регионально обусловленное отклонение от канонических норм литературного языка в отдельных коммуникативных регистрах живой речи образованного населения Крыма не может быть признано фактом использования какой-либо иной формы национального языка (диалектной, просторечной, жаргонной и т.п.) именно потому, что использование русского языка в регионе имеет характер тесного взаимодействия нормы и узуса, общенародного и локального, идеального и сформировавшегося в реальном опыте.

Развитие вариантных форм русского литературного языка обусловлено рядом причин, среди важнейших из них можно выделить ориентацию на различный русскоязычный узус (имея в виду исторические этапы новейшего времени, в частности, украинский период в истории Крыма (1991–2014), современный (2014 – по настоящее время), иноязычное окружение, влияние городской речи и просторечия, изменение в когнитивной базе носителей русского языка. Следствием такого видения становится признание того факта, что русская речь Крыма реализуется в нескольких коммуникативных регистрах (литературная речь образованного населения, научный дискурс, медиапространство Крыма, городская жаргонная речь и просторечие, локальный (топический) регистр, воздействие южнорусской диалектной стихии и т.п.). Среди работ, посвященных систематизации региональных особенностей русской речи в Крыму и вопросам картографирования при описании функционирования русского языка, отметим исследования Ю. Л. Ситько и коллектива соавторов [1; 8 и др.]. При обсуждении проблемы изменчивости русского языка и снижении речевой культуры в г. Севастополе, авторы отмечают важность учета регионального узуса: «...«ухудшение» русского языка, на которое болезненно реагируют, затрагивает не систему русского языка, а языковую компетенцию отдельных людей» [1, с. 189]. Следовательно, в тенденции, связанной с активным использованием крымчанами в своей речи разговорно-обиходных единиц, регионально маркированных номинантов, локализмов, урбанонимов и пр., логично было бы усматривать не столько факт общего снижения речевой культуры, сколько действие константной прагматической потребности языковой личности, использующей русский язык в Крыму.

Регионализация языка возникает как реакция системы на условия функционирования, причем влияние территориальных диалектов не выступает единственной формой такой реакции, поскольку в речевой практике наблюдается активизация и просторечия, и влияние других национальных языков, распространенных в регионе, и, наконец, воздействие на язык социокультурного контекста (местные городские реалии, исторический и культурный фон региона и т.п.). Например, в Крыму существуют особые виды деятельности, связанные с

рекреационной, сельскохозяйственной, туристической сферами. Комментируя данный вопрос, Л. С. Москаленко приводит следующие примеры уникальных номинативных единиц, относящихся к разговорному стилю в речи крымчан: «разводящий ‘человек, который находит отдыхающих’, *отдыхайка* ‘отдыхающий’, *сдыхи* ‘отдыхающие’, *карпалы* ‘водители на вокзале или в аэропорту, назойливо предлагающие свои услуги’» [12, с. 148]. Очевидно, что значения перечисленных слов могут быть понятными исключительно носителю крымского региолекта, причем релевантность его компонентов не является всеобщей: можно допустить, что проживающие в северных районах полуострова не используют некоторые из названных слов, поскольку в их речи отсутствует детализация в номинировании явлений южных районов Крыма.

Крымский региональный вариант русского литературного языка является новым объектом исследований, тем не менее как специфика речи русскоязычного населения Республики Крым, так и многочисленные тексты, в которых используются номинативные единицы с семантическим компонентом ‘Крым’ (напрямую или ассоциировано), представляют собой ценный языковедческий материал и открывают перспективу создания сводного регионального словаря. Междисциплинарность таких исследований позволяет сформировать комплексное представление о многообразии речи носителей русского языка в Крыму, а также описать истоки историко-культурного и общественно-политического развития полуострова, его поступательное развитие, воплощенные в слове.

В русистике под «региональным вариантом русского литературного языка» понимается особая разновидность литературного языка, образующаяся в случае достаточного владения литературным языком его носителями при взаимодействии с нелитературными формами (диалектом, просторечием) и другими языками в каком-либо регионе» [20, с. 11]. Исходя из приведенного определения, региолект представляет собой не какую-либо новую форму существования национального языка, но формирующуюся на основе литературной разновидности в определенных локальных условиях.

Следовательно, региолект обладает следующими признаками:

- вариант литературного языка;
- распространен на территории определенного региона (в пределах одной страны);
- незначительно отличается от базисной литературной нормы;
- обладает своим специфическим узусом;
- используется преимущественно в устно-разговорной сфере;
- используется образованными людьми, владеющими современным русским литературным языком, т.е. теми, кто владеет его основными нормами.

Традиционно в русском языкознании сформировалась точка зрения, согласно которой лингвокультурологический словарь:

- 1) имеет целью репрезентацию концептосферы: язык является «основным средством отражения национального самосознания этноса, так как он составляет часть культурно-исторического наследия нации и является инструментом моделирования языковой картины мира, языкового сознания и национального менталитета. Связующим звеном в данной парадигме выступает концептосфера, представляющая собой совокупность ментальных единиц, отражающих специфику культурного восприятия действительности человеком и нацией в целом» [9, с. 3];
- 2) решает прикладные задачи лингвострановедческого характера, в частности, обучение иностранцев русскому языку, при этом используются дополнительные сведения о стране и культуре, об особенностях использования слов, устойчивых словосочетаний и фраз, о ментальных пресуппозициях, благодаря усвоению которых изучающий язык может адекватно понимать русские тексты;
- 3) применяется в терминологической сфере для уточнения содержания терминов и понятий лингвокультурологии.

Как видно из перечисленных аспектов функциональной направленности лингвокультурологического словаря, региональная специфика в отражении русского менталитета является инновационным подходом к составлению подобного рода словарей и имеет особую практическую ценность. Крымский контекст как проявление диалога культур и языков дает возможность описания современного

русского литературного языка в условиях «полилингвокультурной среды» [2] ненеациональной Республики Крым и г. Севастополя.

В наших работах мы используем термины концепции георусистики, основные положения которой изложены в исследованиях А. Н. Рудякова: «Русский язык сформировал русофонию – огромный планетарный языковой мир. Изучение этого мира, его внутреннего устройства, взаимодействия с другими языковыми мирами является, на наш взгляд, объектом изучения георусистики <...>. Структура русофонии включает центр, ядро и обширные периферийные зоны. Граница между ядерной и периферийной частями любого языкового мира формируется, на мой взгляд, двумя параметрами: «родной / выученный», с одной стороны, и «государственный / негосударственный», с другой» [14, с. 32]. Такое ценностное моделирование зон русофонии оказывается применимым и к вопросу регионального варьирования. Функционирование русского языка в качестве одного из трех государственных языков в Крыму и учет того факта, что для большинства населения полуострова он является родным (или вторым родным), позволяет отнести регион в целом к ядерной части русскоговорящего пространства. Адаптивные свойства русского языка могут проявляться также в фактах межъязыковой интерференции (русско-украинской и русско-крымско-татарской) в тех случаях, когда имеет место использование экзотизмов или в русской речи появляется слово с иностранным корнем. Такое явление в крымской региолекте произошло со словом *тандыр* под влиянием реалий крымско-татарской кухни, хотя сам денотат, обозначенный этим словом, хорошо известен во многих языках Средней Азии. Очевидно, что носители других региональных вариантов в своей речевой практике не используют такое слово, особенно если национально-культурная система региона не кодирует в картине мира рассматриваемое понятие как местное, свое.

При составлении лингвокультурологического словаря особое значение приобретает способ семантизации внеязыковой информации, приемы лексикографирования, поэтому выбор единицы словаря, как «сгустка» релевантного региональному компоненту содержания, представляется важным положением концепции словаря. Как отмечает Б. В. Тарев, «диалог культур в лексикографии

может быть исследован через призму специфики особого жанра – словаря лингвокультурем. Описывая в лексикографической форме культурный компонент словаря определенного языка, он участвует в своеобразном моделировании межкультурного пространства общества и влияет на развитие современной поликультурной личности» [19, с. 394]. На наш взгляд, учитывая неоднословность номинаций с региональным компонентом ‘Крым’, в функции лингвокультуремы может быть избрано понятие в совокупности с вербальными средствами его выражения в русском языке. Такое понимание единицы словаря позволяет использовать термин «семантема», в истолковании представителей Крымской функциональной школы (А. Н. Рудяков, Ю. В. Дорофеев, Л. А. Моря-Мицык, Маркина-Гуржди и др.) [15].

После Воссоединения в 2014 г. Крыма с Россией начался процесс качественной трансформации русофонии в Крыму: на новейшем этапе развития языковые нормы крымчан – носителей русского языка изменяются под воздействием прежде всего государственной политики в области образования и просвещения в направлении к нормам классического русского литературного языка: из ближней периферии русофонии в ее ядерную часть (формула «главное, но не единственное средство социального взаимодействия»). Повторим здесь еще раз то обстоятельство, что русский язык с 2014 г. имеет статус государственного в Крыму и для большинства крымчан является родным. Обретают жизнь многие номинанты, до недавнего времени являвшиеся неологизмами или ксенизмами по отношению к русскому языку Крыма до Воссоединения с Россией: *обществознание, здоровьесберегающий, общественная палата, ФГОС, СНИЛС, МУП* и т.п. Такие слова были незнакомы русскоязычным крымчанам или являлись для них в известной степени неиспользуемыми. Именно в настоящий исторический период важно описать ядерные «лингвокультуремы» крымского региона. Применительно к функциональному пониманию лингвокультуремы, коллективом крымских русистов была разработана концепция «Русского лингвокультурологического словаря Крыма» (РЛСК).

Создание РЛСК предполагает стратификацию языкового материала, его анализ, составление словника, разработку концепции словаря, формирования макро- и микроструктуры словаря.

Данные виды работы можно сформулировать в следующих позициях:

- отбор единиц, составляющих словник РЛСК: регионализмы, этнографизмы, топонимика, культурно и социально значимые для русскоговорящих Крыма понятия и онимы, номинации исторических событий, достопримечательностей, флоры и фауны, геральдических знаков, прецедентные единицы и т.п.;

- моделирование макроструктуры РЛСК: классификация признаков, образующих тематические рубрики на основе идеографического описания единиц словника;

- составление микроструктуры РЛСК: использован активный принцип семантизации единиц словаря, заключающийся в толковании единиц в направлении от понятия к словесной форме выражения (механизм семантемы) [15], т.е. лексикографическое описание предполагает использование 3-х лингвистических явлений: сигнификата, лексической единицы (слово нарицательное, устойчивое словосочетание, оним) и позиции номинации (комплекс условий, которые обуславливают использование единицы говорящим и особенности его восприятия); культурологическое комментирование также составляет специальную задачу при разработке микроструктуры;

- разработка системы помет, позволяющей разделить а) социально-демографические параметры, б) тип текста, в котором используется единица, в) тематическую группу, в которую входит единица, г) оценку русскоговорящими крымчанами степени лингвокультурологической ценности реалии, обозначенной словом, д) территория распространения и сфера использования единицы (общеупотребительные для Крыма, локализмы, урбанонимы, прагматонимы и т.п.).

В настоящем исследовании, лингвокультурологическое описание региональной лексики и номинативных единиц с семантическим компонентом 'Крым' – это лексикографическое описание единиц, использование которых обусловлено культурно-историческими признаками региона, либо территориально-

административными признаками, либо узуальной речевой конвенцией, либо культурно-психологической значимостью для носителей русского языка Крыма.

РЛСК является одноязычным словарём, адресован филологам, культурологам и всем, кто интересуется живой речью Крыма и его историческим прошлым, новейшим периодом развития и социокультурным своеобразием. Целесообразно организовать 2 словарных входа: алфавитный и идеографический. Объём словаря определяется выборками из текстов (русская классическая литература, современная публицистика Крыма, разговорная речь) и данными экспериментальных исследований.

На этапе формирования словника РЛСК нами была выполнена работа по выявлению единиц с семантическим компонентом 'Крым'. Далеко не все единицы, выбранные нами, обнаруживают в структуре своего значения указанный компонент. Так, например, номинант «кипарис», «грифон» или «кенасса» имеют общенародные значения, не обнаруживающие уникальности в структуре своего сигнификативного значения. Действительно, значение слова «кипарис» ('южное вечнозеленое хвойное дерево, преимущественно с пирамидальной кроной') не содержит реальной семы 'произрастающее в Крыму', однако компонент 'южное' предполагает существование потенциальной семы, могущей актуализироваться в региональной номинационной позиции семантемы. То же самое происходит с семантемами «грифон» ('художественное изображение грифа – крылатого чудовища с головой орла и туловищем льва', где микросмысл 'античное мифологическое существо' заменяется регионально обусловленным микросмыслом 'элемент геральдики Крыма: существо, изображенное на гербе Республики Крым') и «кенасса» ('культовые архитектурные сооружения, представляющие собой молитвенные дома караимов в Восточной Европе', где микросмысл 'в Восточной Европе' уточняется топическим компонентом 'в Крыму: в Симферополе, Севастополе, Бахчисарае, Евпатории').

Выбор единиц для СЛСК является дискуссионным вопросом, поскольку словник в традиционном понимании предполагает составление списка слов, тогда как в проектируемом словаре исследователь вынужден оперировать не только отдельными словами, но и сверхсловными номинациями. Тем не менее мы считаем, что введение различных единиц в состав словника должно отвечать главному критерию –

репрезентативности, т.е. отражать языковую картину мира крымского региолекта и ее базисные конститутивные компоненты концептосферы.

С целью определения объема и содержания словника нами была осуществлена выборка из толковых, энциклопедических и специальных словарей, текстов (русская классическая литература, современная публицистика Крыма, крымский сегмент Рунета), а также из реальной устно-разговорной речи. В результате анализа полученных единиц можно выделить следующие группы такой лексики, обозначающей:

- 1) культурно и исторически значимые персоналии, события или реалии: *Екатерина II, Александр Сергеевич Пушкин, Николай Дмитриевич Голицын, Иван Константинович Айвазовский, Павел Степанович Нахимов, Антон Павлович Чехов, Александр Степанович Грин, Максимилиан Александрович Волошин, Николай Иванович Пирогов, Исмаил Гаспринский, Илья Львович Сельвинский, Владимир Иванович Вернадский, Крымская (Восточная война), Памятник затопленным кораблям, Оборона Севастополя, Керченско-Феодосийский десантная операция, Ялтинская конференция, Дюльбер, Крымские кенасы и др.*
- 2) общественно и политически значимые персоналии, события или реалии: *Юрий Александрович Мешков, Леонид Иванович Грач, Николай Васильевич Багров, Сергей Валерьевич Аксенов, Алексей Михайлович Чалый, Владимир Андреевич Константинов, Крымская весна, «вежливые люди», Референдум о статусе Крыма, «блэкаут», Крымский мост и др.*
- 3) достопримечательности и туристические реалии: *Большая канатная дорога, Алупкинский (Воронцовский) дворец, Ливадийский дворец, Массандровский дворец, «Артек», Бахчисарайский дворец, «Поляна сказок», «Долина привидений», Ханский дворец, Пещерные города Крыма, Ласточкино гнездо, Никитский ботанический сад, Царская тропа, Ясная Поляна и др.*
- 4) топонимические объекты: *Крым, Таврида, Киммерия, Ай-Петри, Аю-Даг, Симферополь, Севастополь, Ялта, Феодосия, Керчь, Евпатория, Балаклава, ЮБК, Чёрное море, Азовское море, Салгир, Массандра, Новый Свет, Чуфут-Кале,*

Салгир, Красная пещера (Кызыл-Коба), Мраморная пещера, Коктебель, Черноморский флот, Керченский пролив, Сиваш и др.

- 5) реалии флоры и фауны: *кедр, кипарис, ялтинский (крымский) лук, крокус, лаванда, можжевельник, белка-телеутка, чайка, ласточка, ящерица* и др.
- 6) реалии местности, города, известные, как правило, только жителям (локализмы и урбанонимы): *канатная дорога, топик, Розочка, Кубик, Сахара, Путинские дома, Хрюшка, Хрустали, Остряки, Морсад* и др.
- 7) реалии, не имеющие прямого аналога в общенародном языке или номинируемые специфически (лексические регионализмы): *пайта, штрих, сельпо, паска, самса, тандыр, яйла* и др.
- 8) прецедентные номинации (названия произведений, картин, кинофильмов, фразы и т.п.): *«Дама с собачкой», «Севастопольские рассказы», «Бахчисарайский фонтан», «Девятый вал», «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика», «Крым», «Крымнаш», «Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань», «Скажи мне, чей Крым, и я скажу, кто ты»* и др.

В объем словника также вошли наиболее частотные в речи крымчан локализмы и урбанонимы, прежде всего иллюстрирующие номинации реалий Симферополя, Севастополя, Ялты, Евпатории, Феодосии, Керчи или номинации, связанные с типовыми действиями, с деятельностью организаций, с функциональным назначением объектов в пределах этих городов и т.п.: **Кубик** – разг. ‘площадь имени В. В. Куйбышева в г. Симферополе’, **Москва** – разг. ‘площадь имени Советской Конституции в Симферополе’, **Путинские дома** – ‘дома на пр. Октябрьской Революции в Севастополе, построенные для военнослужащих ЧФ РФ при курировании Президентом РФ В. В. Путиным’, **Сахара** – ‘поселок Сахарная головка в Большом Севастополе’, **поехать на мыс Хрустальный** – жарг. ‘в речи севастопольцев: сесть на гауптвахту’, **Хрюшка** – разг. ‘Хрюкинский рынок в Севастополе’ [16], **Морсад** – ‘Матросский парк – один из старейших городских парков в Феодосии, расположенный в центре города, рядом с морским портом’ и др.

С целью создания макроструктуры словаря в исследовании применяется метод *идеографического моделирования*, предполагающий выделение понятийных полей на

основе анализа содержательной стороны единиц словника. На основе предварительного анализа около 1,5 тыс. единиц (топонимов, антропонимов, этнонимов, мифонимов, регионализмов, локализмов, прецедентных имен и фраз) в одной из наших статей были выделены следующие предварительные тематические рубрики:

- 1) «ОЙКУМЕНА,
- 2) ЭТНОС,
- 3) ИНДИВИД,
- 4) СОЦИУМ.

Далее каждое из полей имеет свою тематическую структуру:

1.1. Населенные пункты, 1.2. Объекты инфраструктуры, 1.3. Достопримечательности, 1.4. Заповедные территории, 1.5. Военные объекты; 1.6. Краеведение;

2.1. Народы, 2.2. Языки, 2.3. Традиции, 2.4. Культура, 2.5. Верования, 2.6. Мифы;

3.1. Досуг, 3.2. Профессиональная деятельность, 3.3. Незаконные действия, 3.4. Персоналии;

4.1. Политика, 4.2. История общества, 4.3. Образование, 4.4. Наука, 4.5. Массмедиа» [4, с. 115].

На первом этапе классификации единиц данная общая схема была применена для формирования основных рубрик макроструктуры РЛСК. Например, единица «Массандра», толкуемая как ‘посёлок городского типа на южном берегу Крыма’ в данной идеографической системе получает следующий адрес: ОЙКУМЕНА – 1.1. Населенный пункт. Единица «самозахват» имеет адрес: ИНДИВИД – 3.3 Незаконные действия. Единица «Иван Константинович Айвазовский» имеет адрес: ИНДИВИД – 3.4. Персоналии. Примечательно, что синопсис может указывать на отнесенность единицы одновременно к нескольким рубрикам, что в прикладном отношении будет нести вспомогательную функцию при поиске необходимого номинанта.

Открытость моделирования обеспечивает возможность уточнения списка единиц, составляющих словник: тематические группы и подгруппы могут быть расширены, сужены или заново включены в другие микрополя.

Обратимся к иллюстрации принципа семантемы при формировании словарной статьи РЛСК.

‘Ситуация, возникшая после присоединения Крыма к России в 2014 г. и положительно оцениваемая со стороны тех или иных субъектов общественно-политического дискурса, а также само положительное отношение к данному историческому событию’ – **Крымнаш**, публ., общест.-политич., разг., неологизм; образован путём синтаксического словосложения от лозунга (предложения) «Крым наш!», тематические группы «Политика», «Общество», «Субъекты Российской Федерации». Иллюстр.: «– *Вы разошлись из-за событий на Украине? – Не только. Мы не договорились по ряду технологических моментов, еще до мировоззренческих конфликтов. «Крымнаш» просто закрепил идеологические отличия*» [3].

‘Пассажирская канатная дорога в Крыму, соединяющая плато Ай-Петри и Мисхор’ – **канатная дорога**, **Большая канатная дорога**, (разг.) **канатка**; тематические группы: «Транспорт», «Достопримечательности». Иллюстр.: «*Канатная дорога «Мисхор – Ай-Петри» занесена в Книгу рекордов Гиннеса. Общая протяжённость дороги составляет 2980 м, а уникальность заключается в использовании длинного безопорного пролёта (1670 м), высота подъёма над Южным берегом Крыма – 1153 м. Строительство велось 22 года и завершилось в 1988 г. Зимой канатная дорога – единственное средство сообщения с учреждениями, находящимися на Ай-Петринской яйле. Малая канатная дорога («Ялта – Горка») расположена в центре г. Ялты и сдана в эксплуатацию в 1967 г. Протяжённость пути – 600 м. Обе канатные дороги представляют собой достопримечательности Большой Ялты и популярное туристическое развлечение. Если Большая канатная дорога даёт обзор Южного берега Крыма с высоты птичьего полёта, то Малая открывает вид на узкие ялтинские дворики и панораму города*» [11, с. 255].

‘Дворцово-парковый ансамбль в Крыму, расположенный на берегу Чёрного моря в 12 км от Ялты’ – **Дюльбер**, *архитек., этнограф.*, тематические группы «Достопримечательности», «Культура», «Народы». Иллюстр.: «*Над главным входом сохраняется арабская вязь – строка из Корана: «Да благословит Аллах входящего», а над вторым корпусом, построенным в советское время, – стилизованная под*

арабскую вязь надпись из Конституции 1936 г.: «Граждане СССР имеют право на отдых». Парк имения представляет собой ботанический сад с редкими и ценными деревьями и растениями, скульптурами, беседками. Дюльбер является одной из главных достопримечательностей Южного берега Крыма и Большой Ялты, наряду с Ливадийским дворцом, также построенным Н. П. Красновым» [11, с. 252].

‘Культовые архитектурные сооружения караимов, представляющие собой молильные дома в Симферополе, Севастополе, Бахчисарае, Евпатории’ – **кенасса (кенаса)**, *архитек., этнограф.*, тематические группы «Достопримечательности», «Культура», «Народы». Иллюстр.: «Будучи в Евпатории, обязательно нужно посетить караимский храмовый комплекс Караимские кенасы, куда входят Большая (соборная) и Малая кенаса, окруженные небольшими двориками/садиками, главный из которых украшен резными плитами из белого итальянского мрамора. Здесь же растет виноградная лоза, старейшей из которых около 150 лет. В глубине двора можно полюбоваться обелиском императора Александра I» [7].

‘Региональная школа художников пейзажной живописи, сложившаяся в конце XIX – нач. XX в. в Крыму’ – **Киммерийская школа живописи**, *худож., этнограф.*, тематические группы «Культура», «Живопись», «Персоналии». Иллюстр.: «...региональная школа художников пейзажной живописи, сложившаяся в конце XIX – нач. XX в., которую составили художники, жившие и работавшие в Феодосии и Коктебеле (Л. Ф. Лагорио, Э. Я. Магдесян, М. П. Латри, А. И. Фесслер). Некоторые художники, посетившие Крым впервые, предпочли остаться здесь навсегда. В их картинах запечатлены тёплые краски южного моря, живописные мысы и бухты, своеобразный быт народов Крыма, эпизоды морских баталий. Основоположниками Киммерийской школы живописи стали И. К. Айвазовский, К. Богаевский и М. Кириенко-Волошин (см. Волошин М. А.). Киммерийскую школу живописи – гордость Крыма – называют серебряным веком русского искусства» [11, с. 257–258].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о культурологическом комментировании информации, передаваемой словными и сверхсловными номинациями. Культурологическое комментирование в словарных статьях имеет несколько функций: представляет типичный лексический контекст в использовании

номинативной единицы; лексикографическая иллюстрация; историографическая и культурологическая иллюстрация, дающая представление о толкуемой реалии; сфера использования единицы; психологическая значимость единицы для носителей крымского региолекта; классификационно-энциклопедическая функция для наиболее полного освещения терминологических сочетаний; иллюстрации, ориентированные на сферу туризма.

ВЫВОДЫ

1. Крымское языковое сознание в настоящее время переживает важнейший период саморефлексии, стимулирующий исследование особенностей картины мира русскоговорящих в условиях ненациональной республики и речевого поведения носителей русского языка в целом.
2. Инновационными оставляющими концепции РЛСК являются следующие принципы: междисциплинарность, функционально-семантический способ рассмотрения связи между понятием и средствами его реализации (в том числе расчлененность номинаций), регионализм, идеографический принцип моделирования понятийного континуума словаря, культурологическое комментирование.
3. РЛСК является одноязычным лингвокультурологическим лексикографическим произведением, репрезентирует национально маркированную лексику, а также культурно и исторически значимую для региона (например, прагматонимы, онимы, обозначающие реалии Крыма и зафиксированные в текстах СМИ и классической русской литературы), описывает единицы, обладающие культурно-психологической значимостью для носителей русского языка Крыма.
4. В микроструктуре РЛСК реализован активный лексикографический принцип: формула «от концепта к вербальным средствам его выражения. Именно региональная номинационная позиция обуславливает значимость единицы для региолекта. Единицей словаря может быть избрана *семантема* – единство языкового понятия и словесных средств его экспликации, т.е. лексикографическое описание лексики подчинено задачам использования 3-х языковых конструкторов:

языкового понятия, словной и сверхсловной номинации (слово, устойчивое словосочетание, термин, фамилия/имя/отчество, прецедентная единица, фраза) и позицией номинации (комплекс условий, которые обуславливают региональную специфику в использовании единицы и ее восприятие носителями русского языка в Крыму).

5. Объединение в одном словаре номинативных единиц крымского региолекта, средств выражения фактов культурно-исторической сферы и реалий новейшего времени – позволяет увидеть в топонимическом имени «Крым» сложную функциональную систему, реализующую адаптивные свойства русского языка.
6. Составление РЛСК имеет не только теоретическое значение для лингвистики, но и собственно историко-культурологическое: словарь способен предоставить информацию о Крыме как части Русского мира, т.е. познакомить всех желающих с историей, культурой и современными реалиями Крыма, воплощенными в русском языке.

Список литературы

1. Аналитический сборник по результатам мониторинга функционирования русского языка в г. Севастополе: сборник статей [Текст] / Сост. Ю. Ситько. – Севастополь : ОО САЭЛ, 2007. – 204 с.
2. Богданович, Г. Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии [Текст] / Г. Ю. Богданович. – Симферополь : Доля, 2003. – 397 с.
3. Голубева, А., Петров, Е. «Мы не ставим перед собой задачи адекватно оценить реальность» [Текст] / А. Голубева, Е. Петров // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.colta.ru/articles/media/3331> – (Дата обращения: 15.08.2018).
4. Забашта, Р. В. Крымский региональный вариант русского языка и моделирование его картины мира в макроструктуре лингвокультурологического словаря [Текст] / Р. В. Забашта // Кирилло-Мефодиевские чтения – лаборатория науки и творчества: сборник научных и творческих трудов молодых исследователей. – Часть I. – Симферополь, 2018. – С. 111–116.

5. Забашта, Р. В. Прецедентные феномены с компонентом значения 'Крым' как объект лексикографического описания [Текст] / Р. В. Забашта // Межкультурные коммуникации: русский язык в современном измерении: тезисы докладов участников международной научной конференции / отв. ред. Г. Ю. Богданович. – Симферополь : КФУ имени В. И. Вернадского, 2019. – С. 34–37.
6. Забашта, Р. В. Русская языковая картина мира и крымская языковая идентичность: геолингвистический аспект [Текст] / Р. В. Забашта // Современная картина мира: крымский контекст : коллект. моногр. Кн. 2 / Л. Ю. Андреева, В. П. Ачилова, Е. Л. Ачилова, Г. Ю. Богданович и др. ; [под ред. Г. Ю. Богданович]. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2018. – С. 57–75.
7. Караимские кенасы в Евпатории [Текст] // Путешествия по Крыму / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://po-krymu.ru/evpatoriya-karaimskie-kenasyi.html> – (Дата обращения: 10.09.2019).
8. Каширина, Е. С., Ситько, Ю. Л., Новикова, А. А., Сорокина, Е. И., Теплова, Л. И. Особенности лингвистического картографирования при описании функционирования русского языка на ограниченной территории (на примере Большого Севастополя) [Текст] / Е. С. Каширина, Ю. Л. Ситько и др. // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 4 (14). Вып. 3. 2018. – Севастополь, 2018. – С. 361–368.
9. Кобякова, Т. И. Учебный лингвокультурологический словарь «Концепты духовности русской языковой картины мира» как основа формирования концептосферы учащихся на уроках русского языка [Текст] / Т. И. Кобякова: Дис. ... кандидата педагогических наук; специальность 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (русский язык в школе и вузе) (по педагогическим наукам). – Уфа, 2006. – 196 с.
10. Крым. Поэтический атлас : справ. туриста и краеведа [Текст] / [сост. : А. Н. Рудяков, В. П. Казарин ; авт. вступ. ст. и справ. материалов А. Н. Рудяков]. – Симферополь : Таврия, 1989. – 208 с.
11. Лановая, Т. В. Функциональная модель лексикографического описания номинативных единиц с региональным компонентом значения 'Крым' [Текст] / Т.

- В. Лановая: Дис. ... кандидата филологических наук; специальность 10.02.01 – русский язык. – Симферополь, 2018. – 335 с.
12. Москаленко, Л. С. Наблюдения над лексическими особенностями русского языка Крыма [Текст] / Л. С. Москаленко // Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания «Диалектологической карты русского языка в Европе» : тезисы междунар. конф. – М. : Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2015. – С. 146–150.
13. Полуостров Крым от А до Я [Текст] : краткий энциклопедический словарь на рус. и укр. языках / Г. Ю. Богданович, И. Г. Балашова, Т. Ю. Новикова [и др.]. – Симферополь : ЧП «Предприятие Феникс», 2009. – 272 с.
14. Рудяков, А. Н. Георусистика: русский язык в глобальном мире [Текст] / А. Н. Рудяков. – М. : ЛЕКСПУС, 2016. – 320 с.
15. Рудяков, А. Н. Лингвистический функционализм и функциональная семантика [Текст] / А. Н. Рудяков. – Симферополь : Таврия-плюс, 1998. 224 с.
16. Сленговый словарь Севастополя [Текст] // СевПортал / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sevastopol.info/sleng/> – (Дата обращения: 10.09.2019).
17. Современная картина мира: крымский контекст : коллект. моногр. Кн. 1 [Текст] / Т. В. Аржанцева, Г. Ю. Богданович, С. С. Дикарева и др. ; [под ред. Г. Ю. Богданович]. Симферополь, 2017. – 382 с.
18. Современная картина мира: крымский контекст : коллект. моногр. Кн. 2 [Текст] / Л. Ю. Андреева, В. Н. Ачилова, Е. Л. Ачилова, Г. Ю. Богданович и др. ; [под ред. Г. Ю. Богданович]. – Симферополь : ИТ «Ариал», 2018. – 336 с.
19. Тарев, Б. В. Лингвокультурологический словарь как отражение диалога культур [Текст] / Б. В. Тарев // Функциональная лингвистика. Научный журнал. №5. – Симферополь, 2013. С. 393–396.
20. Торохова, Е. А. Региональный вариант русского литературного языка, функционирующий на территории Удмуртии (социолингвистический аспект) [Текст] / Е. А. Торохова: Автореферат дис. ... кандидата филологических наук; специальность 10.02.01 – русский язык. – Ижевск, 2005. – 25 с.

21. Яценко, Т. А. Хроноцентризм как ядерный признак крымского краеведческого дискурса [Текст] / Т. А. Яценко // Современная картина мира: крымский контекст : коллект. моногр. Кн. 2 / Л. Ю. Андреева, В. Н. Ачилова, Е. Л. Ачилова, Г. Ю. Богданович и др. ; [под ред. Г. Ю. Богданович]. – Симферополь : ИТ «Ариал», 2018. – С. 98–122.

References

1. *Analiticheskij Sbornik po Rezultatam Monitoringa Funkcionirovaniya Russkogo Jazyka v g. Sevastopole: Sbornik Statej* [Analytical Collection on the Results of Monitoring the Functioning of the Russian Language in Sevastopol]. OO SAJeL Publ., 2007. 204 p.
2. Bogdanovich, G. Ju. *Russkij Jazyk v Aspekte Problem Lingvokulturologii* [Russian Language in the Aspect of Cultural Linguistics Problems]. Simferopol: Dolja Publ., 2003. 397 p.
3. Golubeva, A., Petrov, E. *My ne Stavim pered Soboj Zadachi Adekvatno Ocenit Realnost* [We Do Not Set Ourselves the Task of Adequately Assessing the Reality]. Available at: <http://www.colta.ru/articles/media/3331> – (accessed: 15 August 2018).
4. Zabashta, R. V. *Krymskij Regionalnyj Variant Russkogo Jazyka i Modelirovanie Ego Kartiny Mira v Makrostrukture Lingvokulturologicheskogo Slovarja* [Crimean Regional Version of the Russian Language and Modeling of its World Picture in the Macrostructure of a Linguocultural Dictionary]. Kirillo-Mefodievskie Chtenija – Laboratorija Nauki i Tvorchestva: Sbornik Nauchnyh i Tvorcheskih Trudov Molodyh Issledovatelej. Part I. Simferopol, 2018. Pp. 111–116.
5. Zabashta, R. V. *Precedentnye Fenomeny s Komponentom Znachenija Krym kak Obyekt Leksikograficheskogo Opisanija* [Precedent Phenomena with a Meaning Component the Crimea as an Object of Lexicographic Description]. Mezhekulturnye Kommunikacii: Russkij Jazyk v Sovremennom Izmerenii: Tezisy Dokladov Uchastnikov Mezhdunarodnoj Nauchnoj Konferencii. Simferopol: Crimean Federal V. I. Vernadskij University, 2019. Pp. 34–37.
6. Zabashta, R. V. *Russkaja Jazykovaja Kartina Mira i Krymskaja Jazykovaja Identichnost: Geolingvisticheskij Aspekt* [Russian Linguistic World Picture and the

- Crimean Linguistic Identity: geolinguistic aspect]. *Sovremennaja Kartina Mira: Krymskij Kontekst: Kollekt. Monogr. Kn. 2. Simferopol: ARIAL Publ., 2018. Pp. 57–75.*
7. *Karaimskie Kenasy v Evpatorii* [Crimean Kenasses in Yevpatoriya]. Puteshestvija po Krymu. Available at: <https://po-krymu.ru/evpatoriya-karaimskie-kenasyi.html> – (accessed: 15 August 2019).
 8. Kashirina, E. S., Sitko, Ju. L., Novikova, A. A., Sorokina, E. I., Teplova, L. I. *Osobennosti Lingvisticheskogo Kartografirovanija pri Opisanii Funkcionirovanija Russkogo Jazyka na Ogranichennoj Territorii* (na Primere Bolshogo Sevastopolja) [Features of Linguistic Mapping in Describing the Functioning of the Russian Language in a Limited Territory (Greater Sevastopol as an Example)]. *Geopolitika i jekogeodinamika regionov*, Vol. 3. Sevastopol, 2018. Pp. 361–368.
 9. Kobjakova, T. I. *Uchebnyj Lingvokulturologičeskij Slovar Koncepty Duhovnosti Russkoj Jazykovej Kartiny Mira kak Osnova Formirovanija Konceptosfery Uchashhihsja na Urokah Russkogo Jazyka* [Educational Linguocultural Dictionary *Concepts of Spirituality of the Russian Language World Picture* as the Basis for the Formation of the Conceptual Sphere of Students in the Russian Language]. Ufa, 2006. 196 p.
 10. *Krym. Pojetičeskij Atlas: Sprav. Turista i Kraevedy* [The Crimea. Poetic Atlas. Simferopol: Tavrija Publ., 1989. 208 p.
 11. Lanovaja, T. V. *Funkcionalnaja Model Leksikograficheskogo Opisanija Nominativnyh Edinic s Regionalnym Komponentom Znachenija Krym* [Functional Model of the Lexicographic Description of Nominative Units with a *Crimea* Regional Component of the Meaning]. Simferopol, 2018. 335 p.
 12. Moskalenko, L. S. *Nabljudenija nad Leksichesкими Osobennostjami Russkogo Jazyka Kryma* [Observations on the Lexical Features of the Russian Language of the Crimea]. *Aktualnye problemy russkoj dialektologii*. Moscow: Institut russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova RAN, 2015. Pp. 146–150.

13. *Poluostrov Krym ot A do Ja* [The Crimea Peninsula from A to Z]: Kratkij Jenciklopedicheskij Slovar na Rus. i Ukr. Jazykah. Simferopol: Predprijatje Feniks Publ., 2009. 272 p.
14. Rudjakov, A. N. *Georusistika: Russkij Jazyk v Globalnom Mire* [Georusistika: Russian Language in a Globalized World]. Moscow: LEKSRUS Publ., 2016. 320 p.
15. Rudjakov, A. N. *Lingvisticheskij Funkcionalizm i Funkcionalnaja Semantika* [Linguistic Functionalism and Functional Semantics]. Simferopol: Tavrija-pljus Publ., 1998. 224 p.
16. *Slengovyj Slovar Sevastopolja* [Slang Dictionary of Sevastopol]. SevPortal. Available at: <http://www.sevastopol.info/sleng/> – (accessed: 15 August 2019).
17. *Sovremennaja Kartina Mira: Krymskij Kontekst: Kollekt. Monogr.* Vol. 1 [Modern World Picture: the Crimean Context]. Simferopol, 2017. 382 p.
18. *Sovremennaja Kartina Mira: Krymskij Kontekst: Kollekt. Monogr.* Vol. 2 [Modern World Picture: the Crimean Context]. Simferopol: Arial Publ., 2018. 336 p.
19. Tarev, B. V. *Lingvokulturologicheskij Slovar kak Otrazhenie Dialoga Kultur* [Linguoculturological Dictionary as a Reflection of the Dialogue of Cultures]. Funkcionalnaja Lingvistika. Nauchnyj Zhurnal, №5. Simferopol, 2013. Pp. 393–396.
20. Torohova, E. A. *Regionalnyj Variant Russkogo Literaturnogo Jazyka, Funkcionirujushhij na Territorii Udmurtii (Sociolingvisticheskij Aspekt)* [Regional Version of the Russian Literary Language Functioning on the Territory of Udmurtia (Sociolinguistic Aspect)]. Izhevsk, 2005. 25 p.
21. Jashhenko, T. A. *Hronocentrizm kak Jadernyj Priznak Krymskogo Kraevedcheskogo Diskursa* [Chronocentrism as a Nuclear Feature of Crimean Local History Discourse]. *Sovremennaja Kartina Mira: Krymskij Kontekst: Kollekt. Monogr.* Vol. 2 [Modern World Picture: the Crimean Context]. Simferopol: Arial Publ., 2018. Pp. 98–122.

**TRADITIONS AND INNOVATIONS IN THE CONCEPT
OF RUSSIAN LINGUOCULTURAL DICTIONARY OF THE CRIMEA**

Zabashta R. V.

Summary. The article is devoted to the characterization of the concept of the *Russian Linguocultural Dictionary of the Crimea* and the identification of an innovation component in its concept, which allows applying the ideas of linguistic local history to create a dictionary of a regional version of the modern Russian language. Materials give the characteristic of the functional-semantic approach, which reveals the features of the reflection of elements of the Russian world view in the linguistic component of the vocabulary of the Russian-speaking population of the Republic of the Crimea at the present stage.

The following principles are recognized as innovative principles of the concepts of the *Russian Linguocultural Dictionary of the Crimea*: interdisciplinarity, functional-semantic way of considering the relationship between a concept and means of its verbal implementation, regionalism, the ideographic principle of modeling the conceptual continuum of a dictionary, historical and cultural commentary.

The term “regional version of the language” is reviewed in the article, which author explains as a version of literary language, formed in the case of sufficient knowledge of the literary language by its native speakers in conditions of interacting with non-literary forms (dialect, vernacular) and with other languages in region.

The article describes the concept of the *Russian Linguistic and Cultural Dictionary of Crimea*, which assumes a special structure of the external and internal order: the macrostructure of the dictionary is formed by ideographic modeling of the conceptual continuum of nominative means of the dictionary, and the alphabetical auxiliary method, the microstructure of the dictionary is formed using semantization of the concept and cultural commentary.

The author of the article concludes that the dictionary is able to provide information about the Crimea as part of the Russian world, i.e. to acquaint everyone with the history, culture and modern realities of the Crimea, embodied in the Russian language.

Keywords: Russian language, regional version of the language, linguacultural dictionary, macro- and microstructure of the dictionary, russophonie, semanteme, cultural commentary, language situation in the Republic of the Crimea.

УДК 81'373.611

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ КОМПОЗИТОВ
С МОТИВИРУЮЩИМИ ЕДИНИЦАМИ
В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ**

Петров А. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: liza_nada@mail.ru

В статье исследуется характер лексико-семантической соотносительности композитов с мотивирующими единицами в словообразовательном макрогнезде с вершиной «ветер». Установлено, что основа «ветер» занимает в композитах преимущественно препозицию. Было сформировано макрогнездо, включающее в свой состав не только общеупотребительные сложения, но и диалектные, а также неолексемы, что способствовало формированию полного гнезда композитов. Введение в исследование макрогнезд способствует выяснению вопросов, связанных с закреплением тех или иных значений и форм композитов в литературном языке и в диалектах. В исследовании определено деривационное значение исходного слова гнезда, проанализировано варьирование его семной структуры в составе субстантивных и адъективных композитов, образованных на первой ступени производности, выявлено передвижение периферийных признаков в ядерную зону лексического значения и установлена их комбинация. Предложенная методика может быть использована при анализе семантической структуры различных словообразовательных гнезд и гнезд композитов в частности.

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, макрогнездо, гнездо композитов, типы сем, варьирование семной структуры, комбинация сем.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из проблем дериватологии является гнездование слов (А. Н. Тихонов), что непосредственно связано с исследованием семантической структуры словообразовательного гнезда (И. А. Ширшов, Н. А. Ярошенко), построением макрогнезд (Л. П. Борисова), прогнозированием развития гнезд (М. Ю. Казак), составлением гнездовых словарей (Є. А. Карпіловська, А. В. Петров, И. А. Ширшов). К малоисследованным относятся вопросы формальной и семантической производности слов, упорядочения семантики производных, освоение значений производных в гнезде, состав и строение гнезд определенных тематических и лексико-семантических групп (Т. И. Плужникова), комплексных единиц

словообразования (И. Е. Евсеева). Не разработаны также проблемы гнездования сложных слов (Е. Л. Гинзбург, Н. Ф. Клименко, И. А. Ширшов).

Связь лексических значений композитов с отображаемой внеязыковой действительностью опосредуется различными типами словосочетаний или других синтаксических конструкций, а также взаимодействием отдельных лексем (Р. Ф. Газизова, Т. Г. Кикинежди, Е. С. Кубрякова). Компоненты сложного слова наследуют категориальные и лексические значения мотивирующих единиц. На уровне мотиваторов происходит взаимодействие семных структур соответственно главного и зависимого компонентов синтагмы; проявляется закон семантического согласования. Под влиянием одного мотивирующего компонента варьируется семная структура другого, в последнем происходит перегруппировка сем, изменение их удельного веса, например, по признаку «ядро – периферия». Результат этого процесса отражается в семантике композита. Особенно наглядно семное варьирование наблюдается при анализе сложных дериватов, сгруппированных в словообразовательные гнезда в соответствии с первым компонентом. В лингвистике семная комбинаторика исследовалась без учета морфемной структуры слова (И. А. Стернин), а в дериватологии варьирование сем становилось предметом анализа на материале простых по структуре производных (Т. И. Плужникова).

Актуальность темы обусловлена необходимостью теоретического осмысления проблемы создания гнездового толково-словообразовательного словаря композитов русского языка, включающего узусные и диалектные производные, а также неолексемы.

Новизна исследования заключается в том, что впервые в дериватологии построено и прокомментировано макрогнездо композитов с компонентом «ветер».

Цель статьи – определить характер лексико-семантической соотносительности композитов с мотивирующими единицами в словообразовательном макрогнезде с вершиной «ветер». Поставленная цель определила следующие *задачи исследования*: 1) установить границы макрогнезда с опорой на различные лексикографические издания; 2) выявить деривационно активные значения вершины гнезда для производных различных частей речи; 3) построить иерархию сем вершинного слова;

4) пронаблюдать актуализацию различных типов сем вершины «ветер» в композитах субстантивного и адъективного блоков.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Состав композитов в словообразовательном гнезде. При построении макрогнезда композитов с вершиной «ветер» учитывались следующие лексикографические издания: «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова, Словарь В. И. Даля, «Словарь русского языка XI–XVII вв.», «Словарь русского языка XVIII века», «Словарь русских народных говоров» и др. Обращение к диалектному материалу позволило заполнить некоторые пустые клетки в гнезде с вершиной «ветер» литературного языка. Состав гнезда пополнился и за счёт выборки из неологических словарей, что способствовало созданию максимально полного словообразовательного гнезда композитов.

Характеристика вершины гнезда. Исходное слово – вершина гнезда – является обязательной ступенью словообразования. Вершинное слово «ветер» исследуемого гнезда относится к нечленимым единицам. Анализ лексикографических источников выявил разночтения в подаче семантической структуры лексемы. Как однозначная квалифицируется лексическая единица в «Словаре русского языка» под ред. А. П. Евгеньевой, «Новом словаре русского языка. Толково-словообразовательном» Т. Ф. Ефремовой. В «Словаре современного русского языка» в первом издании (БАС-1) выделены оттенок значения и два лексико-семантических варианта (далее – ЛСВ), второй из которых имеет помету мед. (медицинское) и употребляется в форме мн. числа [24, с. 243]. Другие словари это значение не выделяют, хотя на базе него образуется адъективное производное «ветрогонный» – ‘способствующий отхождению газов, скапливающихся в желудочно-кишечном тракте’ (*ветрогонные средства*). Далее. Во втором издании «Словаря современного русского языка» (БАС-2) в качестве самостоятельного значения выделяется переносное, характеризующее легкомысленного человека и его несерьезное отношение к делу, к своим обязанностям. Эта образная характеристика человека была закреплена еще в Словаре В. Даля в виде самостоятельного значения ‘непостоянный, непоседный, ненадежный,

опрометчивый', толкование которого сопровождается синонимическим рядом – 'ветрогон, ветреный, скорохват' [16, т. 1, с. 334]. О необходимости включения этого ЛСВ в современные толковые словари свидетельствует в русском языке существование производных слов образного характера, относящихся к различным частям речи: *ветреник, ветреный, ветреничать, ветрогон*. И. А. Ширшов в «Толковом словообразовательном словаре русского языка» предложил новую интерпретацию словообразовательных отношений композита «ветрогон», связав его с фразеологизмом «ветер в голове у *кого*» 'о легкомысленном, несерьезном человеке'. Однако производное «ветреный» в значении 'легкомысленный' лексикограф не связывает с названным фразеологизмом [26, с. 159]. Таким образом, учитывая все вышесказанное, принимаем точку зрения составителей БАС-2, выделивших у слова «ветер» три ЛСВ, с оговоркой, что второй ЛСВ имеет отфраземную природу:

1. Движение потока воздуха как природного явления в горизонтальном направлении.
2. Обычно ед. Перен. Разг. О легкомысленном, ветреном человеке (*в функции сказуемого*).
3. Только мн. Устар. Скопление газов в кишечнике и выделение их [25, т. 2, с. 157].

Толкование первого ЛСВ мы дополнили семантическим признаком 'природное явление', поскольку в производных словах «ветрогон» 'вращательный снаряд с лопастями для создания воздушной среды' и «ветродуй» 'вентилятор' актуализируются денотативные семы 'искусственное создание воздушной массы'.

Деривационно активные ЛСВ вершины. В образовании композитов участвует первый и третий ЛСВ вершинного слова. В то же время словообразовательный потенциал их неодинаков: продуктивным является лишь первое значение. Крайне низкая деривационная активность третьего ЛСВ (с опорой на который образовано только одно производное) обусловлена не только его конструктивной и функциональной закреплённостью, но и специализацией, ограничивающей возможные эпидигматические связи. Эта особенность ЛСВ прямо или косвенно повлияла и на результат деривации – появление адъективного производного «ветрогонный» со связанной сочетаемостью (*ветрогонные средства, препараты; ветрогонный сбор*). Третье значение также передавали производные

«ветрогонительный» и «ветротворный», зафиксированные в «Словаре русского языка XVIII в.» [23, с. 82–84].

На базе второго ЛСВ произведен субстантивный композит «ветрогон» (прост.), имеющий словообразовательные пары: ветрогон – ветрогонка, ветрогон – ветрогонный. Актуализация второго ЛСВ наблюдается при образовании композитов с образным значением в диалектном языке: *ветродуй, ветролет – ветролетка, ветромах – ветромашка, ветропрах, ветрохват ветропляс, ветрохвост, ветроумный* ‘ветренный, легкомысленный’.

В. Даль зафиксировал также сложные имена, которые развивают значение ‘пустобай, пустомеля’, не свойственное ни вершине гнезда «ветер», ни его производным в нормированном языке: *ветроплет – ветроплетка, ветроплюй – ветроплюйка, ветросвист*. В этом же значении приводятся лексемы *ветрополошка* в «Словаре русских народных говоров» [21, с. 204] и «ветроязычный» в «Словаре русского языка XVIII в.» [23, с. 125]. С другим образным значением с пометой един. (единичный) в «Словаре русского языка XVIII в.» отмечен композит «ветро-ногий» («ветро-ногие кони») [23, с. 82].

Среди новообразований в современном русском языке мы обнаружили лексемы *ветрокруть* (Ю. Чиж), *ветросос* (М. Веселовская) и *ветрогонистый* (В. Рудаков). В публицистической статье «От Абая до Бабая» в окказиональном значении употреблено слово «ветрогон» ‘протестующий нарушитель административного кодекса’, от которого автор статьи образует и окказиональные производные *ветрогонить, по-ветрогонски, ветрогонство* (<http://nk-tv.com/9019.html>. Дата вхождения 30.11.19).

Комбинаторика основы «ветер». Как правило, основа «ветер» занимает в композитах препозицию. Нарушение этой закономерности наблюдается в субстантивах *микроветряк, мини-ветряк*; в адъективах *микроветровой, водоветровой, световетровой, гелиоветровой*. Отмечен единичный случай интерпозиции основы: *мини-ветрогенератор*, хотя в лексических единицах с висячим дефисом интерпозиция основы «ветер» является обычным явлением:

ветро-, влаго-, паро-гидроизоляция (для кровли); *ветропароизоляция, паро-ветро-гидроизоляция; ветровлагозащита, ветропарозащита, идроветроогнезащита, гидро-, ветро- и огнезащита; паро-ветро-гидроизоляционный, тепло- и ветроэлектрический.*

Единичными в гнезде являются составные слова с пре- и постпозицией компонента «ветер»: *ветер-рыба* (другое название – песчанка), *ветры-тиховики, ветер-листобой, ветры-ветрогоны, Мироны-ветрогоны* и *нечуй-ветер* (название закреплено в разных областях за разными растениями), *человек-ветер* (В. Даль).

Культурологическая информация. В народном календаре значится имя собственное «Ветрогон» – так на Руси называли святителя Мирона Критского, поскольку в его праздник, в августе, часто дуют сильные ветры. Они меняют направление, закручивают вихри из пыли, веточек и листиков, которые в народе так и называли «Мироны-ветрогоны»: «*Мироны-ветрогоны* пыль по дороге гонят, по красну лету стонут», «*Ветры-ветрогоны* пыль погнали по белу свету, зарыдали по красну лету». В этот день предсказывали погоду, которая будет в январе, а также делали прогнозы на осень: если спокойные *ветры-тиховики*, то осень обещает быть теплой (<http://ruspekh.ru/holidays/miron-...> Дата вхождения 30.11.19).

К. В. Першина обратила внимание на тот факт, что в народном календаре специально выделяются и обозначаются в виде онимов дни, когда обычно бывает ветер, а также закрепляются приметы, связанные с этим погодным явлением, ср.: *Федул-ветряник* (18 апреля), *Лукьян-ветреник* (16 июня), *Михей-тиховей* (27 августа) [10, с. 454].

Иерархия сем вершинного слова. Композиты группируются вокруг первого ЛСВ вершинного слова, в структуре которого выделены следующие ядерные и периферийные денотативные семы (Л. А. Кудрявцева, И. А. Стернин). К ядерным, то есть отраженным в словарном толковании, относятся семы ‘природное явление’ (ЯД1), ‘поток воздуха’ (ЯД2), ‘направление движения (горизонтальное)’ (ЯД3), в состав периферийных, не представленных в словарной дефиниции, но связанных с ядерными, входят – ‘направление сторон света’ (ПД1), ‘длительность движения’

(ПД2), 'интенсивность движения' (ПД3), 'конструктивная направленность' (ПД4), 'деструктивная направленность' (ПД5), 'звук' (ПД6), 'источник холода' (ПД7). Семы находятся в иерархической зависимости, предопределяющей соподчинённость компонентов: сема ПД3, например, предполагает существование сем ПД4, ПД5, ПД6, ПД7. Семантическую структуру вершины «ветер» представим в таблице:

Семы	Ядерные	Периферийные
'природное явление'	ЯД1	
'поток воздуха'	ЯД2	
'направление движения'	ЯД3	
'направление сторон света'		ПД1
'длительность движения'		ПД2
'интенсивность движения'		ПД3
'конструктивная направленность'		ПД4
'деструктивная направленность'		ПД5
'звук'		ПД6
'источник холода'		ПД7

В мотивирующих единицах, включающих имя существительное «ветер», происходит актуализация разных по типу сем. В результате взаимодействия составных элементов мотиваторов происходит перегруппировка семантических признаков вершины «ветер». В результате чего в исходном слове гнезда актуализируются не только ядерные семы (или часть их, как в деривате «ветрогон»), но и некоторые периферийные, набор которых варьируется в конкретных композитах. Таким образом, можно наблюдать передвижение периферийных признаков в ядерную зону лексического значения и их комбинацию.

Прокомментируем семную комбинаторику вершинного слова «ветер» в *субстантивном блоке композитов, образованных на первой ступени производности:*

1) актуализация ядерных сем и периферийной семы 'направление сторон света' (ЯД1, ЯД2, ЯД3, ПД1): **ветроуказатель** 'указатель направления ветра', ветроуказатель ← указатель 'прибор, показывающий что-л.' ветра; **ветрочет** 'прибор

для определения направления ветра, углов скосов и скорости движения самолёта», ветрочёт ← учитывать направление ветра;

II) актуализация ядерных сем и периферийной семы 'интенсивность движения' (ЯД1, ЯД2, ЯД3, ПД3): **ветромер** 'прибор для измерения силы ветра'; ветромер ← измерять силу ветра, а также «ветрометр» и «ветропоказатель», выделенные в «Словаре русского языка XVIII в.»; **радиоветромер** 'прибор для измерения силы ветра с помощью радиоманнитных волн', радиоветромер ← измерять с помощью радио силу ветра; **ветроход** 'вентиляционное отверстие в стене градирни', ветроход ← ход 'отверстие' для ветра;

III) актуализация ядерных сем и периферийных сем 'интенсивность движения', 'конструктивная направленность' (ЯД1, ЯД2, ЯД3, ПД3, ПД4): **ветродвигатель** 'двигатель, приводимый в движение силой ветра', ветродвигатель ← двигатель + ветер; **ветромельница** 'мельница, приводимая в движение силой ветра', ветромельница ← мельница + ветер; **ветропарк** 'ветряная электростанция', ветропарк ← парк + ветер; **ветроопыление** 'опыление ветром', ветроопыление ← опыление ветром; **ветростанция** 'учреждение, управляющее производством, использующим силу ветра', ветростанция ← станция + ветер; **ветротехника** 'техника, приводимая в действие энергией ветра', ветротехника ← техника + ветер; **ветроэнергетика** 'отрасль энергетики, связанная с разработкой методов и средств для преобразования энергии ветра в другие виды энергии', ветроэнергетика ← энергетика + ветер; **ветроагрегат** 'агрегат, приводимый в действие энергией ветра', ветроагрегат ← агрегат + ветер; **ветроустановка** 'устройство для преобразования кинетической энергии ветра в электрическую, механическую или тепловую энергию', ветроустановка ← установка + ветер; аналогично *ветротурбина*.

Отмеченная комбинаторика сем проявляется во многокомпонентных композитах *ветроводоподъемник, ветроэлектрогенератор, ветроэлектростанция*. В лексемах *ветрогон* и *ветродуй* наблюдается нейтрализация ядерной денотативной семы 'природное явление' (ЯД2, ЯД3, ПД3, ПД4), что подчеркивается мотивирующим словосочетанием с предикатом-каузатором: *ветрогон* ← гнать ветер, *ветродуй* ← дуть + ветер;

IV) актуализация актуализация ядерных сем и периферийных сем 'интенсивность движения', 'деструктивная направленность' и 'звук' (ЯД1, ЯД2, ЯД3, ПД3, ПД5, ПД6): *ветровал* 1 'сильный ветер, буря, сваливающая деревья', *ветровал* ← валит ветер; *ветролом* 1 'сильный ветер, буря, сваливающая деревья', **ветролом** 1 ← ломает ветер (ЯД1, ЯД2, ЯД3, ПД3, ПД5, ПД6). Предикаты «валить», «ломать» в составе мотивирующих единиц имеют деструктивную семантику, под их влиянием в субстантиве «ветер» актуализируются семы 'сильное движение воздуха', 'деструктивная направленность' и появляются в композитах вторичные ЛСВ с деструктивным результатом действия. В семантической структуре производного «ветробой» на первое место выдвигается не сема 'источник деструктивной направленности' (сильный ветер), а деструктивный результат – 'сломанные, сбитые ветром сучья деревьев, недозревшие плоды'. В данном случае не актуализируется периферийная денотативная сема 'звук' (ЯД1, ЯД2, ЯД3, ПД3, ПД5): *ветробой* 1 'сломанные, сбитые ветром, бурей и упавшие на землю сучья деревьев; бурелом', *ветробой* 1 ← бьёт ветер; аналогично в композите *ветроломина* 'сломанное ветром дерево', **ветроломина** ← ломает ветер;

V) актуализация ядерных сем и периферийных сем 'интенсивность движения' и 'деструктивная направленность' (ЯД1, ЯД2, ЯД3, ПД3, ПД5): *ветрощель* 'щель, образуемая ветром', *ветрощель* ← щель от ветра; *ветромять* 'щель в бревне', *ветромять* ← мнет ветер; *ветроизоляция* (строений) 'защитная

уплотненная мембрана, которая препятствует попаданию влаги и выветриванию минеральной ваты и прочих утеплительных материалов’, ветроизоляция ← изоляция от ветра; ветрозащита (фасадов) ‘защита от ветра’, ветрозащита ← защита от ветра; *ветробарьер* ‘подкровельная мембрана, которая служит одновременно шумоизоляцией, утеплителем, гидро- и ветроизоляцией’, **ветробарьер** ← **барьер ветру**;

VI) актуализация ядерных сем и периферийных сем ‘длительность движения», «интенсивность движения» и ‘звука’ (ЯД1, ЯД2, ЯД3, ПД2, ПД3, ПД6): *ветрогон* ‘очень сильный ветер’, **ветрогон** ← гонит ветер; *ветрозим* ‘месяц декабрь’, ветрозим ← зима с ветром; *ветродурь* ‘сильная вьюга’, ветродурь ← дурит ветер; *ветросвист* ‘сильный ветер’, ветросвист ← свистит ветер. Аналогично в неоконформе ветроворот ‘смерч, буря’.

В Словаре В. Даля отмечены сложения *ветрожог*, *ветрожиг*, *ветрогар* в значении ‘загар’. В современной прозе зафиксировано употребление композита *ветрожог* в образных значениях: «Те же иностранцы, кто втягивались как наши секретные сообщники (близкие “невидимки”), уже воспринимались нами как обданные русским **ветрожогом**, такие же непременно стойкие и такие же непременно верные» (А. Солженицын); «...температура даже днём приседала за сорок, да ещё с **ветрожогом**, похожим на пьяного разбойника с ножом, безнаказанно гуляющего по степи, по озеру, зимой не замерзающего по причине плотности горько-солёной воды» (<http://chitalnya.ru/work/2612726>. Дата вхождения 30.11.19).

Прокомментируем семную комбинаторику вершинного слова «**ветер**» в **адъективном** блоке композитов, образованных на первой ступени производности:

I) актуализация ядерных сем: *маловетренный* (ЯД1, ЯД2, ЯД3);

II) актуализация ядерных сем и периферийной семы ‘конструктивная направленность’ (ЯД1, ЯД2, ЯД3, ПД4): *ветроопыляемый* ‘опыляемый ветром’ (**ветроопыляемые растения**), ветроопыляемый ← опыляемый ветром;

ветровялый ‘провесной, вялый’ (*ветровая рыба*), ветровялый ← вялить на ветру; аналогично **ветровяленный**;

III) **актуализация ядерных сем и периферийной семы ‘интенсивность движения’** (ЯД1, ЯД2, ЯД3, ПД3): **ветроносный** ‘сыпучий, перекаточный’ (*ветроносные пески*), ветроносный ← несет ветер; **ветропесчаный** ‘несущий твердые минеральные частицы диаметром от 0,05 до 2 мм в зависимости от скорости ветра’ (*ветропесчаный поток*), ветропесчаный ← ветер с песком;

IV) **актуализация ядерных сем и периферийных сем ‘длительность движения’, ‘интенсивность движения’ и ‘конструктивная направленность’** (ЯД1, ЯД2, ЯД3, ПД2, ПД3, ПД4): **ветроводородный** ‘вырабатывающий водород для ТЭЦ при помощи ветра’ (*ветроводородная установка*), ветроводородный ← водород + ветер; **ветросиловой** ‘действующий силой ветра, использующий силу ветра’ (*ветросиловая установка*), ветросиловой ← сила ветра; **ветроходный** ‘имеющий ветровой двигатель’ (*ветроходное судно*), ветроходный ← ходить при помощи ветра; аналогично **ветро-солнечный** ‘использующий энергию ветра и солнечное излучение’ (*ветро-солнечная установка*), ветро-солнечный ← ветер и солнце; аналогично **ветродизельный, ветроэлектрический, ветроэлектронасосный, ветроводоподъемный**;

V) **актуализация ядерных сем и периферийных сем ‘интенсивность движения’ и ‘деструктивная направленность’** (ЯД1, ЯД2, ЯД3, ПД3, ПД5): **ветроударный** ‘подверженный усиленному напору ветра’ (*ветроударные склоны гор*), ветроударный ← ударяет ветер; **ветроломный** ‘предназначенный для защиты полей, садов от ветра и суховеев’ (*ветроломные лесополосы*), ветроломный ← ломать ветер; ветроломкий ‘хрупкий’ (*ветлоломкая ива*), ветроломкий ← ломает ветер; **ветротленный** ‘разрушаемый влиянием стихий, бранный, гниющий’, ветротленный ← тлеть + ветер;

VI) **актуализация ядерных сем и периферийных сем** ‘длительность движения’, ‘интенсивность движения’ и ‘деструктивная направленность’ (ЯД1, ЯД2, ЯД3, ПД2, ПД3, ПД5): **ветроустойчивый** (ветроустойчивые породы деревьев), ветроустойчивый ← устойчивый к ветру; аналогично **ветроупорный** (ветроупорные лесонасаждения);

VII) **актуализация ядерных сем и периферийных сем** ‘интенсивность движения’, ‘деструктивная направленность’ и ‘источник холода’ (ЯД1, ЯД2, ЯД3, ПД3, ПД5, ПД7): **ветрозащитный** ‘защищающий от ветра’ (ветрозащитные посадки, ветрозащитные шторы), ветрозащитный ← защищать от ветра; **ветронепроницаемый** ‘непроницаемый для ветра’ (ветронепроницаемый плащ), ветронепроницаемый ← непроницаемый для ветра. В образных композитах происходит модификация и перегруппировка сем препозитивного компонента, ср.: **ветроноженький** ‘резвый, быстроногий’ [21, с. 204] – ‘одушевленность’, ‘лицо’, ‘быстрота’ и ‘положительная оценка’.

ВЫВОДЫ

В результате исследования мы пришли к следующему.

1. При образовании композитов различные ЛСВ вершинного слова «ветер» проявляют неодинаковую деривационную активность.
2. Композит наследует семантические изменения, которые наблюдаются на уровне производящих единиц.
3. Варьирование семной структуры вершины «ветер» в производных определяется частеречной принадлежностью сложений. В *субстантивных* композитах актуализируется периферийная сема ‘интенсивность движения’, которая комбинируется со следующими семами: ‘конструктивная направленность’, ‘деструктивная направленность’ и ‘звук’, ‘деструктивная направленность’, ‘длительность движения’ и ‘звук’. Эта же сема переходит в ядерную и в *адъективных*

композиатах, но комбинируется с другими семами: 'длительность движения' и 'конструктивная направленность'; 'деструктивная направленность'; 'длительность движения' и 'деструктивная направленность'; 'деструктивная направленность' и 'источник холода'. В отличие от субстантивных композитов в адъективных не актуализируется сема 'звук'.

Список литературы

1. Борисова, Л. П. Развитие словообразовательных гнезд с синонимичными исходными словами (на материале гнезд с вершинами пить и кормить) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» [Текст] / Л. П. Борисова. – Киев, 1990. – 19 с.
2. Газизова, Р. Ф. Сложные слова и исходные словосочетания с глагольным компонентом в русском и сербохорватском языках : монография [Текст] / Р. Ф. Газизова. – Саратов, 1989. – 173 с.
3. Гинзбург, Е. Л. Словообразование и синтаксис : монография [Текст] / Е. Л. Гинзбург. – М. : Наука, 1979. – 264 с.
4. Евсеева, И. В. Комплексные единицы русского словообразования : Когнитивный подход : монография [Текст] / И. В. Евсеева. – М., 2012. – 312 с.
5. Казак, М. Ю. Интегративная теория словообразовательного гнезда: граммат. моделирование, квантитатив. аспекты, потенциал, прогнозирование : монография [Текст] / М. Ю. Казак. – Белгород, 2004. – 298 с.
6. Кикинежди, Т. Г. О лексико-семантической соотносительности сложных существительных с мотивирующими словосочетаниями [Текст] / Т. Г. Кикинежди // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1991. – Ч. II. – С. 72–75.
7. Клименко, Н. Ф. Складні слова та проблема їх гніздування [Текст] / Н. Ф. Клименко // Українське мовознавство. – Київ, 1981. – Вип. 10. – С. 66–72.
8. Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова : монография [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 200 с.

9. Кудрявцева, Л. А. Моделирование динамики словарного состава языка : монография [Текст] / Л. А. Кудрявцева. – Киев, 1993. – 280 с.
10. Першина, К. В. Номинационный потенциал лексемы ветер в русском языке [Текст] / К. В. Першина // И слово Ваше отзовется / Гуманитарный центр «Азбука». – Киев : Издательский дом Дмитрия Бураго, 2012. – С. 453–460.
11. Плужникова, Т. И. Типология комплексных единиц словообразования: прогнозирующая функция : монография / Т. И. Плужникова. – Киев, 2002. – 256 с.
12. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи : монография [Текст] / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во ВГУ, 1985. – 170 с.
13. Тихонов, А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка : курс лекций [Текст] / А. Н. Тихонов. – Самарканд, 1971. – 388 с.
14. Ширшов, И. А. Теоретические проблемы гнездования : монография [Текст] / И. А. Ширшов. – М. : Прометей, 1999. – 236.
15. Ярошенко Н. А. Типы лексико-семантических отношений между компонентами словообразовательных гнезд (сопоставительный аспект) [Текст] / Н. А. Ярошенко // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. – Симферополь, 2013. – Т. 26 (65). – № 4. Ч. 1. – С. 224–229.

Словари

16. Даль, Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 1 [Текст] / Владимир Даль. – М. : ТЕРРА, 1995. – 701 с.
17. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2-х т. – 2-е изд., стереотип. – Т. 1 [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2001. – 1232 с.
18. Карпіловська, Є. А. Кореневий гніздовий словник української мови: Гнізда слів з вершинами – омографічними коренями [Текст]. – Київ, 2002. – 912 с.
19. Петров, А. В. Гнездовой толково-словообразовательный словарь композитов [Текст] / А. В. Петров. – Симферополь, 2003. – 286 с.

20. Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). – Вып. 1 (А –З) [Текст]. – Пермь, 1984. – 399 с.
21. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–23), Ф. П. Сороколетов (вып. 24–36). – Вып. 4 [Текст]. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 356 с.
22. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 2 [Текст]. – М. : Наука, 1975. – 320 с.
23. Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 3 [Текст]. – Л. : Наука. Ленингр. отделение, 1987. – 296 с.
24. Словарь современного русского литературного языка : в 17-ти т. [Текст]. – М.–Л. : Академия наук СССР, 1950–1965. – Т. 2. – 1393 с.
25. Словарь современного русского литературного языка: в 20-ти т. – Т. 2 [Текст]. – М. : Рус. яз., 1991. – 960 с.
26. Ширшов, И. А. Толковый словообразовательный словарь русского языка [Текст] / И. А. Ширшов. – М., 2004. – 1022 с.

References

1. Borisova, L. P. *Razvitie Slovoobrazovatelnyih Gnezd s Sinonimichnymi Ishodnymi Slovami (Na Materiale Gnezd s Vershinami Pit i Kormit)* [Development of Word-Forming Nests with Synonymous Initial Words (on the Material of Nests with Vertices to Drink and Feed)]. Kiev, 1990. 19 p.
2. Gazizova, R. F. *Slozhnyie Slova i Ishodnyie Slovosochetaniya s Glagolnyim Komponentom v Russkom i Serbohrvatskom Yazykah: Monografiya* [Complex Words and Initial Word Combinations with a Verbal Component in the Russian and Serbo-Croatian Languages: Monograph]. Saratov, 1989. 173 p.
3. Ginzburg, E. L. *Slovoobrazovanie i Sintaksis: Monografiya* [Word-Formation and Syntax : the Monograph]. Moscow: Nauka Publ., 1979. 264 p.
4. Evseeva, I. V. *Kompleksnyie Edinitsyi Russkogoslovoobrazovaniya: Kognitivnyiy Podhod: Monografiya* [Complex Units of Russian Word Formation: Cognitive Approach: Monograph]. Moscow, 2012. 312 p.

5. Kazak, M. Yu. *Integrativnaya Teoriya Slovoobrazovatel'nogo Gnezda: Grammat. Modelirovanie, Kvantitativ. Aspekty, Potentsial, Prognozirovanie: Monografiya* [Integrative Theory of Word-Formation Nest: Grammat. Modeling, Quantitative. Aspects, Potential, Forecasting: Monograph]. Belgorod, 2004. 298 p.
6. Kikinezhdi, T. G. O *Leksiko-Semanticheskoy Sootnositelnosti Slozhnykh Suschestvitel'nykh s Motiviruyuschimi Slovosochetaniyami* [On Lexico-Semantic Correlation of Complex Nouns with Motivating Phrases]. Samarkand, 1991. Pp. 72–75.
7. Klimenko, N. F. *Skladni Slova ta Problema yih Gnizduvannya* [Complex Words and the Problem of their Nesting]. Kiev, 1981. Pp. 66–72.
8. Kubryakova, E. S. *Tipyi Yazykovykh Znacheniy. Semantika Proizvodnogo Slova* [Types of Language Values. Semantics of the Derived Word]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 200 p.
9. Kudryavtseva, L. A. *Modelirovanie Dinamiki Slovarnogo Sostava Yazyka: Monografiya* [Modeling the Dynamics of Language Vocabulary: Monograph]. Kiev, 1993. 280 p.
10. Pershina K. V. *Nominatsionnyy Potentsial Leksemy Veter v Russkom Yazyke* [Nominational Potential of the Wind Lexeme in the Russian Language]. Kiev: Izdatelskiy dom Dmitriya Burago Publ., 2012. Pp. 453–460.
11. Pluzhnikova, T. I. *Tipologiya Kompleksnykh Edinit Slovoobrazovaniya: Prognoziruyushchaya Funktsiya: Monografiya* [Typology of Complex Units of Word Formation: Predictive Function: Monograph]. Kiev, 2002. 256 p.
12. Sternin, I. A. *Leksicheskoe Znachenie Slova v Rechi: Monografiya* [Lexical Meaning of the Word in Speech: Monograph]. Voronezh: VGU Publ., 1985. 170 p.
13. Tihonov, A. N. *Problemy Sostavleniya Gnezdovogo Slovoobrazovatel'nogo Slovary Sovremennogo Russkogo Yazyka: Kurs Lektsiy* [Problems of Compiling a Nest Word-Forming Dictionary of the Modern Russian Language: a Course of Lectures]. Samarkand, 1971. 388 p.
14. Shirshov, I. A. *Teoreticheskie Problemy Gnezdovaniya: Monografiya* [Theoretical Problems of Breeding: a Monograph]. Moscow: Prometey Publ., 1999. 236 p.

15. Yaroshenko N. A. *Tipy Leksiko-Semanticheskikh Otnosheniy Mezhdru Komponentami Slovoobrazovatelnyih Gnezd (Sopostavitelnyiy Aspekt)* [Types of Lexico-Semantic Relations Between Components of Word-Forming Nests (Comparative Aspect)]. Simferopol, 2013. Pp. 224–229.

Dictionaries

16. Dal, Vladimir. *Tolkovyy Slovar Zhivogo Velikorusskogo Yazyika: v 4 t. – T. 1* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 Vols. - Vol. 1]. Moscow: TERRA Publ., 1995. 701 p.
17. Efremova, T. F. *Novyy Slovar Russkogo Yazyika. Tolkovo-Slovoobrazovatelnyiy: v 2-h t. – 2-e izd., stereotip. – T. 1* [New Dictionary of the Russian Language. Explanatory-Word-Formation: in 2 vols. - 2nd ed., Stereotype]. Moscow: Rus. yaz. Publ., 2001. 1232 p.
18. Karpilovska, E. A. *Koreneviy Gnizdoviy Slovník Ukrayinskoyi Movi: Gnizda Sliv z Vershinami – Omografichnimi Korenyami* [The Root of a Nested Dictionary of the Ukrainian Language: the Nest of Words with Vertices-Homograph Roots]. Kiev, 2002. 912 p.
19. Petrov, A. V. *Gnezdovoy Tolkovo-Slovoobrazovatelnyiy Slovar Kompozitov* [Breeding Sensible-Word-Formation Dictionary of Composites]. Simferopol, 2003. 286 p.
20. *Slovar Govora d. Akchim Krasnovisherskogo Rayona Permskoy Oblasti (Akchimskiy Slovar)* [Dictionary of Dialect D. Akchim Krasnovishersky District of Perm Region (Akchim Dictionary)]. Perm, 1984. 399 p.
21. *Slovar Russkih Narodnyih Govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Leningrad: Nauka Publ., 356 p.
22. *Slovar Russkogo Yazyika XI–XVII vv.* [Dictionary of Russian Language XI–XVII Centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 320 p.
23. *Slovar Russkogo Yazyika XVIII Veka* [Dictionary of Russian Language XVIII Century]. Leningrad: Nauka Publ., 1987. 296 p.

24. *Slovar Sovremennogo Russkogo Literaturnogo Yazyika: v 17-ti t.* [Dictionary of Modern Russian Literary Language: in 17 Vols.]. Moscow-Leningrad: Akademiya nauk SSSR Publ., 1950–1965. 1393 p.
25. *Slovar Sovremennogo Russkogo Literaturnogo Yazyika: v 20-ti t. – T. 2* [Dictionary of Modern Russian Literary Language: in 20 Vols. - Vol. 2]. Moscow: Rus. yaz. Publ., 1991. 960 p.
26. Shirshov, I. A. *Tolkovyy Slovoobrazovatel'nyy Slovar Russkogo Yazyika* [Explanatory Word-Formation Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 2004. 1022 p.

LEXICO-SEMANTIC CORRELATIONS OF COMPOSITES WITH MOTIVATING UNITS IN THE WORD-FORMATION NEST

Petrov A. V.

Summary. The article investigates the character of lexico-semantic correlations of composites with motivating units in the word-forming macronest with the top of the *veter* (rus. «верев»). It is established that the basis of the *veter* is predominantly prepositioned in composites. A macro nest was formed, which includes not only common compositions, but also dialectal and neolexemes, which contributed to the formation of a complete nest of composites. Introduction of macro nests into the study helps to clarify the issues related to the fixation of certain values and forms of composites in the literary language and in dialects. The study determined the derivative value of the original nest word, analyzed the variation of its seminal structure in the composition of substantive and additive composites formed at the first stage of production, revealed the movement of peripheral features in the nuclear zone of lexical value and established their combination. The proposed technique can be used to analyze the semantic structure of various word-forming nests and composite nests in particular.

Keywords: *word-forming nest, macro nest, composite nest, types of semes, variation of the seme structure, combination of semes.*

3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 81'373.612.2:070:316.454.5

КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА *АРЛЕКИН* КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Бычина Ю. Н.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: yuliya.bychina@mail.ru

В предлагаемой статье проводится семантико-прагматический анализ ключевой единицы арлекин в русскоязычном медиадискурсе. Современный медиадискурс, анализируемый и рассматриваемый в представленной статье, апеллирует к историческим и культурным фактам, реалиям, отражение которых приобретает в тексте определенную коннотацию, являющейся в большинстве своем отрицательной. Отмечается особая ценность, которую представляет метафоризация определенных языковых единиц, характеризующих тех или иных политических субъектов, эксплицирующих и интерпретирующих особенности их характера, поведения, действий. Анализируемая в приведенной статье лексема арлекин является одной из ключевых метафор современного медиадискурса политической направленности, которая наряду с такими единицами, как клоун, шут, скоморох, паяц, лежит в основе театрализации современных политических образов и сценариев. В представленной работе описываются и анализируются особенности реализации ключевой лексемы арлекин с учетом ее денотативного, коннотативного, прагматического аспектов значений, а также ассоциативного потенциала. Устанавливаются и сопоставляются интегральные семантические компоненты, выделенные на основе проанализированных лексикографического и контекстуального значений. Проведенный анализ позволяет говорить об особенностях контекстной реализации ключевой единицы арлекин, связанных с прагматическими установками авторов медиатекстов.

Ключевые слова: дискурс, *арлекин*, политический дискурс, метафора, сема, ключевая единица, ключевая лексема, медиатекст.

Исследование выполнено в рамках поддержанного федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского» гранта № ВГ20/2018

ВВЕДЕНИЕ

Театрализация и карнавализация современного политического дискурса определяет тот факт, что широкой сферой для ассоциирования становится игровая метафора, при использовании которой определенные социально-политические действия, стратегии и решения описываются посредством метафорических образов,

входящих в тематические сферы «цирк», «театр», «кино» [8]. **Цель статьи.** Для полного понимания особенностей функционирования денотативного и коннотативного значений ключевой лексики *арлекин* необходимо исследование лексикографического значения и культурологической составляющей данной единицы.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Одним из наиболее ценных источников метафоризации в современном политическом дискурсе является сфера сценического искусства, куда, по словам исследователя Р. И. Зарипова входят «составляющие и театральные сферы, и цирковой, и любых зрелищных сфер и жанров» [5, с. 56]. Активное использование подобных метафор, традиционных для политического дискурса различных стран, в политической сфере обусловлено также их широким ассоциативным потенциалом и бесспорной прагматической направленностью. В работе «Театральность политического дискурса» Е. И. Шейгал пишет: «Политики, общаясь друг с другом и журналистами, постоянно помнят о «зрительской аудитории» и намеренно или непроизвольно лицедействуют, «работают на публику», стараются произвести впечатление и «сорвать аплодисменты»» [11, с. 6]. Как показал анализ медиатекстов, сферы театра и цирка раскрываются в контекстах через следующие образы: вид зрелища, жанр представления, элементы театрального/циркового здания, части представления, атрибутика и субъекты театра/цирка [1]. В значении, приведенном в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля, отмечаются особенности костюма (цветные лоскуты) и комичность внешнего вида. В данном словаре *арлекин* определяется как «одно из потешных лиц немой комедии (пантомимы): шутник и проказник, в обтяжной, пестрой, из лоскуточков набранной одежде, иногда с бубенчиками» [3, с. 113]. Однако пестрый и яркий костюм указывал на бедность персонажа, поскольку ромбовидные лоскуты ткани на самом деле являлись заплатами. Маска у *арлекина* была черного цвета, со зловещими чертами, что является отсылкой к одной из версий происхождения ключевого слова – к имени одного из демонов дантовского «Ада» – Alichino. Действующие лица театра носили

маски и имели при себе атрибуты, поясняющие их характер или профессию. Так, **арлекин** изначально носил черную полумаску с длинным носом, широкие рубаху и штаны. Комичность и шутовство в его образе превалируют с 16 века, когда основными маркерами становятся пришитые к головному убору заячий хвост или лапка, что являлось символом трусости. С 17 века меняется не только внешний облик персонажа (костюм стал обтягивающим, что говорило об изворотливости персонажа, и не только штаны, а и весь костюм был из лоскутов разноцветной ткани), но и его характер (из глупого простака он превращается в ловкого и хитрого интригана).

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова слово **арлекин** имеет два значения: «1. Комический персонаж итальянской народной комедии с характерным костюмом из разноцветных лоскутьев (театр.). 2. Паяц, шут (·книж.)» [9, с. 341]. Сходная интерпретация предлагается и в «Толковом словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова: «Традиционный персонаж итальянской «комедии масок»; паяц, шут» [9, с. 406]. В «Современном толковом словаре русского языка» под редакцией Т. Ф. Ефремовой лексема **арлекин** приобретает новые оттенки значения, определяемые культурологическими особенностями персонажа: «1) традиционный персонаж итальянской комедии масок (слуга-хитрец, обычно в костюме из разноцветных лоскутов и в черной полумаске). 2) перен. Шут, паяц» [4, с. 83]. Лексемы **шут** и **паяц**, отмеченные как синонимы в «Словаре русских синонимов», в данном словаре являются переносным значением для ключевой лексемы **арлекин**, тогда как в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова присутствует помета книжное. В «Словаре русского языка» **арлекин** – это «традиционный персонаж итальянской «комедии масок», слуга-шут в костюме из разноцветных лоскутов и в черной полумаске, отличающийся остроумием и умением ловко выходить из затруднительных положений; паяц, шут». В приведенной словарной статье актуализируется сема 'ловкость', ставшая ядерной при культурологическом анализе ключевой единицы **арлекин**. В «Словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка» под ред. А. Н. Чудинова **арлекин** (от итальянского *arlechino* – шут) – шут, одетый в платье из разноцветных лоскутьев – комическое лицо в итальянских комедиях. Отсюда – вообще смешное

лицо, пестро одетое [10, с. 298]. В словаре под редакцией Л. П. Крысина «1000 новых иностранных слов» рассматриваемой лексеме дается следующее определение: «*Арлекин*, а, м., одуш. [фр. Arlequin < ит. arlecchino]. Традиционный персонаж итальянской народной комедии («комедии масок»), шут, паяц. *Арлекинский* – относящийся к *арлекину*, *арлекинам*» [6, с. 45]. В данном лексикографическом источнике приводится адъектив *арлекинский*, не упоминающийся в остальных словарных статьях.

Наиболее глубоко и полно образ *арлекин* раскрыт в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, где учитываются широкий спектр особенностей персонажа. Так, акцентируется внимание на том, что изначально *арлекин* – «название одной из комических масок итальянского национального театра, так называемой *commedia dell' arte*. *Арлекин* является в плотно обтянутом костюме, сшитом из кусочков материи всевозможных цветов, с коротко обстриженными волосами, иногда в черной полумаске и с деревянным мечом у пояса. *Арлекин*, занимая многие века роль слуги, был в прежние времена грубым, неуклюжим, бесстыдным, трусливым, грязным, но когда в половине XVI столетия при итальянском дворе явилась мода на *commediadell'arte*, то *арлекин* переменялся и приобрел лукавство, подхалимство, деятельность и остроумие» [2, с. 286].

Как показал анализ, в современных СМИ *арлекин* представлен уже как устоявшийся образ с интегральными семами 'лукавство', 'остроумие', 'хитрость'. Таким образом, проанализировав лексикографические статьи и сопоставив их с культурологическим фоном анализируемой единицы, мы можем сделать вывод, что ядерные семы, проявившиеся изначально как характеристики персонажа ('ловкость', 'хитрость', 'лукавство'), в настоящее время зафиксированы в словарях. Важно отметить, что метафоризация образа *арлекина* происходит в медиатекстах различной направленности (политической, экономической, социальной, культурной), что говорит об универсальности рассматриваемого образа как источника ассоциирования. Все контексты с ключевой единицей *арлекин* в нашем исследовании мы разделили по направленности СМИ: **политика** (...по стопам Верки Сердючки в украинскую политику прорвался главный на данный момент ее *Арлекин* – Олег

Ляшко (livejournal, 08.08.2018)); **спорт** (*В битве недавних чемпионов на первый план вышел маленький, юркий Брэд Маршан, на фоне которого лос-анджелесские мастера казались длинными, неуклюжими арлекинами с костылями вместо клюшек* (Газета.ру, 21.01.2016); **культура** (*...бал-маскарад – не точка встречи ряженных арлекинов и гусар, но сборище гостей в масках всем известных персон из телевизора* (Газета.ру, 21.01.2016)). Подчеркнем, что именно в политических СМИ образ **арлекин** представлен наиболее многоаспектно и наделяется нехарактерными для денотативного значения характеристиками. Так, отмечается частотное употребление ключевой единицы во множественном числе, что говорит о собирательном образе **арлекина**, аккумулирующем характеристики множества личностей определенного типажа и модели поведения из разных сфер (арлекины в спорте / политике / экономике / культуре): *Арлекинов в украинской политике всегда было достаточно. Но все портило их желание тщательно скрыть свою арлекинскую сущность. Поэтому колокольчики на властном олимпе Украины звенели всегда, но уж слишком тихо и не выразительно* (livejournal, 08.08.2018). Ключевая единица **арлекин** становится вершиной словообразовательного гнезда и основой новообразований, актуальных именно для медиатекстов и, как правило, не зафиксированных в словообразовательных словарях: Так, аффикс **арлекинский** усиливает отрицательную коннотацию и эксплицирует семантические компоненты 'хитрый', 'обманчивый', 'лукавый'. Суффикс -ск- у прилагательного употребляется с общим значением отношения, свойственности или типической принадлежности тому, что названо мотивирующим словом, в данном случае – к персонажу **арлекин**: *Первой попыткой арлекинского прорыва во власть стало желание участвовать в досрочных парламентских выборах 2007 года так называемой Верки Сердючки – украинской разновидности Арлекина в юбке* (livejournal, 08.08.2018).

Еще одной окказиональной единицей является лексема **арлекиниада**, которая имеет аналог, представленный словом **арлекинада** и зафиксированный только в одном словаре «1000 новых иностранных слов» под ред. Л. П. Крысина со значением от фр.arlequinade < ит. Arlecchinata – 1. Небольшая сценка, в которой участвуют **арлекин** и другие персонажи итальянской народной комедии («комедии масок»). 2.

ист. Во Франции в.: популярный жанр ярмарочного театра [6, с. 45]. В денотативном значении с помощью суффикса -иад- образуются имена существительные, которые обозначают массовые спортивные соревнования, связанные с тем, что названо мотивирующим именем существительным со значением действия. В медиатекстах сохраняется сема 'массовость', при этом абсолютно утрачивается связь со спортом: *Сравнение политической жизни с трагической арлекиниадой - одна из любимых тем в театре XX века. Маска, скрывающая истинные намерения, - символ древний и многозначный. Но не менее важной для режиссера Романа Виктюка оказывается тема столкновения художника и власти, ибо Арлекин для него - прежде всего гениальный актер. Удастся ли ему сохранить жизнь в сетях политических интриг?* (Без формата, 10.06.2011).

Ключевая единица **арлекин** была нами рассмотрена и проанализирована также и в контекстах, приведенных в Национальном корпусе русского языка: *Вот вам и частный самолет, высланный за Черчесовым, изнурительные переговоры и поражающий своей гениальностью ход со слежкой и финальной SMS, из которой Станислав Саламович узнал, что в его услугах не нуждаются. Осталось команду на поле в шутовских колпаках и костюмах Арлекина вывести. А над стадионом в этот момент нон-стопом должна звучать фраза, произнесенная генеральным директором клуба Романом Асхабадзе. Не могу его не процитировать: «Хотелось бы вот еще о чем сказать.* [Режим доступа: ruscorpora.ru, дата обращения: 15.10.2019] (Михаил Шахназаров. Красно-белый юмор черной комедии // Известия, 2014.04.22, газетный корпус). В данном контексте идет установка на актуализацию лингвокультурологического фона, который под словосочетанием «костюмах **арлекина**» подразумевает яркую, пеструю одежду из ромбовидных лоскутов. Основной особенностью **арлекина** является маска, акцент на которую и делается акцент в контекстах национального корпуса русского языка: *Один высокий и массивный, второй пониже ростом и пошутрее. Оба черноволосые и с серьезными выражениями лиц, под которыми, как под маской Арлекина, пряталась ирония. Оба были хоть и в чинах, но ребята относительно молодые, так же как и сам отдел, образованный год назад под давлением общественного мнения. Точнее, из-за того,*

что именно в Петербурге происходили убийства, которые тут же зачислялись в разряд громких и заказных. [Режим доступа: guscorpora.ru, дата обращения: 15.10.2019] (Елизавета Козырева. Дамская охота 2001; основной корпус)

Некоторые контексты указывают непосредственно на род деятельности персонажей, их публичность и эпатажность: *В стране тысячи разводов в день и потрагичнее этого. А для развода «арлекинов» подошла бы и последняя колонка анекдотов. Анатолий Владимирович, ветеринар, Владимир: — Филипп, чтобы забыться и не удавиться от отчаяния, захочет переплюнуть Пугачеву и предпримет очередную попытку сварганить мюзикл или снять музыкальный фильм.* [Режим доступа: guscorpora.ru, дата обращения: 15.10.2019] (Мария Ремизова, Александр Мешков, Наталья Ламбоцкая («КП» - Казань»), Яна Зверева («КП» -Чебоксары) Пугачева поет песни о любви // Комсомольская правда, 2005.11.26; газетный корпус).

Особенностью ключевой единицы **арлекин** является и то, что персонаж, изначально возникший и реализующийся в сфере театра, в словарях и медиатекстах чаще всего реализуется как персонаж цирковой сферы: *Навальный Жириновскому – не замена. Жириновский – это типичное амплуа Рыжего клоуна, а Навальный в такой «связке» скорее Белый клоун. И не потому, что повязан с «Белой лентой», а потому что так уж повелось в цирке. Рыжий клоун унаследовал от Арлекина хитрость, умение смеяться над собой и простодушие, а Белый клоун, наследник Пьеро, преобразился в «нелепого умника» и «маменькина сынка», который хочет казаться мужчиной* (ИА REX, 17.03.2018). *Белый — это объект битья, Пьеро, положительный неудачник. Рыжий — Арлекин, отрицательный плут, ему положено издеваться над белым. Баланс между сторонами всегда был равным. Гайдай же дал силам условного зла трехкратное преимущество над силами добра, чего ни до, ни после никто не делал.* [Режим доступа: guscorpora.ru, дата обращения: 15.10.2019] (Егор Москвитин. Разгадывая Гайдая // «Огонек», 2013; основной корпус). Если на сцене театра присутствовали персонажи **Арлекино** и **Пьеро**, то в 19 веке, когда цирк стал самостоятельным видом зрелищ, на манеже появились клоуны – Белый (хозяин, получившийся из белого Пьеро) и Рыжий (слуга, прототипом которого был Арлекин). Таким образом, автор медиатекста акцентирует внимание на том, что это персонажи

именно цирковой сферы. Так, ядерной становится не сема 'игра', а сема 'смех', что подтверждает сам контекст, который содержит в себе авторское уточнение характеристик каждого из персонажей. Данные характеристики являются индивидуально авторскими, поскольку лексема **арлекин** не имеет в данном контексте яркой отрицательной коннотации (актуализируются семы 'простодушие', 'хитрость'), в то время как другой персонаж раскрывается через семы 'нелепый', 'слабый'. На примере данного контекста отмечается использование образа *арлекина* в соответствии со сходством с определенным политическим деятелем (например, рыжий клоун – В. В. Жириновский). Как показал анализ, частотным явлением представляется развертывание в медиатекстах метафорических сценариев и использование в одном ряду лексем **Арлекино** и **Пьеро**, что говорит об их взаимосвязи на культурно-историческом уровне: *Вся политика Украины развивается в пространстве цирка. Фокусники и дрессировщики показывают на арене чудеса. Гимнасты творят пируэты под куполом. А два коверных клоуна: Саакашвили и Порошенко разыгрывают драму под названием «Схватка Арлекина с Пьеро». Арлекин рвется через границу, а Пьеро с печальной белочкой на плече вещает о нехватке летального оружия* (Сегодня, 06.10.2017). Как и в предыдущем контексте, **Пьеро** представляется нам грустным, неуклюжим персонажем – антиподом веселому, задиристому **Арлекино**.

Наиболее распространенным вариантом употребления ключевой единицы **арлекин** в медиатекстах является ее использование в качестве приложения или стержневого компонента при приложении. При этом вторым словом как было отмечено в предыдущем контексте, может быть имя нарицательное (*Лидеры думской оппозиции были бы не сами собой, если бы не сотрясли 1 апреля стены парламента юмористическим шоу. Тут были и задира-Арлекин, и неуклюже-хмурый Пьеро* (Комсомольская правда, 30.05.2018)) или же имя собственное (*Навальному, если бы его допустили к выборам, пришлось бы спорить с подставными клоунами кремлевского театра Карбаса-Барабаса. Арлекин-Жириновский плескал бы ему соком в лицо* (Русский монитор, 15.03.2018)). Подчеркнем, что ключевая единица **арлекин** в последнем контексте интерпретируется не как шутовской герой, а как

театральный. Так, театр Карабаса-Барабаса – это кукольный театр, где присутствуют как куклы, так и кукловоды. Данный факт говорит о том, что **арлекин** раскрывается нам как безвольное лицо, марионетка, действиями которой управляют наделенные властью люди.

Интересным для анализа представляется словосочетание **кремлевский арлекин**, где адъектив кремлевский уточняет сферу деятельности субъекта-арлекина, его связь с властными структурами: *Публичное несогласие Илларионова с предложением главы государства лишний раз подтвердило: советник президента по экономике — своего рода кремлевский арлекин* (Правда, 11.04.2018). В приведенном контексте имплицитно выражена сема 'слуга', взятая из денотативного значения и характеристики персонажа. Автор медиатекста, употребляя адъектив *кремлевский*, актуализирует сему 'прислуживание', имплицитно определяя президента как хозяина, а советника понижая до слуги, но не верного и преданного, а лукавого и хитрого, как **арлекин**.

В медиатекстах ключевая единица **арлекин** может употребляется в одном синонимическом ряду с лексемами шут и скоморох: *Реальность сегодняшней России нуждается в скоморохе, шуте. Для того лишь, чтобы акты государственной важности с их насупленными бровями вдруг обернулись раскрашенной лукавой физиономией арлекина* (Московский центр Карнеги, 21.03.2018). В качестве интегральных выступают семы 'лукавство' и 'несерьезность', при этом актуализируется такое качество персонажа, как уход от ответственности, отвлечение внимания. Такая характеристика **арлекина**, как возможность и способность говорить в глаза нелицеприятную правду, наблюдается в следующем контексте: *... не оставляет ощущение, что Илларионов играет роль то ли Арлекина, то ли шута Балакирева при нынешнем кремлевском дворе - ему позволяется говорить горькую правду в лицо кому угодно, но мало кто обращает на это внимание* (Правда, 11.04.2018). В приведенном медиатексте уточняется характеристика **арлекина** – это не лукавый, хитрый человек, а тот, кто может говорить правду открыто, несмотря на то, что к нему не прислушиваются.

ВЫВОДЫ

Таким образом, комплексный анализ лексикографических источников и медиатекстов позволяет говорить о ключевой единице *арлекин* как о яркой и значимой метафоре, характеризующей современного политикума. При сохранении денотативных сем 'ловкость', 'хитрость', 'лукавство', зафиксированных в словарях, в отдельных контекстах наводятся такие семантические компоненты, как 'ум', 'ловкость'. Именно эти семы позволяют характеризовать *арлекина* в медиатекстах как умного и изворотливого субъекта, способного на низкие поступки ради достижения собственной цели. Разноаспектный анализ образа арлекина является важным при моделировании фрагмента политической картины мира, представленной метафорической моделью «политика – это искусство».

Список литературы

1. Балашова, Л. В. Русская метафорическая система в развитии: XI – XXI вв. [Текст] / Л. В. Балашова. – М. : Знак, 2014. – 632 с.
2. Брокгауз, Ф. А. Иллюстрированный энциклопедический словарь современная версия [Текст] / Ф. А. Брокгауз. – М. : Эксмо, 2009. – 704 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание : в 4 т. [Текст] / В. И. Даль – М. : Астрель, 2003. – 573 с.
4. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: В 3-х томах [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ, 2006. – 976 с.
5. Зарипов, Р. И. Когнитивные аспекты метафорического моделирования в политическом дискурсе [Текст] / Р. И. Зарипов. – М. : 2015. – 262 с.
6. Крысин, Л. П. 1000 новых иностранных слов [Текст] / Л. П. Крысин. – М. : АСТ, 2009. – 319 с.
7. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 сл. и фразеолог. выражений [Текст] / С. И. Ожегов. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2001. – 943 с.

8. Сегал, Н. А. Политический текст: метафорическое моделирование [Текст] / Н. А. Сегал. – М. : Флинта, 2017. – 248 с.
9. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4 т. [Текст] / Д. Н. Ушакова. Т. 4. – М. : Русские словари, 1995. – 754 с.
10. Чудинов, А. Н. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка [Текст] / А. Н. Чудинов. – Изд. 3-е. – СПб. : Издание книгопродавца В. И. Губинского, 1894. – 1004 с.
11. Шейгал, Е. И. Театральность политического дискурса. Единицы языка и их функционирование [Текст] / Е. И. Шейгал. – Саратов : 2000. – 27 с.

References

1. Balashova L. V. *Russkaya Metaforicheskaya Sistema v Razvitii: XI –XXI vv.* [Russian Metaphorical System in Development: XI - XXI Centuries]. Moscow: Znak Publ., 2014. 632 p.
2. Brokgauz F. A. *Illyustrirovannyi Enciklopedicheskii Slovar Sovremennaya Versiya* [Illustrated Encyclopedic Dictionary Modern Version]. Moscow: Astrel Publ., 2008. 704 p.
3. Dal V. I. *Tolkovy Slovar Zhivogo Velikorusskogo Yazyka: Sovremennoe Napisanie: Vol.4* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: Modern Writing: Vol. 4]. Moscow: Astrel Publ., 2003. 573 p.
4. Efremova T. F. *Sovremennyj Tolkovyj Slovar Russkogo Yazyka* [Modern Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: AST, 2006. 976 p.
5. Zaripov R. I. *Kognitivnye Aspekty Metaforicheskogo Modelirovaniya v Politicheskom Diskurse* [Cognitive Aspects of Metaphorical Modeling in Political Discourse]. Moscow, 2015. 262 p.
6. Krysin L. P. *1000 Novyh Inostrannyh Slovo* [1000 New Foreign Words]. Moscow: AST Publ., 2009. 319 p.
7. Ozhegov S. I. *Tolkovy Slovar Russkogo Yazyka: 80000 Slovo i Frazeoloiticheskikh Vyrazhenii* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: 80,000 Words and Phraseology]. Moscow: Azbukovnik, 2001. 943 p.

8. Segal N. A. *Politicheskij Tekst: Metaforicheskoe* [Political Text: Metaphorical Modeling]. Moscow: Flinta Publ., 2017. 248 p.
9. Ushakov D. N. *Tolkovyj Slovar Russkogo Yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkie Slovarei, 1995. 754 p.
10. Chudinov A. N. *Slovar Inostrannykh Sloz, Voshedshikh v Sostav Russkogo Yazyka* [Dictionary of Foreign Words Included in the Russian Language]. SPb: Izdanie Knigoprodavtsa V. I. Gubinskogo Publ., 1894. 1004 p.
11. Sheigal E. I. *Teatralnost Politicheskogo Diskursa. Edinitsy Yazyka i ih Funktsionirovanie* [Theatricality of Political Discourse. Language Units and their Functioning]. Saratov, 2000. 27 p.

KEY UNIT HARLEQUIN AS METAPHORIZATION SOURCE IN MODERN

MEDIA TEXTS

Yu. N. Bychina

Summary. This article provides a semantic-pragmatic analysis of the key unit of harlequin in the Russian-language media discourse. The modern media discourse, analyzed and considered in the presented article, appeals to historical and cultural facts, realities, the reflection of which takes on a certain connotation in the text, which is mostly negative. Of particular value is the metaphorization of certain linguistic units that characterize certain political entities that explicate and interpret features of their nature, behavior, and actions. The harlequin lexeme analyzed in this article is one of the key metaphors of the modern media discourse of a political orientation, which, along with units such as a clown, buffoon, clownfish, is the basis for the theatricalization of modern political images and scripts. The present work describes and analyzes the features of the implementation of the key harlequin token, taking into account its denotative, connotative, pragmatic aspects of meanings, as well as associative potential. Integrated semantic components are established and compared, selected based on the analyzed lexicographic and contextual meanings. The analysis allows us to talk about the features of the contextual implementation of the key unit of harlequin associated with the pragmatic attitudes of the authors of media texts.

Keywords: discourse, harlequin, political discourse, metaphor, sema, key unit, key lexeme, media text.

This work was partially supported by the V. I. Vernadsky Crimean Federal University Development Program for 2015 – 2024.

УДК 811.111'27

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НИГЕРИИ (ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Петренко А. Д., Петренко Д. А., Вовк Н. А.

Институт иностранной филологии (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: aldpetrenko@mail.ru, daniil.petrenko@list.ru, nick.wolf@mail.ru

Цель статьи состоит в определении специфики системы вокализма нигерийского варианта английского языка (далее – НВАЯ) в социофонетическом аспекте. Актуальность исследования НВАЯ состоит в разработке программы социофонетического анализа, которая поможет выявить специфику фонетики современных вариантов английского языка, которые получили распространение в странах Африки. Исследование предполагало использование аналитического и сопоставительного методов. В ходе теоретического анализа сделаны **выводы относительно подходов к определению статуса НВАЯ в современной лингвистике. Нигерийский вариант английского языка играет важную роль в общении граждан Федеративной республики Нигерия. НВАЯ активно взаимодействует с другими языками, которые представлены на территории этого государства.**

Стандартный английский язык (далее – АЯ), широко использующийся во всех функциональных сферах в нигерийском обществе, подвергается влиянию различных местных языков. Следует отметить, что предпринимались многочисленные попытки проанализировать единицы фонетико-фонологического уровня нигерийского варианта АЯ. Однако, большая часть характеристик последнего базируется на информации субъективного плана. Отсутствуют значительные репрезентативные эмпирические данные. Это, отчасти, объясняется тем, что исследователи не использовали социолингвистический подход.

Лингвисты, которые занимаются анализом НВАЯ, предлагают создать нормативную систему гласных нигерийского варианта английского языка. Один из вариантов воплощения этой идеи – это применение по отношению к гласным звукам нигерийского варианта АЯ теории, в основе которой лежит модель «базилект-мезолект-акролект».

Ключевые слова: мировые варианты английского языка, нигерийский вариант английского языка, социолингвистика, социофонетика, фонетика, фонология, гласная фонема, система гласных.

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья выполнена в рамках направления социолингвистических исследований. Цель работы состоит в том, чтобы определить специфику нигерийского варианта английского языка в фонетическом аспекте. Исследование НВАЯ является актуальным, так как позволит разработать программу социофонетического исследования, которую можно будет использовать для анализа фонетических особенностей современных вариантов АЯ, распространенных на африканском континенте.

Выбор темы представленной работы обоснован рядом факторов, основными из которых являются важная роль НВАЯ, которую он играет в коммуникативном пространстве нигерийского социума, взаимодействие этого варианта АЯ с другими языками, функционирующими на территории этой самой густонаселенной страны Африки.

Новизна данного исследования определяется тем, что впервые система вокализма НВАЯ рассматривается в социолингвистическом аспекте. Также предлагается комплексная методика, которая позволяет рассмотреть систему вокализма как в языковом, так и в социальном аспектах. Новизной характеризуется и представленная концепция относительно значимости системного описания гласных фонем НВАЯ.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Языковая ситуация в Федеративной Республике Нигерия

Прежде чем анализировать систему вокализма нигерийского варианта АЯ, необходимо рассмотреть языковую ситуацию в регионе. По данным последней переписи 2017 года население Республики Нигерия составляло 190.9 миллионов человек [15]. Этнический состав весьма разнообразен и формируется следующим образом: 21% насчитывают представители народности *хауса* и столько же в процентном соотношении приходится на этническое сообщество *йоруба*, 18% населения представлены этносом *игбо*, народность *фулани* составляет 10%, этническая группа *тив* формирует 6% от общего числа населения, по 5% от общего числа людей приходится на этносы *канури* и *ибибио*; 4% формируются народностью *эдо*, прочие этнические группы составляют оставшиеся 10% населения.

Что касается языков, которые используются в этой стране, то основными являются английский и главные языки каждого штата (официальные). В Республике Нигерия насчитывается 400 языков коренных народов, среди которых есть несколько самых употребляемых. В этом отношении выделяют *язык хауса*, на котором говорят 27% населения. *Язык игбо* используется 11% нигерийцами. На *языке йоруба*

разговаривают 18% населения. Также широко распространен нигерийский пиджин инглиш.

Безусловно, важным является и вопрос роли разных языков в сфере образования. Начальным образованием в Нигерии охвачено 98% населения. Количество людей со средним образованием составляет менее одной третьей от общего числа нигерийцев – 29%. Высшее образование имеют 3% граждан Республики Нигерия. Уровень грамотности составляет 43%. После первых трех лет обучения в начальной школе преподавание начинают вести на английском [18, с. 700]. АЯ используется в Нигерии во многих сферах жизни общества в своей стандартной форме. Разговорный английский подвержен влиянию родных языков различных этносов. Также среди значительного числа торговцев и учителей получил распространение и индийский вариант английского языка. Нигерийский пиджин инглиш является частью континуума западно-африканского *пиджин инглиш* и имеет много общих черт с *крио* в Сьерра-Леоне и с *камток* в Камеруне. Пиджин используется по всей стране в качестве лингва франка. В ряде случаев пиджин инглиш приобретает статус родного на таких городских территориях как Калабар и Порт-Харкорт, но всегда с одним или несколькими местными языками. *Пиджин инглиш* характеризуется множеством форм, которые отражают взаимодействие родного языка и английского. В целом, лексическая сторона нигерийского пиджин инглиш отражена во многих толковых одноязычных словарях [8; 14; 16; 17].

Попытки анализа единиц фонетико-фонологического уровня НВАЯ не раз предпринимались лингвистами. У. Б. Гут подчеркивает, что объем экспериментальных и инструментальных исследований фонологических аспектов НВАЯ постоянно увеличивается, однако большинство описаний последнего основываются на субъективных данных, а не на эмпирическом материале. Это можно объяснить тем фактом, что для анализа фонетико-фонологических особенностей нигерийского варианта английского языка не применялся социолингвистический подход, который позволил бы выявить объективные количественные показатели применительно к фонологии НВАЯ [10, с. 818]. Как известно, профессиональная

принадлежность, пол, возрастные характеристики человека сильно влияют на фонетические особенности речи [3, с. 13].

Мировые варианты английского языка

В современной лингвистике успешно разрабатываются научные концепции относительно статуса мировых вариантов английского языка. В сферу исследований включены и страны Африки, где используется АЯ. В число этих государств входит и Нигерия.

Изучение вариантов АЯ нередко связывают с именем Баджа Качру. Проанализировав использование английского языка в разных частях мира, Б. Качру выдвинул теорию о концентрических кругах, которые иллюстрируют плюрицентричность функционирования АЯ. Также автор предложил термин «world Englishes» («мировые варианты английского языка»), который обладает широкой семантикой и может трактоваться в трех различных аспектах [2, с. 46].

Как известно, первый, внутренний круг, включает такие государства как США, Соединенное Королевство, Канада, Австралия и Новая Зеландия. Страны африканского континента входят во внешний круг. К их числу отнесены Кения, Южная Африка, Танзания, Замбия, Гана и Нигерия. В расширяющемся круге Б. Качру упоминает Египет и Замбию [12, с. 137].

Согласно Баджу Качру, во внешнем и расширяющемся кругах важный статус АЯ выражен в ряде измерений, а именно: демографическом, идеологическом, общественном и установочном. Помимо этого автор отмечает, что влияние мировых вариантов английского на местные языки характеризуется двоякой природой. С одной стороны, это процесс англизации, к которому относятся изменения, вызванные АЯ в других языках по всему миру. С другой стороны, английский сам подвергается нативизации и аккультурации под влиянием местных языков. Локализованные варианты английского подвергаются изменениям в виду того, что приобрели новые языковые и культурные характеристики. Этим можно объяснить использование таких терминов, как «африканизация» АЯ или «нигерийский английский» [12, с. 138].

Следует отметить, что в своей работе Б. Качру перечисляет общие характерные черты мировых вариантов английского языка. Используется слишком общий принцип группирования, так как в концентрические круги входят разные страны. Очевидно, что статус АЯ в этих государствах сложно сопоставить по ряду причин. Также Б. Качру делает акцент на противоречия между общепринятым видением стандарта АЯ и реальным положением вещей в местных сообществах. В то же время, исследователь не предлагает алгоритм анализа, который бы соотносился со всеми вариантами АЯ. Социолингвистический аспект, который упоминается в исследовании Б. Качру, в большей степени применяется к национальным или культурным особенностям. Языковые особенности личности определяются социально-классовой, гендерной или возрастной стратификацией общества, но она не рассматривается автором [5, с. 6].

Дэвид Кристал в монографии «English as a Global Language» («Английский как глобальный язык» (перевод наш)) перечисляет различные критерии, необходимые для того, чтобы рассматривать тот или иной язык в качестве глобального или мирового [9]. При этом Д. Кристал не представляет конкретной классификации, в которой бы варианты английского языка входили в ту или иную группу. В работе приводятся различные точки зрения на статус АЯ в современной коммуникации. Суть этих мнений сводится автором к тому, что АЯ функционирует в качестве глобального языка. Этот статус английский завоевал благодаря ряду конкретных исторических событий в прошлом. В настоящее время такая ситуация объясняется рядом факторов, среди которых важная роль отводится международным отношениям и средствам массовой информации. Д. Кристал считает, что АЯ приобрел статус глобального по геоисторическим и социокультурным причинам [9, с. 29].

Социокультурная и языковая ситуация в Нигерии представлена Д. Кристалом в ретроспективе. Внутренняя часть этой страны была исследована британцами в начале 19 века. После этого в городе Лагос в 1861 году была основана британская колония. Впоследствии эта колония объединилась с другими южными и северными территориями, что явилось залогом образования единого государства в 1914 году. Республика Нигерия обрела независимость в 1960 году. Нигерия является одной из

самых многоязычных стран на африканском континенте. Более половины населения этого государства использует пиджин инглиш или креольский английский в качестве второго языка [9, с. 51-52].

Д. Кристал рассуждает в своей монографии о термине «глобальный язык». Также автор рассматривает АЯ в диахронии и перечисляет причины того, почему английский сейчас является лингва франка. Д. Кристал делится своим мнением и о будущем глобального АЯ.

Вопрос статуса АЯ в современной коммуникации поднимается Т. Макартуром в статье «World English and World Englishes: Trends, Tensions, Varieties, and Standards» («Мировой английский и мировые варианты английского языка: тенденции, противоречия, разновидности и стандарты» (перевод наш)) [13]. Т. Макартур считает, что английский язык является современным лингва франка (далее ЛФ). Однако, необходимо решить, какой вариант АЯ должен формировать основу ЛФ. Автор упоминает, что существуют различные варианты АЯ, получившие распространение в государствах по всему миру. В связи с этим Т. Макартур соотносит элементы триады «английский как родной язык» (далее АРЯ), «английский как второй язык» (далее АВЯ) и «английский как иностранный язык» (далее АИЯ). Нигерия относится к территориям, где английский, в виде НВАЯ, имеет статус второго языка. Теория, которая постулирует факт наличия разновидностей АЯ, не нова. Эта трехчастная модель вполне соотносится с геополитической и социальной реальностью. Однако Т. Макартур добавляет, что она не лишена определенных недостатков. Не охвачены языковые процессы, которые происходят в мире. В перечень этих процессов входят полилингвизм; варианты АРЯ; противоречия по поводу термина «родной язык»; отсутствие единого мнения в отношении термина «языковой стандарт»; проблема нормы; вопросы миграции и образования; роль государственных учреждений, которые занимаются стандартизацией АРЯ и АВЯ; процедуры государственного мониторинга и планирования развития АРЯ; вопросы, относящиеся к гибридизации языков [13, с. 9-10]. Перечисленные процессы обуславливают необходимость в уточнении статуса АРЯ, АВЯ (в том числе, и НВАЯ) и АИЯ. Также в своем

исследовании Т. Макартур не предлагает методiku анализа языковых особенностей того или иного варианта АЯ.

В целом следует отметить, что перечисленные концепции являются недостаточными с точки зрения методологии и верификации в приложении к НВАЯ. В этих теориях рассматривается общий статус АЯ на текущем этапе и, отчасти, упоминаются конкретные варианты английского языка, в том числе, и НВАЯ. В исследовании последних важную роль играет социолингвистический анализ на разных уровнях языка, в том числе и на произносительном. Такой анализ дает лингвистам возможность, в том числе, выявить набор фонологических переменных в системе вокализма, которые отражают специфику реализации гласных различными социальными группами [5, с. 5]. Таким образом, анализ языковой ситуации в Федеративной республике Нигерия и обзор концепций, связанных со статусом мировых вариантов АЯ, показывают роль НВАЯ в нигерийском социуме на современном этапе. Определенный интерес вызывает система вокализма НВАЯ.

Система вокализма нигерийского варианта английского языка

Следует отметить, что фонетика на современном этапе длительное время с успехом занимается анализом соотношения нормы и вариативности. Привлекается широкий диапазон факторов, регулирующих реализацию средств произношения в речи [4, с. 5-6]. Как известно, в британском варианте английского языка имеется 20 гласных звуков [1, с. 74; 6, с. 41; 7, с. 27]. В НВАЯ число последних представлено меньшим количеством, что особенно очевидно в речи малообразованных людей, что отмечается М.Джибрил [Цит. по: 10, с. 818]. Нигерийский вариант английского языка, который в повседневном общении реализуют представители народности *хауза*, насчитывает 15 гласных. АЯ этнических сообществ *йоруба* и *игбо* в системе вокализма представлен 11 гласными звуками. Как и в любом варианте АЯ, на систему гласных НВАЯ оказывает влияние систему гласных родного языка говорящего.

В следующей таблице представлены гласные английского языка образованных людей народности *хауза* и образованных людей, говорящих на южном НВАЯ [10,

с. 819]. Основные различия между инвентарем гласных АЯ этнического сообщества *хауза* и южного НВАЯ состоит в том, что не представлен такой фонологический признак, как долгота гласных. В южном нигерийском варианте английского языка нет гласных смешанного ряда:

	Английский язык образованных людей народности <i>хауза</i>	Английский язык образованных людей, говорящих на южном НВАЯ
Монофтонги	/i:/, /ɪ/, /ε/, /e:/, /æ/, /ʊ/, /a:/, /a/, /o/, /o:/, /u:/, /ʊ/, /ɜ:/, /ə/	/i/, /ε/, /e/, /a/, /ɪ/, /o/, /u/
Дифтонги	/ai/, /aɪ/, /oi/, /iə/, /εə/, /ʊə/	/ai/, /aɪ/, /ɔi/, /ia/, /ea/

По словам А.С. Бобда, в НВАЯ гласные в безударных слогах, произносимые как [ə] или [ɪ] или непронизносимые в местных вариантах АЯ могут реализовываться как [a], [ε], [ɪ], [ɔ] или [u]. Реализация зависит от орфографии [Цит. по: 9, с. 822]:

sofa [a]

resentment [ε]

visible [i]

police [ɔ]

consensus [u]

В отличие от местных вариантов английского языка, в служебных словах НВАЯ нет полных и редуцированных форм. *But* всегда реализуется как [bɒt], а *the* произносится как [ða] или [da] в южном НВАЯ и как [za] в АЯ народности *хауза* [10, с. 822].

Во всех трифтонгах, согласно наблюдениям А.С. Бобда процессы скольжения происходят таким образом, что гласные среднего подъема меняются на соответствующие полугласные как в

fire [faja]

lion [lajon]

power [pawa] или [pa:]

our [awa] [цит. по: 10, с. 822].

Д. Джовитт также отмечает, что в АЯ народности *йоруба* имеет место назализация гласных, которые находятся в позиции перед носовыми звуками [Цит. по: 10, с. 822]. Также часто можно наблюдать опущение назальных звуков на конце слова. Например, *win* произносится как [wĩ]. В АЯ этноса *хауза* перед гласной может формироваться гортанная смычка, выполняющая эмфатическую функцию.

Лингвисты, которые исследуют НВАЯ, вносят предложения по кодификации произношения этого варианта АЯ. В частности, этот вопрос поднимает Д. Джовитт в статье «Nigerian Received Pronunciation» («Нормативное произношение в НВАЯ» (перевод наш)) [11]. Автор отмечает, что британское стандартное произношение представляет собой модель, которая все еще официально рекомендуется в Федеративной республике Нигерия. Учителя и школьники следуют этой модели в рамках системы образования. Однако Д. Джовитт выдвигает идею о нормативном произношении в нигерийском варианте АЯ. Автор анализирует идеи У. Угорджи, изложенные в монографии «Nigerian English Phonology» («Фонология НВАЯ» (перевод наш)) [цит. по: 11]. Последний использует трехчастную модель из базилекта, мезолекта и акролекта (соответственно, просторечный вариант языка; промежуточный языковой вариант; наиболее рафинированная форма литературного языка) по отношению к НВАЯ. Эта модель была предложена Б. Бикертоном для исследования языковой ситуации в Карибском регионе. Интерес представляет применение базилекта, мезолекта и акролекта по отношению к системе вокализма нигерийского варианта АЯ. У. Угорджи делит гласные на два типа: простые («чистые») и «комплексные» (дифтонги и трифтонги) [11, с. 7].

В рамках базилекта используются семь «чистых» гласных звуков:

1. /i/ в словах *live, leave* и т.д., со звуком /ɪ/ в качестве свободного варианта;
2. /e/ в словах *wet, weight* и т.д., со звуком /ɛ/ как вариантом в некоторых словах (например, *wet*) на некоторых территориях;
3. /ɛ/ в словах *fair, wear* и т.д.;
4. /a/ в словах *about, hat, heart* и т.д.;
5. /ʊ/ в словах *job, up four, law* и т.д., со звуком /a/ как вариантом на севере страны в некоторых словах, например, в слове *up*;

6. /o/ в словах *bone, goat* и т.д., со звуком /ʊ/ как вариантом на севере страны;

7. /ʊ/ в словах *do, food* и т.д., со звуком /ɪ/ в качестве варианта.

Комплексные гласные представлены дифтонгами /aɪ/ (как в слове *eye*), /ɔɪ/ (как в слове *oil*), /ɪə/ (как в слове *ear*), /ɪʊ/ (как в слове *pure*) и /aʊ/ (как в слове *out*). У. Угорджи говорит о четырех, но описывает пять комплексных гласных.

В рамках мезолекта /i/ and /ɪ/, в принципе, различаются, хотя многие говорящие все еще используют их, варьируя свободным образом. Поэтому в мезолекте присутствуют восемь «чистых» гласных. Что касается комплексных гласных, то их число такое же, как и в базилекте, но добавляется дифтонг /eə/ как вариант /ia/.

В акролекте гласные /i/ and /ɪ/ различаются таким же образом, то есть с такой же вариацией, как и в мезолекте; гласный /e/ в таких словах как *day, break*, но с /eɪ/ в качестве варианта. К. Угорджи ссылается на Д.Эка, по подсчетам которого звук /e/, а не дифтонг /eɪ/, появляется в 95% случаев там, где согласно британскому нормативному произношению должен быть /eɪ/ [Цит. по: 11, с. 7-8]; гласный звук /ɛ/ появляется в *wet, yes* и т.д.; гласный /ɜ/ появляется в *birth, merge* и т.д., со звуком /ɛ/ в качестве варианта; звук /a/ используется как в мезолекте, но применяется /æ/ как вариант в таких словах как *that, map*, и /ɒ/ как вариант в словах *March, heart* и т.д.; /ʊ/ функционирует так же, как и в мезолекте, однако в акролекте есть варианты в виде звуков /a/ or /ʌ/ в словах *luck, love* и т.д.; /o/ используется как в мезолекте, но в акролекте появляется вариант /əʊ/, который используется «высокообразованным меньшинством». В этом случае ссылка снова делается на Д. Эка, по данным которого /o/ появляется в 91% случаев по сравнению с /əʊ/ [Цит. по: 11, с. 8]; гласный /u/ используется как и в мезолекте, но в качестве варианта в акролекте дается /ʊ/ в таких словах, как *could, full* и т.д. «среди многих говорящих». Если включить варианты, то акролект, таким образом, содержит двенадцать простых гласных. Комплексные гласные, по существу, такие же, как и в мезолекте, но добавляется /eɪ/, /əʊ/ и /ʊə/, который заменяет /ɪʊ/. Также в эту группу входят четыре трифтонга: /eɪə/, /aɪə/, /aʊə/ и /ɔɪə/, хотя многие говорящие произносят средний элемент как консонантное скольжение [11, с. 8].

Таким образом, как отмечает Д. Джовитт, прохождение через базолект, мезолект и акролект приближает к нормативному произношению, где максимально будет 22 или 23 гласных и 24 согласных [11, с. 9]. Это можно представить в такой таблице:

	базилект	мезолект	акролект	нормативное произношение
простые гласные	7	8	12	12
комплексные гласные: дифтонги трифтонги	5	5-6	8 2	8 2
согласные	21	21	24	24

Следует отметить, что показатели акролекта и нормативного произношения одинаковы. Но состав гласных акролекта может отличаться от состава соответствующих гласных нормативного произношения. Например, простые гласные акролекта включают звук /e/, который соотносится с дифтонгом /eɪ/ в системе комплексных гласных нормативного произношения. Среди простых гласных акролекта /ɒ/ соотносится с /ɒ/ и /ɔ:/ в нормативном произношении и т.д. В целом, можно отметить, что нормативное произношение не только предписано к использованию и имеет официальный статус. Это фактически существующий, действующий, практический стандарт произношения в Нигерии, а. Его влияние представлено на всех уровнях, хотя, в основном, на уровне акролекта.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в результате анализа можно сделать следующие выводы:

- лингвисты, разрабатывающие научные концепции относительно статуса мировых вариантов АЯ, включают в сферу своих исследований и страны Африки, в том числе и Нигерию. Существующие концепции АЯ как ЛФ содержат положения относительно общего статуса английского языка на текущем этапе и лишь поверхностно затрагивают конкретные варианты английского языка, в том числе, и нигерийского. Также не уделяется внимание социально-классовой, гендерной или возрастной стратификации общества, которая определяет языковые особенности индивида.

- предпринималось много попыток анализа единиц фонетико-фонологического уровня НВАЯ, но большинство описаний последнего основываются на субъективных данных, а не на обширном репрезентативном эмпирическом материале. В частности, это можно объяснить тем фактом, что авторами исследований не применялся социолингвистический подход.
- система вокализма британского варианте АЯ включает 20 гласных звуков. В НВАЯ представителей народности *хауза* насчитывается 15 гласных. Базовый АЯ *йоруба* и *игбо* имеет 11 гласных звуков. Как и в любом варианте АВЯ, система гласных НВАЯ отражает систему гласных родного языка говорящего.
- гласные АЯ образованных людей, говорящих на южном НВАЯ, отличаются от гласных фонем образованных людей народности *хауза* отсутствием такого критерия, как долгота. В первом также отсутствуют гласные смешанного ряда.
- отмечается стремление лингвистов, занимающихся анализом НВАЯ, сформировать нормативную систему вокализма нигерийского варианта АЯ. Как один из вариантов, это применение теории о трехчастной модели «базилект-мезолект-акролект» по отношению к гласным звукам НВАЯ.

Проведенный анализ позволил наметить перспективы дальнейших исследований. Следует отметить, что состав гласных того или иного варианта АЯ подвергается влиянию гласных родных языков коммуникантов. Поэтому целесообразно сопоставить системы вокализма НВАЯ и ряда племенных языков жителей Федеративной республики Нигерия.

Список литературы

1. Бурая Е. А. Фонетика современного английского языка. Теоретический курс: учебник для студ. вузов и фак. / Е. А. Бурая, И. Е. Галочкина, Т. И. Шевченко. – 3-е изд., стер. – М.: Издательский центр «академия», 2009. – 272 с.
2. Мележик К. А. От глобального английского языка к национальному варианту английского лингва франка – проблемы коммуникативно-прагматической вариативности: Дис. ... доктора филол наук. Спец. 10.02.04 – Германские языки. – Симферополь, 2018. – 635 с.

3. Петренко А. Д. Опыт изучения фонетической стратификации речи / А. Д. Петренко // Социофонетика и фоностилистика (опыт, актуальная проблематика, перспективы): монография / А. Д. Петренко, В. М. Бухаров, Д. А. Петренко [и др.]; под ред. д-ра филол. наук, проф. А. Д. Петренко. – М.: ИНФРА-М, 2018. – С. 13-69.
4. Петренко А. Д. Социофонетика: Крымский резонанс / А. Д. Петренко // Социофонетика и фоностилистика (опыт, актуальная проблематика, перспективы): монография / А. Д. Петренко, В. М. Бухаров, Д. А. Петренко [и др.]; под ред. д-ра филол. наук, проф. А. Д. Петренко. – М.: ИНФРА-М, 2018. – С. 5-12.
5. Петренко А. Д. Социофонетическая вариативность современного немецкого языка в Германии / А. Д. Петренко. – К.: «Рідна мова», 1998. – 254 с.
6. Соколова М. А. Теоретическая фонетика английского языка / М. А. Соколова, И. С. Тихонова, Е. Л. Фрейдина. – Дубна: Феникс+, 2010. – 192 с.
7. Хромов С.С. Фонетика английского языка: учебно-практическое пособие / С.С. Хромов. – М.: Университетская книга, 2012. – 56 с.
8. Babawilly's Dictionary of Pidgin English Words and Phrases [Electronic Resource]. Access mode: <http://www.ngex.com/personalities/babawilly/dictionary/default.htm>. (Access date: 09.06.19).
9. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 212 p.
10. Gut Ulrike B. Nigerian English: Phonology // A Handbook of Varieties of English. Volume 1: Phonology. Berlin New York: Mouton de Gruyter, 2004, pp. 813-830.
11. Jowitt D. Nigerian Received Pronunciation [Electronic Resource] // Research in English and Applied Linguistics. Real Studies 9. Essays on Language in Societal Transformation. A Festschrift in Honour of Segun Awonusi. Göttingen: Cuvillier Verlag, 2015, pp. 3-12. Access mode: https://cuvillier.de/uploads/preview/public_file/9172/Leseprobe.pdf. (Access date: 10.06.19).

12. Kachru Braj B. World Englishes: Agony and Ecstasy // Journal of Aesthetic Education, Vol. 30, No. 2. Special Issue: Distinguished Humanities. Lectures II (Summer, 1996). University of Illinois Press, pp. 135-155.
13. McArthur T. World English and World Englishes: Trends, Tensions, Varieties, and Standards // Language Teaching. №34. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, pp. 1-20.
14. Naija Lingo. The Nigerian Pidgin English dictionary created by you for you! [Electronic Resource]. Access mode: <http://naijalingo.com/about>. (Access date: 09.06.19).
15. Nigeria Population [Electronic Resource]. Access mode:
16. <https://tradingeconomics.com/nigeria/population>. (Access date: 26.11.2018).
17. Nigeria's Pidgin English Dictionary – Culture – Nairaland [Electronic Resource]. Access mode: <https://www.nairaland.com/2334949/nigerias-pidgin-english-dictionary#34063838>. (Access date: 09.06.19).
18. Rotimi O. A Dictionary of Nigerian Pidgin English: with an introductory survey of the history, linguistics and socio-literary functions. Createspace Independent Publishing Platform, 2017. 200 p.
19. The Oxford Companion to the English Language / Editor Tom McArthur. Oxford, New York: Oxford University Press, 1992. 1184 p.

References

1. Buraya Ye. A. *Fonetika Sovremennogo Angliuskogo Yazyka. Teoreticheskii Kurs* [Phonetics of the Modern English Language. Theoretical Course: Manual for the Students of Institutions of Higher Education and Departments]. M.: Akademiya Publ., 2009. 272 p.
2. Melezhik K. A. *Ot Globalnogo Angliyskogo Yazyka k Natsionalnomu Variantu Angliyskogo Lingvo Franka – Problemy Kommunikativno-Pragmaticheskoy Variativnosti*. [From the Global English Language to a National Variant of the English Lingua Franca – Problems of the Communicative and Pragmatic Variety. Thesis]. Simferopol, 2018. 635 p.

3. Petrenko A. D. *Opyt Izucheniya Foneticheskoy Stratifikatsii Rechi* [The Experience of Studying the Sociophonetic Stratification of Speech]. *Sotsiofonetika i Fonostilistika (Opyt, Aktualnaya Problematika, Perspektivy)*. M.: INFRA-M Publ., 2018, pp. 13-69.
4. Petrenko A. D. *Sotsiofonetika: Krymskij rezonans* [Sociophonetics: Crimean Resonance]. *Sotsiofonetika i fonostilistika (Opyt, Aktualnaya Problematika, Perspektivy)*. M.: INFRA-M Publ., 2018, pp. 5-12.
5. Petrenko A. D. *Sotsiofoneticheskaya Variativnost Sovremennogo Nemetskogo Yazyka v Germanii* [Sociophonetic Variety of the Modern German Language in Germany]. K.: Ridna mova Publ., 1998. 254 p.
6. Sokolova M. A., Tikhonova I. S., Frejdina E. L. *Teoreticheskaya Fonetika Anglijskogo Yazyka* [Theoretical Phonetics of the English Language]. Dubna: Feniks+ Publ., 2010. 192 p.
7. Khromov S. S. *Fonetika Anglijskogo Yazyka* [Phonetics of the English Language]. M.: Universitetskaya kniga Publ., 2012. 56 p.
8. Babawilly's Dictionary of Pidgin English Words and Phrases [Electronic Resource]. Access mode: <http://www.ngex.com/personalities/babawilly/dictionary/default.htm>. (Access date: 09.06.19).
9. Crystal D. *English as a Global Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 212 p.
10. Gut Ulrike B. *Nigerian English: Phonology* // *A Handbook of Varieties of English*. Volume 1: Phonology. Berlin New York: Mouton de Gruyter, 2004, pp. 813-830.
11. Jowitt D. *Nigerian Received Pronunciation* [Electronic Resource] // *Research in English and Applied Linguistics. Real Studies 9. Essays on Language in Societal Transformation. A Festschrift in Honour of Segun Awonusi*. Göttingen: Cuvillier Verlag, 2015, pp. 3-12. Access mode: https://cuvillier.de/uploads/preview/public_file/9172/Leseprobe.pdf. (Access date: 10.06.19).
12. Kachru Braj B. *World Englishes: Agony and Ecstasy* // *Journal of Aesthetic Education*, Vol. 30, No. 2. Special Issue: Distinguished Humanities. Lectures II (Summer, 1996). University of Illinois Press, pp. 135-155.

13. McArthur T. World English and World Englishes: Trends, Tensions, Varieties, and Standards // Language Teaching. №34. Cambridge: Cambridge University Press, 2001, pp. 1-20.
14. Naija Lingo. The Nigerian Pidgin English dictionary created by you for you! [Electronic Resource]. Access mode: <http://naijalingo.com/about>. (Access date: 09.06.19).
15. Nigeria Population [Electronic Resource]. Access mode:
16. <https://tradingeconomics.com/nigeria/population>. (Access date: 26.11.2018).
17. Nigeria's Pidgin English Dictionary – Culture – Nairaland [Electronic Resource]. Access mode: <https://www.nairaland.com/2334949/nigerias-pidgin-english-dictionary#34063838>. (Access date: 09.06.19).
18. Rotimi O. A Dictionary of Nigerian Pidgin English: with an introductory survey of the history, linguistics and socio-literary functions. Createspace Independent Publishing Platform, 2017. 200 p.
19. The Oxford Companion to the English Language / Editor Tom McArthur. Oxford, New York: Oxford University Press, 1992. 1184 p.

SOCIOLINGUISTIC PECULIARITIES OF THE ENGLISH LANGUAGE FUNCTIONING IN NIGERIA (PHONETIC ASPECT)

Petrenko A.D., Petrenko D.A., Vovk N.A.

Summary. The purpose of the article is to define the specifics of the vocalic system of the Nigerian variety of the English language (further – NigE) in the sociophonetic aspect. The urgency of the research of NigE is in working out a program of the sociophonetic analysis, which will help to reveal the specifics of the phonetics of the modern varieties of the English language, which are spread in the countries of Africa.

During the research, there were used analytical and comparative methods. During the theoretical analysis, one made conclusions concerning the approaches to defining NigE status in the modern linguistics. **The Nigerian variety of the English language plays an important role in communication among the citizens of the Federative Republic of Nigeria.** NigE actively interacts with other languages, which are represented on the territory of the state.

Various native languages constantly influence Standard English being broadly used in all functional spheres in the Nigerian society. It should be noted that numerous attempts have been made to analyze the units of the phonetic and phonologic level of the Nigerian variety of the English language. However, the majority of the characteristics of the last bases on the information of the subjective plane. There are no considerable representative empirical data. Partially it can be explained by the fact that the researchers have not used the sociolinguistic approach.

The linguists who are involved into the NigE analysis put forward an idea of creating a normative vowel system of the Nigerian variety of the English language. One of the variants of the idea implementation deals using towards the NigE vowel sounds the theory, which in its basis contains the model «basilect-mesolect-acrolect».

Keywords: world Englishes, Nigerian English, sociolinguistics, sociophonetics, phonetics, phonology, vowel phoneme, vowel system.

УДК 316.776.3

**ПРЕСС-СЛУЖБЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ: СТРАТЕГИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ
МЕДИАКОММУНИКАЦИИ**

Субботина О. А.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: subbotiny08@mail.ru

В статье представлены результаты применения SWOT-анализа для изучения внутренних и внешних факторов, влияющих на работу пресс-служб в министерствах Республики Крым. Методология SWOT обеспечила количественную и качественную оценку выявленных факторов в пределах рубрики «Пресс-служба» на интернет-страницах каждого из девятнадцати министерств. Квалиметрия данных демонстрирует как наличие внутренних факторов, так и степень эффективности их воздействия на информационно-коммуникативную деятельность пресс-служб. Причины неэффективности обусловлены дефицитом присутствия того или иного фактора в рубрике «Пресс-служба» и транслированием неактуальной информации. Кроме того, встречаются случаи, когда опубликованные показатели информационно-коммуникативной активности не верифицируются, а содержание, доступное по ссылке, не соответствует декларируемой деятельности органа государственной власти. Идентичный квалификативно-количественный подход к анализу внешних факторов позволил выявить возможности и угрозы, оказывающие влияние на работу пресс-служб в министерствах Республики Крым. Угрозы снижения результативности внешних факторов связаны с представлением устаревшей информации, недостаточностью в количестве данных, отсутствием хронологической релевантности и фактической некорректностью опубликованных материалов. Возможности, усиливающие эффективность внешних факторов, коррелируют с актуальным тайм- и контент-менеджментом, а также с успешным опытом работы отдельных пресс-служб. Группа стратегий SOWO, предложенная для улучшения результативности медиакоммуникации пресс-служб в государственных органах власти Республики Крым, направлена на устранение или нейтрализацию слабых сторон за счет интегрирования возможностей.

Ключевые слова: органы государственной власти; пресс-служба; медиакоммуникация; SWOT-анализ; внутренние факторы; внешние факторы; Республика Крым.

ВВЕДЕНИЕ

Преобразование современного информационного пространства в Республике Крым связано с постановкой и решением новых задач в сфере качественного медиаобеспечения. Динамика информирования региона представляет собой разноплановый процесс, осуществляя который, необходимо принимать во внимание следующие направления деятельности: увеличение количества источников информации, стремительный прогресс в области социальных медиа, интеграция

информационных потоков, изменение потребностей аудитории в отношении содержания медиапродукта. Эти и другие тенденции находятся в неразрывной связи с субъектами информационного пространства, среди которых пресс-службы государственных органов власти Республики Крым следует рассматривать в рамках отдельной парадигмы.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что структурные трансформации информационного пространства модифицируют инструментарий государственных пресс-служб (Ю. Е. Бурова [1], В. В. Ворошилов [2], Т. И. Никитина [5], Е. В. Романова [11]). Во многом это определено интенсификацией роли СМИ в профессиональной среде (М. Е. Шварцман [12], М. В. Шкондин [14]) и транслированием принципов «информационной открытости власти» (М. В. Гундарин, А. Г. Сидорова [3]; Д. А. Плеханов, О. Б. Пономаренко [6]). Кроме того, конструирование диалога «власть – общество», медиатором которого выступают пресс-службы, выявляет необходимость рассмотрения медийных, профессионально-ориентированных и информационно-коммуникативных аспектов деятельности пресс-служб органов власти в Республике Крым.

В этой связи **цель** статьи заключается в том, чтобы изучить особенности деятельности пресс-служб органов государственной власти в Республике Крым.

Для реализации поставленной цели предстоит решить следующие **задачи**:

1. описать реализацию модели SWOT при изучении работы пресс-служб исполнительных органов государственной власти Республики Крым;
2. выработать стратегию для улучшения результатов деятельности пресс-служб в органах власти Республики Крым.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Внутренние и внешние факторы работы пресс-служб: квалиметрия медиакоммуникации

В соответствии с методологией SWOT-анализа информационно-коммуникативные факторы деятельности пресс-служб органов государственной власти Республики Крым, представленные на интернет-страницах в рубрике «Пресс-

служба» [7], дифференцируются на внутренние и внешние. Согласно интерпретации этих понятий: «Силы (Strengths) и слабости (Weaknesses) являются факторами внутренней среды изучаемого объекта (т.е. тем, на что сам объект способен повлиять); возможности (Opportunities) и угрозы (Threats) являются факторами внешней среды (т.е. тем, что может повлиять на объект извне и при этом не контролируется объектом)» [4]. SWOT-анализ научно-дидактического контента дополнительной профессиональной программы повышения квалификации «Культура письменной речи и правила оформления служебных документов» для госслужащих Республики Крым [13] способствовал выработке подходов в контексте методологии SWOT для совершенствования медиакоммуникации в пресс-службах органов государственной власти. Соответственно, в данной работе квалификативный анализ контента элементов меню рубрики «Пресс-служба» помогает определить природу имеющихся факторов: контролируется их эффективность сотрудниками пресс-служб или эти факторы испытывают влияние со стороны субъектов/ объектов, которые находятся за пределами пресс-служб министерств.

Так, количественный анализ данных, представленных в меню «Пресс-служба» на сайтах всех министерств Республики Крым позволяет выявить двадцать один фактор деятельности соответствующих пресс-служб (таблица 1):

Таблица 1. Количественное соответствие внутренних и внешних факторов работы пресс-служб, представленных на сайтах министерств Республики Крым

№	Элементы меню и текстовая информация	Процентное соотношение
1.	Контактный e-mail	79%
2.	Контактный телефон	84%
3.	Мероприятия	100%
4.	Фоторепортажи	100%
5.	Видеорепортажи	100%
6.	Итоги месяца	5%
7.	Средства массовой информации, учрежденные Министерством	5%
8.	Имя пресс-секретаря или консультанта отдела обеспечения деятельности по связям с общественностью	53%

ПРЕСС-СЛУЖБЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ...

9.	Рекомендации по подаче запросов представителями СМИ	32%
10.	Выступления, заявления, доклады	58%
11.	Пресс-релизы	47%
12.	План на неделю	58%
13.	План на месяц	5%
14.	Указание на выполняемые функции	5%
15.	Поздравления	5%
16.	Анонсы	16%
17.	Аудиорепортажи	47%
18.	Интервью министра в прессе	5%
19.	Информация по запросам СМИ	5%
20.	СМИ о работе министерств	11%
21.	Презентации	5%

Исходным критерием для качественного анализа считается наивысший показатель количественного (статистического) подсчёта внутренних и внешних факторов работы пресс-служб, представленных на сайтах министерств Республики Крым. После определения точки отсчёта мы исследуем реальную эффективность информационно-коммуникативной деятельности пресс-служб в пределах каждого фактора, отображенного на интернет-страницах министерств. Продвижение в изучении внутренней и внешней среды пресс-служб связано с уменьшением показателей процентного соотношения.

Внутренние факторы информационно-коммуникативного функционирования пресс-служб исполнительных органов государственной власти охватывают: 1) фоторепортажи; 2) видеорепортажи; 3) опубликованный контактный e-mail; 4) опубликованный контактный телефон; 5) выступления, заявления, доклады; 6) план на неделю; 7) информация о личности пресс-секретаря или консультанта отдела обеспечения деятельности по связям с общественностью; 8) пресс-релизы; 9) рекомендации по подаче запросов представителями СМИ.; 10) анонсы; 11) интервью министра в прессе; 12) итоги месяца; 13) средства массовой информации, учрежденные Министерством; 14) поздравления; 15) презентации; 16) план на месяц; 17) информация по запросам СМИ; 18) указание на выполняемые функции.

Внешние факторы деятельности пресс-служб, представленные на соответствующих интернет-страницах министерств Республики Крым, включают: 1) мероприятия; 2) аудиорепортажи; 3) СМИ о работе министерств.

Таким образом, данные статистического подсчёта показывают количественное превосходство внутренних факторов медиакommunikации пресс-служб исполнительных органов государственной власти над внешними.

Внутренние факторы деятельности пресс-служб: сильные (Strengths) и слабые (Weaknesses) стороны

Выявление результативности каждого внутреннего фактора связано с его количественным и качественным анализом в пределах рубрики «Пресс-служба» на интернет-страницах соответствующих министерств.

Квалиметрический подход позволил выявить три сильные стороны (Strengths), присущие внутренним факторам работы пресс-служб:

1. Опубликованный контактный e-mail / 2. Опубликованный контактный телефон.

Такие важные внутренние факторы информационно-коммуникативного обмена, как наличие контактного электронного адреса и телефона, доступны не на всех интернет-страницах государственных пресс-служб. Например, мы обнаружили отсутствие контактного электронного адреса на сайтах Министерства сельского хозяйства, Министерства строительства и архитектуры, Министерства экологии и природных ресурсов и Министерства юстиции. Телефон пресс-секретаря не опубликован на сайтах пресс-служб Министерства топлива и энергетики, Министерства транспорта и Министерства экономического развития[7].

Таким образом, процентное соотношение по представленным внутренним факторам: 79% и 84% соответственно даёт возможность квалифицировать данные факторы как сильные стороны деятельности пресс-служб государственных органов власти Республики Крым.

3. Информация о личности пресс-секретаря или консультанта отдела обеспечения деятельности по связям с общественностью.

Информация о личности пресс-секретаря или консультанта отдела обеспечения деятельности по связям с общественностью оформлена на сайте в виде фрагмента текста и относится к внутренним факторам, на которые оказывают влияние сотрудники соответствующих пресс-служб. Наличие активной ссылки на интернет-страницах 53% министерств и качественный анализ представленных данных позволяет сделать вывод об этом внутреннем факторе, влияющем на коммуникацию пресс-служб с представителями СМИ, как об однозначно эффективном (т.е. обладающем только сильными сторонами).

Периферийную позицию между сильными (Strengths) и слабыми сторонами (Weaknesses) у внутренних факторов работы пресс-служб занимает элемент «Видеорепортажи». С одной стороны, результаты работы, соответствующие этому внутреннему фактору, декларируются на всех соответствующих интернет-страницах. С другой стороны, изучение контента и хронологической релевантности внутреннего фактора «Видеорепортажи» позволяет сделать вывод о дефиците его эффективности, так как десять пресс-служб исполнительных органов государственной власти демонстрируют достаточно продуктивную видеоинформационную деятельность, тогда как девять пресс-служб проявляют себя в рамках данного фактора достаточно пассивно.

Качественное исследование и количественный подсчет внутренних факторов деятельности пресс-служб определили четырнадцать слабых сторон (Weaknesses). В статье освещаются общие результаты, полученные при изучении недостатков, представленных на сайтах министерств. В сводной таблице представлено процентное соотношение между существующими внутренними фактами и их эффективностью при воздействии на медиакommunikацию пресс-служб в министерствах Республики Крым (таблица 2):

Таблица 2. Наличие внутренних факторов vs эффективность внутренних факторов: процентное соотношение на сайтах министерств Республики Крым

Внутренний фактор	Наличие на сайтах пресс-служб (%)	Эффективность (%)
Фоторепортажи	100%	26%

Субботина О. А.

Выступления, заявления, доклады	58%	47%
План на неделю	58%	5%
Пресс-релизы	47%	5%
Рекомендации по подаче запросов представителями СМИ	32%	32%
Анонсы	16%	5%
Интервью министра в прессе	5%	0%
Итоги месяца	5%	0%
Средства массовой информации, учрежденные Министерством	5%	5%
Поздравления	5%	5%
Презентации	5%	5%
План на месяц	5%	5%
Информация по запросам СМИ	5%	5%
Указание на выполняемые функции	5%	5%

Анализ неэффективности каждого фактора позволяет констатировать:

1. «Фоторепортажи»: интернет страницы пяти из девятнадцати министерств (Министерства здравоохранения, Министерства имущественных и земельных отношений, Министерства культуры, Министерства курортов и туризма, Министерства труда и социальной защиты)[7] демонстрируют актуальную, в рамках данного фактора, работу.
2. «Выступления, заявления, доклады»: три министерства (из одиннадцати, располагающих этим фактором) представляют указанную информацию: Министерство курортов и туризма, Министерство финансов и Министерство труда и социальной защиты.
3. «План на неделю»: интернет-страницы пресс-служб фактически не представляют указанную информацию. Если же информация и присутствует, то она давно устарела и не может считаться актуальной.
4. «Пресс-релизы»: реальная ситуация отличается от декларируемой (37% изученных пресс-служб не обеспечивают данными этот показатель информационно-коммуникативной активности).

5. «Рекомендации по подаче запросов представителями СМИ»: этот фактор представлен на интернет-страницах шести государственных пресс-служб, что составляет менее половины имеющихся структурных подразделений и свидетельствует о достаточно низкой степени воздействия исследуемого фактора на работу пресс-служб государственных органов власти.
6. «Анонсы»: фиксируется на интернет-страницах трёх пресс-служб (Министерства курортов и туризма, Министерства экологии и природных ресурсов и Министерства экономического развития). Низкий уровень количественного наличия и хронологической актуальности оказывает слабое влияние на взаимодействие органов государственной власти как с представителями СМИ, так и с представителями общественности.
7. «Интервью министра в прессе»: фактор репрезентируется только на сайте пресс-службы Министерства строительства и архитектуры; актуальность информации сомнительна в текущем году.
8. «Итоги месяца»: информация представлена только на сайте пресс-службы Министерства внутренней политики, информации и связи; содержание, доступное по этой ссылке, не соответствует непосредственной работе данного Министерства как исполнительного органа государственной власти Республики Крым и самостоятельного структурного подразделения.
9. «Средства массовой информации, учрежденные Министерством»: дефицит в процентном соотношении (несмотря на фактическую эффективность в рамках Министерства внутренней политики, информации и связи) не позволяет рассматривать представленные средства массовой информации как сильную сторону деятельности всех пресс-служб.
10. «Поздравления»: количественная составляющая нивелирует эффективность этого коммуникативного аспекта в общем объеме изучаемых пресс-служб.
11. «Презентации»: эффективность воздействия фактора на работу одного Министерства финансов, к сожалению, не может быть причислена к тем сильным сторонам, которые оказывают влияние на информационно-коммуникативную деятельность всех пресс-служб государственных органов власти.

12. «План на месяц»: информация, касающаяся этого фактора, опубликована только на сайте пресс-службы Министерства труда и социальной защиты.
13. «Информация по запросам СМИ»: присутствует на сайте пресс-службы Министерства транспорта; несмотря на оригинальное решение в оформлении полезной для представителей СМИ информации, этот фактор не является эффективным в общем объеме пресс-служб.
14. «Указание на выполняемые функции»: фиксируется на сайте пресс-службы Министерства культуры; не является результативным из-за дефицита присутствия на интернет-страницах пресс-служб других министерств.

Внешние факторы деятельности пресс-служб: возможности (Opportunities) и угрозы (Threats)

Квалиметрический подход к определению возможностей и угроз, оказывающих влияние на работу пресс-служб извне, применяется и при анализе выделенных внешних факторов.

Мероприятия.

Результаты внешнего взаимодействия руководителей и служащих министерств представлены на интернет-страницах всех девятнадцати пресс-служб. Наиболее эффективно, по нашему мнению, данная информация классифицирована на сайте Министерства труда и социальной защиты: используется тематическое ранжирование мероприятий, которые представляют хронологическую актуальность [8]. Снижение эффективности этого фактора связано с представлением устаревшей информации: такую ситуацию встречаем на интернет-страницах пресс-служб тринадцати министерств Республики Крым. Соответственно, с одной стороны, это свидетельствует о формировании потенциальных угроз, с другой стороны, корректный тайм- и контент-менеджмент позволит генерировать возможности, оказывающие позитивное воздействие на работу пресс-служб.

Аудиорепортажи.

Вследствие редкой заполняемости данной рубрики наличие реальных, доступных в режиме онлайн, репортажей представляет ценность. В этой связи в позитивном ключе необходимо отметить рубрику «Пресс-служба» сайта

Министерства финансов [9]. Элемент меню «Видео-/ аудиорепортажи» содержит интегрированную информацию о деятельности министра как в формате видео-, так и в формате аудиорепортажа. Кроме того, следует указать на актуальность представленной видео- и аудиоинформации. Однако малая количественная составляющая и отсутствие хронологической релевантности на интернет-страницах остальных министерств являются внешними угрозами. Таким образом, имеющийся позитивный опыт в одной из изученных пресс-служб может стать вероятной возможностью для усиления эффективности работы других пресс-служб.

СМИ о нас.

Результаты сотрудничества со СМИ представлены на сайтах пресс-служб двух министерств: Министерства труда и социальной защиты и Министерства юстиции. Информация, представленная на сайте Министерства труда и социальной защиты, отличается хронологической актуальностью. Однако информация, репрезентированная на интернет-странице пресс-службы Министерства юстиции, является устаревшей, а её контент (как текстовый, так и фотосопровождение) нуждается в серьёзной коррекции [10]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что недостаточная профессиональная квалификация авторов, создающих некорректные материалы, и сотрудников пресс-служб, ответственных за их публикацию, представляют весомую угрозу результативности внешнего фактора. С другой стороны, ориентация на позитивный опыт коллег станет возможностью для трансформации нынешней ситуации.

Таким образом, SWOT-анализ внешних факторов, влияющих на эффективность медиакommunikации пресс-служб государственных органов власти, помог выявить существующие возможности для повышения уровня результативности пресс-служб и угрозы, препятствующие работе. Кроме того, квалиметрия данных показывает, что детальное изучение выявленных угроз для большей части пресс-служб может быть трансформировано благодаря преимущества позитивного опыта, имеющегося у пресс-служб отдельных министерств (таблица 3).

Таблица 3. Возможности (Opportunities) и угрозы (Threats) для медиакommunikации пресс-служб в министерствах Республики Крым

Возможности (Opportunities)	Трансформация	Угрозы (Threats)
Мероприятия	→ есть вероятность трансформации	Мероприятия (потенциальная угроза)
	← есть вероятность трансформации	Аудиорепортажи
	← есть вероятность трансформации	СМИ о нас

Результатом анализа информационно-коммуникативной деятельности пресс-служб государственных органов власти является выбор взаимосвязи между факторами для определения стратегии SWOT. Из вариантов сочетаний, предложенных Н. Wehrich (1982), мы выбираем:

«1) сочетания «сил» – «возможностей» (SO), которые составляют группу стратегий Maxi-Maxi (использование сильных сторон для реализации возможностей);

«слабости» – «возможности» (WO), Mini-Maxi (использование возможностей для нивелирования слабых сторон)» [15].

Данный выбор обусловлен количественными показателями и фактами качественного контент-анализа рубрики «Пресс-служба» на сайтах министерств Республики Крым.

Таблица 4. Стратегия SOWO для эффективной медиакоммуникации пресс-служб в государственных органах власти Республики Крым

ПРЕСС-СЛУЖБЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ...

Сильные стороны (Strengths)	Опубликованный контактный e-mail и телефон Информация о личности пресс-секретаря или консультанта отдела обеспечения деятельности по связям с общественностью		Возможности (Opportunities)
Слабые стороны (Weaknesses)	Фоторепортажи Выступления, заявления, доклады План на неделю Пресс-релизы Рекомендации по подаче запросов представителями СМИ Анонсы Интервью министра в прессе Итоги месяца Средства массовой информации, учрежденные Министерством Поздравления Презентации План на месяц Информация по запросам СМИ Указание на выполняемые функции	Мероприятия	

Таким образом, группа стратегий Maxi-Maxi, позволяющая реализовать возможности за счёт использования сильных сторон и группа стратегий Mini-Maxi, направленная на устранение или нейтрализацию слабых сторон благодаря обращению к возможностям.

ВЫВОДЫ

Процесс реализации модели SWOT при изучении медиакommunikации пресс-служб исполнительных органов государственной власти Республики Крым позволил:

1. Выявить внутренние и внешние факторы работы пресс-служб.
2. Используя квалиметрию данных, определить сильные (Strengths) и слабые (Weaknesses) стороны внутренней медиасреды пресс-служб в министерствах Республики Крым.

3. Детерминировать возможности (Opportunities) и угрозы (Threats) для информационно-коммуникативной деятельности пресс-служб в государственных органах власти.

4. Продемонстрировать, что количество внутренних факторов, воздействующих на эффективную медиакommunikацию пресс-служб государственной власти, превышает количество внешних факторов. В рамках SWOT-анализа это может свидетельствовать:

а) о достаточной степени закрытости как самих пресс-служб, так и министерств Республики Крым, работу которых они представляют;

б) об усилении влияния как сильных (Strengths), так и слабых (Weaknesses) внутренних факторов на функционирование исследуемых пресс-служб;

в) об ослаблении роли возможных перспектив (Opportunities) развития информационного и коммуникативного поля деятельности пресс-служб за пределами конкретных министерств и воздействия угроз (Threats) извне.

5. Определить группу стратегий SOWO, основанную на совокупности пар внутренних и внешних факторов, которые позволят повысить уровень эффективности медиакommunikации пресс-служб исполнительных государственных органов Республики Крым.

Список литературы

1. Бурова Ю. Е. Функциональные особенности современной пресс-службы/ Ю. Е. Бурова // Гуманитарный вектор. – 2012. – № 2 (30). – С. 232–238.
2. Ворошилов В. В. Современная пресс-служба [Текст]/ В. В. Ворошилов. – М.: КНОРУС, 2009. – 224 с.
3. Гундарин М. В., Сидорова А. Г. Рейтинг информационной открытости государственных органов власти России в 2009 г. // PR в изменяющемся мире: коммуникационные технологии в деятельности органов власти: сб. ст. – Вып. 8. – Барнаул, 2010.

4. Майсак О. С. SWOT-анализ: объект, факторы, стратегии. Проблема поиска связей между факторами / О. С. Майсак // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. – 2013. – № 1 (21). – С. 151–157.
5. Никитина Т. И. Потенциал и ограничения пресс-служб органов государственной власти в обеспечении связей с общественностью (на примере Республики Татарстан) / Т. И. Никитина // Ученые записки казанского университета. – Том 155, кн. 4. – 2013. – С. 76–82.
6. Плеханов Д. А., Пономаренко О. Б. Мировая практика организации работы служб по связям с общественностью органов местного самоуправления / Д. А. Плеханов, О. Б. Пономаренко // Современное общество и власть № 2. – 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gmanagement.ru/index.php/ru/arxiv/022014r/129-plekhanov-22014>(дата обращения: 28.12.2018).
7. Портал Правительства Республики Крым [Электронный ресурс]. URL: <https://rk.gov.ru/ru/structure/ministerstva>(дата обращения: 28.07.2019 – 27.10.2019).
8. Портал Правительства Республики Крым. Министерство труда и социальной защиты Республики Крым [Электронный ресурс]. URL: <https://mtrud.rk.gov.ru/ru/structure/79> (дата обращения: 28.07.2019 – 29.08.2019).
9. Портал Правительства Республики Крым. Министерство финансов Республики Крым [Электронный ресурс]. URL: <https://minfin.rk.gov.ru/video-report/view-all> (дата обращения: 28.07.2019 – 29.08.2019).
10. Портал Правительства Республики Крым. Министерство юстиции Республики Крым [Электронный ресурс]. URL: <http://gazetacrimea.ru/news/novosle-glavnih-sobitii-19335> (дата обращения: 28.09.2019 – 27.10.2019).
11. Романова Е. В. Информационная деятельность региональной исполнительной власти: проблемы и пути совершенствования (на примере Алтайского края) / Е. В. Романова // Известия АлтГУ. 2010. №4–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-deyatelnost-regionalnoy-ispolnitelnoy-vlasti-problemy-i-puti-sovershenstvovaniya-na-primere-altayskogo-kрая> (дата обращения: 27.10.2019).
12. Шварцман М. Е. Социальные медиа ученых / М. Е. Шварцман // Университетская книга. – 2012. – № 5. – С. 67–71.

13. Шилина А. Г., Субботина О. А. Онлайн-курс «Культура письменной речи и правила оформления служебных документов» как образовательно-методологическая платформа для повышения квалификации государственных гражданских служащих в Республике Крым / А. Г. Шилина, О. А. Субботина // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации: материалы VI Международной научно-практической конференции (13–14 сентября 2018 г.): в 2 ч. / редкол.: А.Н. Гуда (пред.) [и др.]; ФГБОУ ВО РГУПС, 2018. – Ч. 2. – С. 134–139.
14. Шкондин М. В. Информационный потенциал общества и общественный диалог в российском медиапространстве / М. В. Шкондин // Реклама и связи с общественностью: традиции и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. - Ростов н/Д. : Ростов. гос. ун-т путей сообщения, 2015. – С. 8–17.
15. Weihrich H. The TOWS Matrix – A Tool for Situational Analysis / H. Weihrich // Long Range Planning. – 1982. – Vol. 15, № 2. – P. 54–66.

References

1. Burova Yu. E. *Funktsionalnye Osobennosti Sovremennoi Press-Sluzhby* [The Functional Features of the Modern Press Service]. *Gumanitarnyi vector*. 2012, no 2 (30), pp. 232 – 238.
2. Voroshilov V. V. *Sovremennaya Press-Sluzhba* [Modern Press Service]. Moscow: KNORUS Publ., 2009. 224 p.
3. Gundarin M. V., Sidorova A. G. *Reiting Informatsionnoi Otkrytosti Gosudarstvennykh Organov Vlasti Rossii v 2009 Godu* [Rating of the Information Openness of the State Authorities of Russia in 2009]. Barnaul, 2010.
4. Maisak O. S. *SWOT-Analiz: Obyekt, Faktory, Strategii. Problema Poiska Svyazei Mezhdurazlichnyimi Faktorami* [SWOT-Analysis: Object, Factors, Strategies. The Problem of Finding Links between Factors]. *Prikladnyi Zhurnal: Upravleniye i Vysokie Tekhnologii*, 2013, no 1(21), pp. 151–157.
5. Nikitina T. I. *Potentsial i Ogranicheniya Press-sluzhby Organov Gosudarstvennoi Vlasti v Obespechenii Svyazei s Obshchestvennostyu (na primere Respubliki Tatarstan)* [Potential and Limitations of Press Services of Public Authorities in the Provision of

- Public Relations (on the Example of the Republic of Tatarstan)]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta*. Vol. 155, 2013, pp. 76–82.
6. Plekhanov D. A., Ponomarenko O. B. *Mirovaya Praktika Organizatsii Raboty Sluzhb po Svyazyam s Obshchestvennostyu Organov Mestnogo Samoupravleniya* [World Practice of Organization of Work of Public Relations Services of Local Authorities]. *Sovremennoe Obshchestvo i Vlast*, no 2, 2014 Available at: <http://gmanagement.ru/index.php/ru/arxiv/022014r/129-plekhanov-22014> (accessed: 28 December 2018).
7. *Portal Pravitelstva Respubliki Krym* [The Portal of the Government of the Republic of Crimea]. URL: <https://rk.gov.ru/ru/structure/ministerstva> (Accessed: 28 July 2019 – 27 October 2019).
8. *Portal Pravitelstva Respubliki Krym* [The Portal of the Government of the Republic of Crimea]. Ministerstvo Truda i Sotsialnoi Zashchity Respubliki Krym. URL: <https://mtrud.rk.gov.ru/ru/structure/79> (Accessed: 28 July 2019 – 29 August 2019).
9. *Portal Pravitelstva Respubliki Krym* [The Portal of the Government of the Republic of Crimea]. Ministerstvo Finansov Respubliki Krym. URL: <https://minfin.rk.gov.ru/vid-eo-report/view-all> (Accessed: 28 July 2019 – 29 August 2019).
10. *Portal Pravitelstva Respubliki Krym* [The Portal of the Government of the Republic of Crimea]. Ministerstvo Yustitsii Respubliki Krym. URL: <http://gazetacrimea.ru/news/novosele-glavnih-sobitii-19335> (Accessed: 28 September 2019 – 27 October 2019).
11. Romanova E.V. *Informatsionnaya Deyatel'nost Regionalnoi Iсполnitel'noi Vlasti: Problemy i Puti Sovershenstvovaniya* [Information Activities of the Regional Executive: Problems and Ways of Improvement] *Izvestiya AltGU*. 2010. No 4-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-deyatelnost-regionalnoy-ispolnitelnoy-vlasti-problemy-i-puti-sovershenstvovaniya-na-primere-altayskogo-kрая> (Accessed: 27 December 2018).
12. Shvartsman M. E. *Sotsialnye Media Uchenykh* [Social Media of Scientists]. *Universitetskaya kniga*. 2012, no 5, pp. 67–71.
13. Shilina A. G., Subbotina O. A. *Onlain-Kurs Kultura Pismennoi Rechi i Pravila Oformleniya Sluzhebnykh Dokumentov kak Obrazovatelno-Metodologicheskaya*

-
- Platforma Dlya Povysheniya Kvalifikatsii Gosudarstvennykh Grazhdanskikh Sluzhashchikh v Respublike Krym* [Online Course Culture of Written Speech and Rules for the Preparation of Official Documents as an Educational and Methodological Platform for the Improvement of the Qualification of Civil Servants in the Republic of Crimea] pp. 134–139.
14. Shkondin M. V. *Informatsionnyi Potentsial Obshchestva i Obshchestvennyi Dialog v Rossiiskom Mediaprostranstve* [Information Potential of Society and Public Dialog in the Russian Media Space]. Rostovskii Gosudarstvennyi Universitet. 201, pp. 8–17.
15. Weihrich H. *The TOWS Matrix – A Tool for Situational Analysis*. 1982, Vol. 15, no 2, pp. 54–66.

**PRESS SERVICES OF GOVERNMENTAL AUTHORITIES
IN THE REBUBLIC OF CRIMEA: EFFECTIVE MEDIA COMMUNICATION
STRATEGY**

Subbotina O. A.

The results of SWOT-analysis usage for studying internal and external factors that affect the activity of press services in the ministries of the Republic of Crimea are presented in the article. The SWOT methodology provided a quantitative and qualitative assessment of the identified factors within the "Press Service" heading on the web pages of each of the nineteen ministries. The qualimetry of the data shows both the presence of internal factors and the effectiveness degree of their impact on the informative and communicative activities of the press services. The reasons for inefficiency are determined by the lack of the factor in the "Press Service" heading and broadcasting of irrelevant information. Besides, there are cases when the published indicators of informative and communicative activity are not verified, and the content available on the link does not correspond to the declared activities of the governmental authority of the Republic of Crimea. The similar qualitative and quantitative approach to the analysis of external factors allowed to reveal the opportunities and threats influencing activity of press services in the ministries of the Republic of Crimea. Threats to reduce the effectiveness of external factors are associated with the presentation of outdated information, insufficient data, lack of chronological relevance and factual inaccuracy of published materials. Opportunities that enhance the effectiveness of external factors correlate with the correct time and content management, as well as with the successful experience of particular press services. The group of SOWO strategies, provided to improve the effectiveness of press services' media communication in the governmental authorities of the Republic of Crimea, is aimed at eliminating or neutralizing weaknesses through the opportunities integration.

Keywords: governmental authorities; press service; media communication; SWOT-analysis; internal factors; external factors; Republic of Crimea.

4. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 070

КОНТЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТИКИ: СТЕНДАП (ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

Богданович Г. Ю., Калугина А. Ю.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: bgdvnch@mail.ru, kaluginastasia@bk.ru

Стендап по праву считается главной и неотъемлемой частью структуры информационного сюжета на телевидении. Формат выступления журналиста перед аудиторией видоизменился и продолжает трансформироваться. В кадрах появилась динамика, журналист стал более «подвижным». Порой стендап становится каруселью для зрителя, что достигается за счет монтажных и операторских возможностей благодаря современным технологиям (камерам с широким углом, экшн-камерам, дронам и т.д.). Монтажные видеопереходы и всевозможные склейки позволили журналистам и операторам выйти за рамки традиций и получить творческую свободу, выработать собственный стиль.

Ключевые слова: коммуникация, региональный контент, стендап, инфотейнмент

ВВЕДЕНИЕ

Традиции создания информационного контента закладывались в 1950–1960-х гг. В наше время телевидение считается одним из главных поставщиков быстрой именно видеоинформации, хотя и уступает интернет-ресурсам по оперативности подачи актуальных тем. В условиях конкуренции с другими СМИ, журналисты телевидения ищут (и находят!) новые средства и форматы передачи информации. В нашей статье речь пойдет о создании новостей и о структурных элементах видеосюжета, на которые оказало влияние развитие технологий и технических средств коммуникации. Мы рассмотрим стендап и подходы к съемке и «упаковке» такого материала в практике отечественного регионального телевидения [12-21] и зарубежного [7-11].

ЭСТЕТИКА ПОДАЧИ НОВОСТЕЙ И СОВРЕМЕННЫЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Одной из тенденций развития современного информационного телевидения является технический и технологический прогресс, что влияет на эстетику новостей. К такому выводу приходят исследователи [3], анализируя быстро ускоряющийся процесс создания медиапродукта. Под *эстетикой новостей* мы подразумеваем, в первую очередь, видеоряд; во-вторую – образность информационного текста. Именно эти позиции сегодня обеспечивают заинтересованность целевой аудитории в получении такого продукта, который обязательно обеспечит обратную связь [4].

Стендап как элемент медиакommunikации

В начале XXI в. стремительно возросла популярность выступлений репортера в кадре, то есть использование так называемых стендапов. Под стендапом принято понимать выступление (как правило, комическое, юмористическое, забавное и т.п.) представителя разговорного жанра перед аудиторией. Постепенно некоторые свойства стендапа были перенесены в сферу медиакommunikации, чаще всего использовалась функция комментирования, которая применялась в разнообразной жанровой палитре. В наше время новостные стендапы, например, носят характер не строго информационный, а порой содержат развлекательный формат. Вместе с тем, следует констатировать появление такого элемента структуры сюжета, как лайфвовый стендап, когда журналист является участником события.

Репортеры стали прыгать с парашютом, водить автомобили, лазать в клетки к рептилиям, кататься на велосипедах и роликах, спускаться в пещеры со снаряжением, порой рискуя здоровьем и жизнью. Эксперименты фиксируются в кадре часто ради того, чтобы вызвать интерес у аудитории и даже создать резонанс.

К числу инновационных элементов сюжета можно отнести и стендапы со склейками и эффектами, дополняющими реальность. Все чаще такие стендапы стали появляться в региональных программах отечественных новостей. Наблюдения показывают, что, например, журналисты американских телеканалов «раздваивают» себя в кадре, телепортируются из одной точки в другую щелчком пальцев, переносятся в окошки веб-пространства и социальных сетей и т.д.

Геймификация в сюжетах американских телеканалов

Изучив стендап-контент некоторых журналистов из американских городов и штатов, стендапы крымских репортеров, мы определили наиболее популярные эффекты для создания обратной связи новостной медиакommunikации.

Так, Крис Конт, журналист канала NewsChannel 5 (США, штат Теннесси, г.Нашвилл), практически в каждом стендапе – участник события. Чтобы сделать свой стендап наиболее доступным и понятным, он раздваивает себя (посредством спецэффектов), объясняя правила движения на велосипеде, двигаясь по велосипедной дорожке и по тротуару; переходя через пешеходный переход становится почти прозрачным, говоря о трафике; телепортируется из одной строительной зоны в другую. Часто в его стендапах присутствуют переходы через крупный план (согласно принципу монтажа по крупности). Вышеперечисленное наблюдается в стендапах репортера уже в 2011 году. В 2018 и 2019 годы мы видим более «лайфовые» стендапы: у Конта появились мобильные прямые включения (селфи-стендапы), стендапы с дрона, а также полностью статичные стендапы «со штатива». Это, на наш взгляд, связано с изменением направления деятельности журналиста (автор стал аналитиком и работает над специальными темами). Материалы творчества Криса Конта можно посмотреть по ссылке: <https://youtu.be/zNkvqM0tbU8> 2011.

Журналистка из Далласа Тиффани Лю в своих репортажах – тоже участница события (<https://youtu.be/tRkofJLKMds>), у нее есть стендапы, которые сняты на телефон или экшн-камеру, наблюдаются склейки со сменой камер, с помощью подобного «видеоволшебства» репортер вещает со скриншотов страниц в социальных сетях, поворачивает рукой камеру оператора на 360 градусов, словно говоря зрителю «посмотри туда». У нее, как и у Криса Конта, мы наблюдаем переходы через крупный план. Такие тенденции присутствовали в ее материалах в 2017 году, в 2019-м они практически не изменились (<https://youtu.be/jvktLnMJz2Y>). Появились плавные видеопереходы при смене кадров, чаще стала использоваться экшн-камера.

Джо Литтл (репортер из Сан-Диего) часто в своих сюжетах «размножает» свою фигуру, использует графику и инфографику, дополняя реальность (<https://youtu.be/lhx6r5zAii4>). В его стендапах на общем фоне выстраиваются архитектурные сооружения, появляются числа и диаграммы (https://youtu.be/27k_aHsNbbI). У Литтла обилие лайф-стендапов, где он катается на аттракционах, ремонтирует автомобиль и даже превращается в отца двух сыновей и в строителя. В материалах наблюдается синтез кадров с экшн-камеры и ТВ-камеры, есть селфи-стендапы. Кстати, такие тренды мы видим и в эфирах крымских новостей.

Коммуникативные приемы в создании новостного контента корпункта «Вестей» в Крыму

Репортеры крымского телевидения совместно с операторами используют всевозможные склейки, которые несут в себе элементы геймификации контента, такой своеобразной игры со зрителем. Такими, например, можно считать стендапы с исчезновением корреспондента или перемещением из одной локации в другую посредством быстрого движения камеры и т.д.

Исследование видеоконтента новостных сюжетов корпункта «Вестей» в Крыму позволяет в качестве интересных примеров привести стендапы, снятые оператором Андреем Терентьевым с корреспондентом Артемом Колом. Оператор крымского корпункта среди первых в Крыму начал использовать элементы геймификации и, вероятно, даже стал основоположником данного явления в регионе. В сюжете о трассе «Таврида» камера сначала сопровождала оператора, который шёл по новой дороге, затем через салон автомобиля «перелетала» на улицу (в этот момент корреспондент садился за руль машины), и далее следовали кадры, снятые с квадрокоптера (автомобиль уезжал по новому полотну). Такую операторскую игру можно увидеть по ссылке: https://www.instagram.com/p/BtgGV_tICdp/.

В стендапе другого сюжета этой же съемочной группы камера перемещалась через узкое отверстие одной из инсталляций на территории арт-кластера «Таврида». Корреспондент вытаскивал кубик в аналоге игры «Дженга», а за кубиком следовала экшн-камера. Наглядно: <https://www.instagram.com/p/B1nrnU6C-sD/>.

Три части стендапа в сюжете о круизном лайнере «Князь Владимир» склеены посредством однородных предметов. Через динамично соединенные крупные планы корреспондент рассказал в одном стендапе сразу о трех помещениях внутри лайнера. Стендап опубликован в одном из популярных фотохостингов по ссылке: <https://www.instagram.com/p/B21GEP7CCKI/>.

Продолжение традиций, заложенных оператором федеральных медиа Андреем Терентьевым, наблюдается и в филиале ВГТРК в Крыму ГТРК «Таврида». Корреспонденты и операторы стараются так же нестандартно и творчески подходить к съемке стендапов.

В сюжете оператора Климентия Громова и корреспондента программы «Вести Крым» (федеральный филиал ВГТРК в Крыму ГТРК «Таврида») Романа Дячука (<https://www.youtube.com/watch?v=hsOa3I9vzQ8>) в первом кадре стендапа, снятом в формате «селфи», репортер рассказывает об исторической башне Константина в Феодосии, а во втором кадре – говорит об испорченном облике и показывает стоящую рядом с башней трансформаторную будку.

В материале того же оператора и репортера Тамары Симоновой (<https://www.youtube.com/watch?v=EiAzlNZ854c>) в стендапе используется экшн-камера. В первом кадре, рассказывая об экспериментальном инкубаторе для выращивания креветок, автор погружает под воду в инкубатор сачок; во втором кадре, снятом из-под воды, достает креветку. В третьем кадре – показывает креветку, которую достала. Оператор (Климентий Громов) снял данный стендап с помощью двух камер, что наблюдается и в стендапах зарубежных репортеров.

Подобный подход использован и в сюжете Николая Пырха и Евгении Чирочкиной (<https://youtu.be/6h8gYV9hJ8Q>). В стендапе она идет по Крымскому мосту и рассказывает об одном из завершающих этапов строительства, затем упоминает кота Мостика, который уже есть в кадре на общем плане, а в следующем кадре, словно от первого лица (в данном случае мордочки Мостика), репортер берет кота «на ручки».

Нестандартные подходы наблюдаются в нескольких совместных сюжетах Климентия Громова и Анастасии Калугиной. В сюжете о бархатном сезоне в Крыму

(<https://www.youtube.com/watch?v=8VoNQoRbqwA>) репортер «исчезает» из кадра, говоря о том, как легко можно потеряться в лесу, а во второй части стендапа оператор «находит» корреспондента, который уже говорит, как себя обезопасить. В других сюжетах о Дне города в Джанкое (<https://youtu.be/o659Gsx8OXw>) и мусоре в Перевальном (<https://youtu.be/yNWi4yY3NL4>) использованы приемы телепорта. Оператор перемещает репортера через идентичные по форме и цвету объекты. В первом сюжете камера пролетает через кусты, во втором – движется по разноцветным скоплениям мусора. Стоит отметить, что подобные эксперименты возможны только тогда, когда оператор владеет принципами монтажа и знает, как «склеивать» кадры.

Есть в крымском информационном пространстве и примеры неудачных склеек. Например, в сюжете Анастасии Калугиной в выпуске программы «Вести Крым» от 26.06.2019 11:25 об обрушении дома в Ялте (<https://youtu.be/GANp-IPJEFQ>): по задумке автора, он должен был переместиться со второго этажа на первый. Однако оператор не понял идею и одним неверным движением нарушил задумку репортера. В первом кадре камера ушла вниз, а во втором вышла снизу-вверх, вводя в логическое заблуждение зрителя: речь шла о втором этаже, а камера вышла из-под земли.

Инфотейнмент в информационных программах

Такие элементы проникли в тележурналистику из среды мувимейкинга и клипмейкинга. Нестандартный подход к съемке стендапа можно отнести к инфотейнменту («информируя, развлекай»). Понятие стало особенно актуальным в наше время, хотя глубоко исследователи его начали изучать в начале нынешнего столетия. Сегодня инфотейнмент – одна из современных форм коммуникации. Следует согласиться с высказыванием, что «человека, включившего телевизор, следует удержать у экрана; ему не должно быть скучно, поэтому «интересность» становится основным критерием новостей и аналитики» [1].

На инфотейнмент в информационных программах влияет видеопроизводственная среда (работа студий видеопродакшн по созданию роликов и клипов) и кинематограф. Визуальный язык и динамика, пришедшие на телевидение также из мувимейкинга, успешно адаптировались в информационной медиасреде.

Исследователи отмечают, что информации сегодня «присуща быстрота и регулярность доставки к потребителю, опосредованный, безличный и, в известной степени, стереотипизированный характер. При максимальной экономии времени надо четко сообщить, что, где и когда произошло, а красоты стиля только помешали бы выполнить эту задачу» [2].

Тем не менее, часто от быстроты и оперативности подачи контента страдает качество. В это понятие мы включаем также качественную «картинку» (видеоряд), закадровый текст и другие структурные элементы (стендапы, лайфы, синхроны – их смысловую и визуальную оригинальность).

Телевизионная картинка – это атмосфера события, которую не покажет ни одно печатное СМИ, образное слово репортера и его участие в событии лишь добавляют красок и привлекут местную аудиторию к экранам, ломая стереотипы о региональном телевидении.

Создание качественного контента – одно из основных условий востребованности того или иного канала. Поэтому региональные телестудии, на наш взгляд, должны в первую очередь бороться за аудиторию посредством качества создаваемого продукта, тогда как за оперативность должны отвечать информационные агентства.

Некоторые исследователи (например, А. Рыжов) прогнозируют развитие региональной тележурналистики следующим образом: «В поисках новых форм работы и привлечения зрителя региональные медиараспространители пойдут с ним на широкий контакт, максимально начнут допускать до процессов формирования телевизионной программы, выражения собственного мнения посредством технических возможностей телеканала» [6].

Уже сегодня в условиях конкуренции за качество журналисты телевидения находятся в постоянном поиске идей и смыслов, выстраивая взаимоотношения со зрителями и даже формируя собственный авторский стиль подачи информации. Так, зарубежный репортер Джо Литтл в работах любит себя «размножать»: клоны появляются в кадре по очереди, и каждый дополняет речь предыдущего, т.е. автор размножает себя (от двух до десяти клонов) и ведет дискуссии сам с собой. Технически такой эффект достигается следующим образом: камера стоит на штативе,

кадр статичный. Фигура репортера размножается посредством монтажных эффектов, в данном случае – маски.

Отмечая специфику и выразительные средства современного информационного телевизионного вещания, следует отметить, что наибольшей конкурентоспособностью обладают те материалы, в которых нет привычных схем и штампов, а есть оригинальная форма подачи [2]. С новыми «оттенками» журналистский контент приобретает новое значение для аудитории и вызывает интерес.

Для реализации оригинальных идей съемочные команды все чаще прибегают к использованию современных технических средств – дронов, экшн-камер, осветительных приборов, фототехники (которая дает более яркую «киношную» картинку).

ВЫВОДЫ

Рассуждения о технических возможностях современных телестудий позволяют отметить, что экшн-камеры и квадрокоптеры имеют два основных преимущества в сравнении с габаритными камкордерами ТЖК (телекамерами). Во-первых, снимают нагрузку с оператора во время съемки (для сравнения: камера ТЖК весит 5-8 килограммов, а экшн-камера – до 100 граммов), а во-вторых – позволяют показать объект съемки с такого ракурса, с которого обычным камкордерам снять сложно или даже невозможно технически.

Журналисты и операторы российского регионального ТВ заимствуют приемы у своих зарубежных коллег. Инновационные подходы, технологии и технические средства помогают им экспериментировать и «упаковывать» материал для аудитории в более свободный и доступный формат с целью информирования и развлечения одновременно. Использование инфотейминговых элементов в структуре новостного сюжета помогает авторам выработать собственный стиль.

Список литературы

1. Агамян Е. Ю. L2t как жанр современной медиасферы [Электронный ресурс] / Е. Ю. Агамян // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – №6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/l2t-kak-zhanr-sovremennoy-mediasfery> (дата обращения: 06.10.2019).
2. Анохин А. И. Специфические особенности и выразительные средства информационного телевидения [Электронный ресурс] / А. И. Анохин // Вестник ЧГУ. – 2012. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsificheskie-osobennosti-i-vyrazitelnye-sredstva-informatsionnogo-televeshaniya> (дата обращения: 06.10.2019).
3. Байдина В. С. Тенденции развития и стилистические трансформации телевизионных новостей [Электронный ресурс] / В. С. Байдина // Журналистский ежегодник. – 2017. – №6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-i-stilisticheskie-transformatsii-televizionnyh-novostey> (дата обращения: 06.10.2019).
4. Богданович Г. Ю. Коммуникативные технологии: студенческие медиа и имидж вуза / Г. Ю. Богданович, А. Ю. Калугина. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. – 68 с.
5. Кислая Л. Н. Метод включенного наблюдения как прототип телевизионного лайф-ту-тейп [Электронный ресурс] Л. Н. Кислая // Вестник ЧелГУ. – 2015. – №5 (360). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-vklyuchennogo-nablyudeniya-kak-prototip-televizionnogo-layf-tu-teyp> (дата обращения: 06.10.2019).
6. Рыжов А. В. Тележурналистика как фактор развития малых городов России [Электронный ресурс] / А. В. Рыжов // Вестник ТГУ. – 2008. – №9. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/telezhurnalistika-kak-faktor-razvitiya-malyh-gorodov-rossii> (дата обращения: 06.10.2019).
7. Chris Conte Creative Reporter Stand-Ups [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/zNkvqM0tbU8>
8. Tiffany Liou Tiffany Liou Creative Standups [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/tRkofJLKMDs>

9. Tiffany Liou Tiffany Liou's Reporter/MMJ Reel [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/jvktLnMJz2Y>
10. Joe Little Joe Little 2015 Standups: Look Mom! No Stick Mics! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/lhx6r5zAii4>
11. Joe Little JOE LITTLE STANDUPS 2018! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://youtu.be/27k_aHsNbbI
12. Вести Крым В Перевальном канализационные стоки загрязняют колодцы [Электронный ресурс]. Режим доступа:
13. <https://youtu.be/yNWi4yY3NL4>
14. Вести Крым Джанкою исполнилось 102 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/o659Gsx8OXw>
15. Вести Крым В Крыму появились огромные креветки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/EiAzlNZ854c>
16. Вести Крым Какой он - Бархатный сезон в Крыму? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/8VoNQoRbqwA>
17. Вести Крым Трансформаторная будка испортила облик башни Константина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/hsOa3I9vzQ8>
18. Вести Крым Вспомогательный мост на месте строительства Крымского моста разобран наполовину [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/6h8gYV9hJ8Q>
19. Вести Крым ВЕСТИ-КРЫМ: эфир 26.06.2019 11:25 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youtu.be/GANp-lPJEFQ>
20. Крымский Корпункт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/B1nrnU6C-sD/>
21. Крымский Корпункт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.instagram.com/p/BtgGV_tICdp/
22. Крымский Корпункт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.instagram.com/p/B21GEP7CCKI/>

References

1. Agamyan Ye. Yu. L2t kak Zhanr Sovremennoi Mediasphery [L2t as a Genre of the Modern Mediaspace]. Vestnik NGU. Seria: Istoriya, filologiya. 2014, no 6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/l2t-kak-zhanr-sovremennoy-mediasfery> (accessed 06 October 2019).
2. Anokhyn A. I. Spetsificheskiye Osobennosti I Vyrizitelnye Sredstva informatsionnogo Televeshchaniya [The Specific Features and Expressive Means of Information Broadcasting]. Vestnik ChGU. 2012, no1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsificheskie-osobennosti-i-vyrazitelnye-sredstva-informatsionnogo-televeschaniya> (accessed 06 October 2019).
3. Baydina V. S. Tendentsii Razvitiya I Stilisticheskie Transformatsii Televizionnykh Novostey [The Trends and Stylistic Transformations of Television News]. Zhurnalistskii Yezhegodnik. 2017, no 6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-razvitiya-i-stilisticheskie-transformatsii-televizionnykh-novostey> (accessed 06 October 2019).
4. Bogdanovich G.Yu., Kalugina A. Yu. Kommunikativnye Tekhnologii: Studentcheskie Media I Imidzh Vuza [The Communicative Technologies: Student Media and the Image of the University]. Sinferopol: IT Arial Publ., 2019. 68 p.
5. Kislaya L. N. Metod Vkluchennogo Nabludeniya kak Prototip Televizionnogo Laif-tu-Teip [Included Surveillance Method as a Prototype of Television Life-to-Tape]. Vestnik ChelGU. 2015, no 5 (360). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-vklyuchennogo-nablyudeniya-kak-prototip-televizionnogo-layf-tu-teyp> (accessed 06 October 2019).
6. Ryzhov A. V. Telezhurnalistika kak Faktor Razvitiya Malykh Gorodov Rossii [The TV journalism as a factor in the development of small cities in Russia]. Vestnik TGU. 2008, no 9. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/telezhurnalistika-kak-faktor-razvitiya-malykh-gorodov-rossii> (accessed 06 October 2019).

7. Chris Conte Creative Reporter Stand-Ups. Youtube.com. Available at: <https://youtu.be/zNkvqM0tbU8> (accessed 06 October 2019).
8. Tiffany Liou Tiffany Liou Creative Standups [Электронный ресурс] // youtube.com – Режим доступа: <https://youtu.be/tRkofJLKMds>
9. Tiffany Liou Tiffany Liou's Reporter/MMJ Reel. Youtube.com. Available at: <https://youtu.be/jvktLnMJz2Y> (accessed 06 October 2019).
10. Joe Little Joe Little 2015 Standups: Look Mom! No Stick Mics! Youtube.com. Available at: <https://youtu.be/Ihx6r5zAii4> (accessed 06 October 2019).
11. Joe Little JOE LITTLE STANDUPS 2018! Youtube.com. Available at: https://youtu.be/27k_aHsNbbI (accessed 06 October 2019).
12. Vesti Krym V Pereval'nom Kanalizatsionnye Stoki Zagryazniayut Kolodtsy [Wells are Polluted by Sewers in Perevalnoye]. Youtube.com. Available at: <https://youtu.be/yNW4yY3NL4> (accessed 06 October 2019).
13. Vesti Krym Dzhanhoyu Ispolnilos' 102 Goda [Dzhankoy Turned 102]. Youtube.com. Available at: <https://youtu.be/o659Gsx8OXw> (accessed 06 October 2019).
14. Vesti Krym V Krymu Poyavilis' Ogromnye Krevetki [Huge Shrimp Appeared in Crimea]. Youtube.com. Available at: <https://youtu.be/EiAzlNZ854c> (accessed 06 October 2019).
15. Vesti Krym Kakoi on – Barkhatnyi Sezon v Krymu? [What is the Velvet Season in Crimea?]. Youtube.com. Available at: <https://youtu.be/8VoNQoRbqwA> (accessed 06 October 2019).
16. Vesti Krym Transformatsionnaya Budka Isportila Oblik Bashni Konstantina [The Transformer Booth Spoiled the Appearance of the Tower of Constantine]. Available at: <https://youtu.be/hsOa3I9vzQ8> (accessed 06 October 2019).
17. Vesti Krym Vspomogatel'nii Most na Meste Stroitel'stva Krymskogo Mosta Razobran Napolovynu [The Auxiliary Bridge at the Construction Site of the Crimean Bridge is Half Disassembled]. Available at: <https://youtu.be/6h8gYV9hJ8Q> (accessed 06 October 2019).

18. Vesti Krym VESTI-KRYM: efir 26.06.2019 11:25 [VESTI-CRIMEA: broadcast 06/26/2019 11:25]. Available at: <https://youtu.be/GAHP-IPJEFQ> (accessed 06 October 2019).
19. Krymskii Korpunkt [The Crimean bureau]. Instagram.com. Available at: <https://www.instagram.com/p/B1nrnU6C-sD/> (accessed 06 October 2019).
20. Krymskii Korpunkt [The Crimean bureau]. Instagram.com. Available at: https://www.instagram.com/p/BtgGV_tICdp/ (accessed 06 October 2019).
21. Krymskii Korpunkt [The Crimean bureau]. Instagram.com. Available at: <https://www.instagram.com/p/B21GEP7CCKI/> (accessed 06 October 2019).

CONTENT OF REGIONAL TV JOURNALISM: STANDAP (DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE)

Bogdamovich G.Y., Kalugina A.Y.

The stand-up is the main and integral part of the structure of the information story on television. The format of the journalist's speech to the audience has changed and now continues to transform. Dynamics appeared in the frames, the journalist became more "mobile". Sometimes a standup becomes a carousel for the viewer, which is achieved due to installation and operator capabilities thanks to modern technologies (wide-angle cameras, action cameras, drones, etc.). Editing video transitions allowed journalists and cameramen to go beyond the tradition and get creative freedom, develop your own style.

Keywords: communication, regional content, stand-up, infotainment

УДК 070

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ СМИ В КУЛЬТУРЕ ДИАСПОР (НА ПРИМЕРЕ ПЕЧАТНЫХ МЕДИА ГЕРМАНИИ)

Егорова Л. Г., Балла К. В.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: legora@list.ru

В целях сохранения этнокультурной уникальности и поддержания межэтнических отношений социальные группы людей испытывают необходимость в собственном коммуникативном и информационном поле, которое могло бы, с одной стороны, консолидировать, а с другой – защищать от информационной агрессии, а потому СМИ той или иной диаспоры помогают удовлетворять потребности представителей этнической группы в публичной коммуникации, участвуют в освещении жизни диаспоры, помогают получению информации о стране проживания, способствуют сохранению культурных, информационных связей с исторической родиной, а также организации межкультурного диалога. Все вышеперечисленные факторы становятся определяющим мотиватором необходимости глубокого изучения диаспоральных СМИ, в которое входит анализ их типологической модели, тематики, стиля, особенностей подачи информации. В настоящее время наблюдается повышение социальной значимости русскоязычных масс-медиа в странах ближнего и дальнего зарубежья в связи с возросшим количеством русскоговорящих граждан за рубежом и активным развитием системы русскоязычных медиа в различных странах. В представленной статье проанализированы особенности русскоязычных печатных медиа Германии.

Ключевые слова: русскоязычные печатные СМИ, пресса диаспор, Германия, идентичность, этническая журналистика.

ВВЕДЕНИЕ

В научной литературе [1; 3; 4] встречаются различные подходы к проблеме классификации русскоязычных СМИ за рубежом. Широко принятым является разделение на СМИ дальнего зарубежья (главные задачи – интеграция мигрантов в локальную среду и объединение соотечественников) и СМИ ближнего зарубежья (аудитория – не диаспора, а коренные русскоговорящие граждане, такие СМИ стремятся закрепиться в группе влиятельных информационных и аналитических медиа). Термин «диаспора» сегодня применяется для обозначения любых групп людей, которые по определенным причинам проживают вне страны своего происхождения. В качестве сущностных признаков диаспоры можно назвать стремление ее членов к сохранению контактов со страной исхода и наличие

социальных институтов, обеспечивающих ее развитие и функционирование. Базовым условием существования и развития диаспоры является сочетание выраженной и четкой коллективной этнокультурной идентичности с гармоничным включением ее в межнациональные культурные процессы. СМИ играют существенную роль в развитии и укреплении идентичности внутри каждой диаспоры, поскольку обеспечивают потребность последней в собственном информационном поле, а это, в свою очередь, ведет к появлению этнической журналистики. В данной статье мы будем исходить из понимания этнической журналистики как комплекса СМИ диаспор, обеспечивающих познание представителями определенного этноса своего этнического бытия, формирующих условия для консолидации и интеграции этноса, сохранения и развития его культурной самобытности и транслирующих информацию на языке этноса. Системообразующим признаком всех СМИ русского зарубежья независимо от их типа, тематики и целей исследователи называют русский язык. По языковому признаку этнические СМИ можно разделить на мооязычные, выходящие исключительно на языке этноса, и использующие два или более языков. Цель статьи – дать характеристику структуры русскоязычного медиапространства, представить анализ типологической модели и контентного наполнения русскоязычных средств массовой информации в зарубежной среде, описать жанрово-стилистические особенности отдельных диаспоральных печатных изданий Германии (период 2017–2019 гг.).

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Германия является страной с многочисленной русскоязычной диаспорой. Еще в начале 1920-х годов страна стала центром притяжения русской эмиграции: к концу 1920 года только в Берлине насчитывалось около 300 тыс. русских беженцев [2]. Именно в первой половине 1920-х годов и сформировалась крупная русскоязычная диаспора, чему способствовал ряд факторов: географическая близость страны, давние культурные и экономические связи, немаловажным фактором стала и невысокая стоимость жизни [5]. Показательно, что внутренние проблемы русскоязычной общины и ситуация на исторической родине интересовали

представителей диаспоры больше, чем политические и социально-экономические проблемы Германии [2]. Вторая (1940–1950-е годы) и третья (1970-е годы) волны эмиграции в Германию также носили вынужденный характер. И только миграция четвертой волны (с конца 1980-х) была преимущественно добровольной. Германия стала страной, принявшей наибольшее число русскоязычных мигрантов четвертой волны. Некоторые источники утверждают, что в Германии число русскоговорящих достигает 3 млн человек [7]. Именно после начала массовой миграции четвертой волны и произошло, по мнению исследователей, формирование современного русскоязычного медиапространства Германии [6]. Ученые выделяют три этапа развития современного медиарынка русскоязычных СМИ в стране: на первом этапе наблюдался активный рост числа СМИ (середина 1990-х), на втором этапе стали развиваться медиа, адресованные еврейскому населению (2000-е года) и на третьем этапе начали появляться двуязычные СМИ (во второй половины 2000-х) [6]. Представим структуру русскоязычного медиапространства Германии на примере наиболее показательных печатных медиа.

С 1996 года группой RusMedia издается еженедельная независимая газета «Русская Германия», распространяющаяся по всей территории страны. Газета позиционирует себя как одно из старейших и наиболее влиятельных современных изданий на русском языке в Западной Европе, а свою задачу видит в помощи русскоязычным иммигрантам успешно интегрироваться в культурное пространство Германии, не потеряв при этом собственную культуру и родной язык; ее тираж достигает 70 тысяч экземпляров. Целевая аудитория «Русской Германии» – представители русскоязычной диаспоры-выходцы из стран бывшего Советского Союза, а также коренные немцы, владеющие русским языком, семейные люди в возрасте 30–49 лет, со средним и высоким доходом. Издание освещает политические, общественные, экономические, культурные, спортивные новости Германии, Европы, постсоветского пространства. Кроме того, в каждом выпуске есть специализированные рубрики: «Частная жизнь» (рубрика частных объявлений), «Что и Как в Германии» (информационно-справочная рубрика), «7+7я» (телевизионное приложение с программой российских, украинских и немецких телеканалов).

Еженедельная иллюстрированная газета «Европа-Экспресс» (холдинг «Werner Media Group»), тираж около 100 тысяч экземпляров, издается с 2001 года, рассчитана на широкую аудиторию. Тематика публикаций включает события в сфере политики и экономики, культуры; новости Германии, репортажи о судьбах и повседневной жизни представителей диаспоры; советы для мигрантов, юридические консультации по немецкому законодательству; новости стран бывшего СССР. «Еврейская панорама» (холдинг «Werner Media Group») – иллюстрированная еженедельная газета. Тираж составляет 50 000 экз. Издание адресовано всем, кто интересуется историей, культурой, традициями, проблемами и достижениями еврейского народа. Кроме того, издание активно обращается к событиям с постсоветского пространства. Немецкоязычный вариант издания, выпускавшийся под названием «Jüdische Zeitung» прекратил свое существование в 2014 году.

Ежемесячная газета «Вести» выходит с 2002 года. Ее тираж достигает 95 тысяч экземпляров. Аудитория издания – русскоязычные эмигранты и переселенцы разного возраста и социального положения, проживающие в Германии. Издание ориентировано на людей активных, интересующихся политикой, культурой, путешествиями, социальными процессами в Германии и стране бывшего проживания. Газета позиционирует себя как СМИ, которое пропагандирует здоровый образ жизни, имеет собственную идеологию и систему ценностей, центральное место в которой занимает понятия качества в отборе информации, выборе тем, написании текстов, а также в оформлении и печати.

Ежемесячный информационно-рекламный полноцветный журнал «Партнер» издается с 1997 года. Рубрики – новости, каталог русских фирм Германии, вопросы-ответы, телевизионная программа, афиша. Объем издания составляет 116–124 страницы, тираж достигает 18 тысяч экземпляров. Распространяется журнал по всей Германии, аудитория – русскоговорящие жители Германии всех возрастов.

Иллюстрированный ежемесячный русско-немецкий журнал «Neue Zeiten» освещает различные вопросы общественной и политической жизни Германии и всего мира. В издании публикуются новости политики, экономики, общественной жизни,

культуры и спорта. Целевая аудитория журнала – русскоговорящие жители Германии, а также туристы. Тираж составляет 20 тысяч экземпляров.

Газета «Карьера» выходит ежемесячно. Основная тематика издания – проблемы рынка труда, экономики и бизнеса, издание публикует аналитические материалы и прогнозы. Значительную долю контента составляют объявления о трудоустройстве, а также информация для работников и работодателей. Аудитория – трудоспособное русскоговорящее население Германии.

Специализированный туристический журнал «Русский Вояж» ориентирован на участников туристического рынка русских туристических бюро и фирм Германии, сотрудников авиакомпаний и прочих предпринимателей в области туризма. Выходит тиражом 5 тысяч экземпляров 6 раз в год.

Газета «Закон и люди» – единственное рецензируемое издание, посвящённое вопросам юридических наук. Миссия издания – предоставлять качественную информацию по правовой тематике. Газета публикует информационные и аналитические материалы на правовую и экономическую тематику, проводит мониторинг законотворческого процесса в Германии.

Газета «Слово и дело» была основана в 2001 году обществом «Защита и помощь в интеграции». Издание публикует материалы по вопросам интеграции в бытовую, общественную, культурную и профессиональную сферы жизни Германии, рекламу. Выходит ежемесячно.

«Блеск» – русскоязычный элитарный журнал для женщин. Тематика издания – мода, шопинг, досуг, красота и здоровье. Издание ориентировано на женщин с высоким уровнем доходов. На женскую аудиторию рассчитан также ежемесячный журнал «Светлана в Германии». Издание распространяется бесплатно. Тематика журнала – красота и здоровье, мода, отношения, путешествия, жизнь звезд. В издании публикуются гороскоп, рецепты, анекдоты.

Журнал «Берлинский телеграф» информирует о событиях, происходящих в Германии, а также странах ближнего и дальнего зарубежья. Рубрики издания – политика, экономика, культура, общество, эксклюзив. Особое внимание уделяется

информации об изменениях в законодательстве. Издается с 2014 года. Журнал позиционирует себя как независимое информационное качественное издание.

С 2015 года издается литературный журнал «Берлин. Берега». Издание выходит дважды в год, тексты публикуются на русском и немецком языках. Позиционирует себя как журнал о Германии, наполненный произведениями русскоязычных литераторов. Рубрики журнала: «Проза», «Дебют», «Поэзия», «Переводы», «Эссеистика и публицистика», «Интервью», «Рецензии», «Театр».

Ежемесячный журнал «Рейнское время» издается с 2004 года. Тематика издания – события земли Северного Рейна-Вестфалии и Германии в целом, информация об общественно жизни, культурных мероприятиях, досуге, а также рекламно-справочная информация. Издание также публикует информацию от Генконсульства РФ и посольств стран СНГ. Журнал распространяется бесплатно.

В целом следует отметить, что русскоязычные СМИ выполняют функцию консолидации диаспоры, сохранения культурной идентичности, связей с исторической родиной, способствуют интеграции мигрантов в этнополитические, экономические и культурные реалии страны проживания, о чем свидетельствует их тематическая направленность. Большая часть изданий не ограничивается местными новостями, стараясь охватить достаточно широкий пласт информации, публикуя новости стран постсоветского пространства, мира.

Представим результаты анализа русскоязычных печатных СМИ Германии (с открытыми для широкой аудитории интернет-версиями выпусков) по разработанной нами схеме: название СМИ, дата основания, главный редактор, ссылка на интернет-версию, периодичность, тираж, объем, тематическая направленность, жанрово-стилистические особенности.

Газета «Heimat – Родина». Издается с декабря 1997 года, в 2019 году стала выходить электронная версия. При этом значительно поменялась направленность и контент СМИ. Главный редактор – Вероника Хилз. URL: <http://www.heimat-rodina.de/> Периодичность – ежемесячно. Тираж не указан. Объем – 24 полосы. В издании освещаются актуальные события в политике, обществе, экономике и культуре. Основная цель газеты обеспечить членов диаспоры информацией о политической,

экономической, социальной и культурной жизни в Германии, всесторонне освещать жизнь местной русскоязычной общины, информировать о происходящем в кёльнских общественных организациях, традиционных религиозных объединениях и социально-политических структурах. Издание стремится показать позитивные примеры из жизни, рассказывать о неординарных людях, чтобы подрастающему поколению было к чему стремиться. Рубрики «Heimat – Родина»: Новости, Экономика, Политика, Общество, Культура, Спорт, Благотворительность. В издании преобладают информационные жанры: заметки, хроники, отчеты, статьи, информационное и портретное интервью.

Для текстов издания, в том числе относящихся к информационным жанрам, характерно открытое выражение авторской оценки, яркое субъективное начало. Например, *«Школьные страдания в Кельне продолжаются. Ответственность за это несут совет и администрация города, которые в течении многих лет не могут удовлетворить растущую потребность в общеобразовательных школах»* («Heimat – Родина», апрель 2019). Авторы часто апеллируют к эмоциям читателя: *«Детки, превозмогая боль, пытаются учиться, ждут праздников и гостей. Те, кто хоть раз побывал у них, уже никогда не забудет эти глаза, очень добрые и очень мудрые, полные жизни, боли и сострадания к другим. Пообщавшись с этими ребятами и их родителями, многие переосмысливают жизненные ценности, становятся добрее»* («Heimat – Родина», март 2019).

Газета «Русская Германия». Издается с 1996 года. Главный редактор – Борис Фельдман. URL: www.rg-rb.de Периодичность выхода – еженедельник. Тираж – 70 тысяч экземпляров. Объем – 20–28 полноцветных полос. Газета освещает политические, экономические, социальные, культурные и спортивные события Германии, стран бывшего Советского Союза, мира. Значительное внимание уделяют журналисты издания криминальной хронике. Основные рубрики газеты: Первая полоса, Темы недели, Болельщик, Заметки пристрастного наблюдателя. Кроме того, 4 полосы издания отведены под частные объявления, в каждом номере выходит рубрика «Что и Как в Германии» (ответы на вопросы, полезные советы, справочная информация). Также газета имеет приложение «7+7я» с программой российских,

украинских и немецких телеканалов на неделю. В издании наиболее активно используются информационные жанры: заметка, отчет, хроника. Аналитические жанры встречаются редко, главным образом представлены статьями.

«Русская Германия» оперирует яркими, эмоциональными заголовками: *«Кибербезопасность Германии и элиты порвет даже ребенок»* («Русская Германия», № 2, 2019); *«Демон сепаратизма»* («Русская Германия», № 29, 2018), *«Сообразили Сирию на четверых»* («Русская Германия», № 44, 2018), *«Профсоюзы положили работодателей на лопатки»* («Русская Германия», № 10, 2019). В текстах издания активно используются оценочная лексика, например: *«В немецком городе совершено шокирующее убийство. Сирийский беженец Абу Марван (Abi Marwan) убил свою жену на глазах у их ребёнка и после провёл трансляцию в Facebook, подробно рассказав о случившемся... Трагедия произошла в городе Мюлаккер в федеральной земле Баден-Вюртемберг, где Абу Марван проживал вместе с 37-летней женой, дочерью и сыном»* («Русская Германия», №11, 2018); *«Некоторые российские агентства тут же поспешили распространить заявление «лидера русского движения Латвии» Руслана Панкратова (некогда соратника Нила, изгнанного им из «Согласия»). Он радостно сказал, что мэр задержан и направлен в СИЗО. Хотя мэр после обыска в Межапарке вышел из дома с супругой, прекрасный и свободный»* («Русская Германия», №15, 2019); *«Недавний пример безответственного поведения ливанцев случился весной 2016 года. Несколько стай аистов пролетели низко над Бейрутом. Охотники Бейрута расстреливали их с улиц, балконов и крыши. Эта бойня была настолько ужасной, что посол Польши направил президенту Ливана жалобу на убийство этой любимой на его родине гнездящейся птицы. Но ничего с тех пор не изменилось»* («Русская Германия», №13, 2019).

Газета «Еврейская панорама». Издается с сентября 2002 года под названием «Еврейская газета», в 2014 году из-за конфликта с издателем коллектив газеты запустил новый проект «Еврейская панорама». Главный редактор – Михаил Гольдберг. URL: <http://evrejskaja-panorama.de/> Периодичность выхода – ежемесячно. Тираж – 6 тысяч экземпляров. Объем – 72 полосы. Издание ориентировано на русскоязычную еврейскую диаспору Германии, а также людей, владеющих русским

языком и интересующихся еврейской историей и культурой, современными событиями в жизни еврейского народа. Освещает события политической, общественной жизни, новости культуры, историю Германии, Израиля и постсоветского пространства. Рубрики – Германия, Израиль, Постсоветское пространство, Диаспора, Вера и традиция, Недельные чтения Торы, История и современность, Презентация (знакомит аудиторию с писателями, философами, учеными), Книжная полка, Даты и люди, Наука и техника, Юмор. Тематика и характер оценок событий позволяет говорить о том, что издание имеет четко выраженную идеологическую позицию. На страницах издания представлены заметки, отчеты, обзоры, репортажи, интервью, статьи, обзоры, рецензии, очерки. В заголовочных комплексах авторы активно используют прецедентные тексты, фразеологизмы, в том числе в трансформированном виде, например: *«Неладно что-то в Датском королевстве...»* Как страна всего за одно поколение стала другой» («Еврейская панорама», март 2019); *«Поди туда не знаю куда, победи то не знаю что. Германия по-прежнему продолжает имитировать борьбу с антисемитизмом»* («Еврейская панорама», январь 2019); *«Посеявший ветер пожнет бурю. Германии придется дорого заплатить за политику Меркель»* («Еврейская панорама», январь 2019); *В старом мрачном анекдоте привезенный в реанимацию пациент с надеждой в голосе спрашивает: «Доктор, я буду жить?» И получает философский ответ вопросом на вопрос: «А смысл?» Эта не слишком жизнеутверждающая история вспомнилась мне в начале мая. После того как избрание очередного – 18-го за последние три десятилетия – лидера не смогло удержать СДПГ от очередного рекордного падения популярности* («Еврейская панорама», июнь 2018). Распространенным приемом является апелляция к читателю в форме непосредственного обращения или отождествление себя с аудиторией, проявляющееся в использовании местоимения «мы»: *«Поскольку Мьянма – страна от нас далекая, и большинство из нас мало понимает в происходящих там событиях, полезно разобраться, кто там кого преследует. Все мы, например, давно знаем, что мирную религию ислам преследует кровавая израильская военщина»* («Еврейская панорама», октябрь 2017). Следует отметить и частое присутствие

личности автора в тексте: *«На одной из моих самых любимых карикатур изображены два космонавта, только что высадившиеся на Луну»* («Еврейская панорама», март 2019), *«Я давно обратила внимание на машины, на бамперах которых красуются наклейки, оглашающие миру, что хозяин сего транспортного средства – сторонник того или иного кандидата в президенты»* («Еврейская панорама», март 2019).

Журнал «Берлинский телеграф». Издаётся с 2014 года. Главный редактор – Александр Бойко. URL: <http://berliner-telegraph.de/> Периодичность выхода – ежемесячно. Тираж – 33 тысячи экземпляров. Объем – 36 полос. Рубрики издания – Главная тема, Культура, Бизнес, Германия, Берлин, Мир и пр. Издание в основном публикует большие по объёму материалы таких жанров, как репортаж, интервью, отчет, статья, обзор, очерк. Авторы предпочитают информативные, без чрезмерной эмоциональности заголовки: *«Berlinare-69. Итоги»* («Берлинский телеграф», март 2019), *«США усиливают давление на Турцию из-за российских вооружений»* («Берлинский телеграф», март 2019), *«Отложить не значит отменить. Как Россия и Германия прокладывают мост к отмене санкций»* («Берлинский телеграф», июнь 2017). В целом журналу присуща стилистика качественной прессы, что проявляется в использовании большого количества цитат, оперировании цифрами и фактическими данными. Для обеспечения диалога с читательской аудиторией авторы текстов предпочитают использовать риторические восклицания, риторические вопросы: *«Кого эта чернуха заботит? Все вроде бы счастливы. Но как быть тем, над кем всласть поиздевались? Если информация не соответствует правде? Если она содержит оскорбления или скабрёзные детали и настолько интимна, что человек не может смотреть в глаза знакомым? Это стало в интернете регулярной практикой»* («Берлинский телеграф», июль 2017).

Итак, жанровая палитра проанализированных СМИ представлена в основном информационными жанрами, такими как заметки, отчеты, репортажи. Востребованным является жанр интервью – информационное, аналитическое, а также портретное. Из художественно-публицистических жанров задействован очерк, в редких случаях эссе (в основном в СМИ культурологической направленности). Стилистические особенности контента значительной части проанализированных

нами СМИ сводятся к максимальной адаптации информации для широкого круга читателей. В качестве особенностей периодики диаспор можно назвать активное использование эмоционально окрашенной лексики, даже в материалах информационных жанров.

ВЫВОДЫ

Своей главной целью СМИ диаспор ставят формирование благоприятной среды в стране пребывания для представителей сообщества. При всей неоднородности медиапространства, формируемого русскоязычными СМИ за рубежом, эти медиа способствуют процессам аккультурации, которые обеспечивают сохранение культурной идентичности одновременно с включением человека в новую культурную среду. СМИ диаспоры помогают ему ориентироваться в новом обществе, закладывают основы для благополучного проживания в новой стране, являются понятным источником информации о политическом устройстве государства, особенностях законодательства, культурного кода и пр. Формирование современного русскоязычного медиапространства Германии произошло после начала массовой миграции четвертой волны и датируется началом 1990-х гг. Сегодня структура русскоязычных СМИ Германии отражает структуру русскоязычной диаспоры страны: здесь есть СМИ, ориентированные на выходцев из стран бывшего СССР, на представителей еврейской русскоязычной диаспоры, на русскоговорящих немцев.

Список литературы

1. Воронова, О. А. Структура и типология современной русскоязычной зарубежной прессы. Часть 1. Контекстуальная специфика русскоязычной зарубежной прессы / О. А. Воронова // Медиаальманах. – 2016. – № 3. – С. 54–62.
2. Ильина, Н. Л. Русская эмиграция в Веймарской Германии: социально-психологический портрет / Н. Л. Ильина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2015. – № 6 (69). – С. 48–51.

3. Кошкарлова, Н. Н. Русскоязычные СМИ Китая как инструмент формирования медиаимиджа страны и мира / Н. Н. Кошкарлова // Политическая лингвистика. – 2017. – № (65). – С. 85–88.
4. Куренной, В. А. Структурный анализ русскоязычных печатных СМИ в Германии [Электронный ресурс] / В. А. Куренной. – Режим доступа : <http://refdb.ru/look/3411844.html>. (Дата обращения: 10.04.2019)
5. Попов, М. Е. Российская диаспора в Германии (1921-1923): численность, состав и материальное положение / М. Е. Попов // Манускрипт. – 2017. – №12 (86). – Ч. 1. – С. 154–157.
6. Смолярова, А. С. Функционирование русскоязычной прессы в современной Германии (социально-политический аспект) : дис. ... канд. полит. наук : 10.01.10 / А. С. Смолярова. – СПб., 2014. – 227 с.
7. Численность русских мигрантов, беженцев и переселенцев в Германии, а также мигрантов из других стран [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gu-geld.de/statistik/how-many-migrants.html> (Дата обращения 10.04.2019).

References

1. Voronova O. A. *Struktura i Tipologija Sovremennoj Russkojazychnoj Zarubezhnoj Pressy. Chast' 1. Kontekstual'naja Specifika Russkojazychnoj Zarubezhnoj Pressy* [Modern Russian-language Foreign Printed Media Structure and Typology. Part 1. The Contextual Features of Russian Language Foreign Printed Media]. *Mediaal'manah*, 2016, no 3, pp. 54-62.
2. Il'ina N. L. *Russkaja Jemigracija v Vejmarskoj Germanii: Social'no-Psihologičeskij Portret* [Russian Emigration in Weimar Germany: Social and Psychological Portrait]. *Učenyje zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2015, no 6 (69), pp. 48-51.
3. Koshkarova N. N. *Russkojazyčnye SMI Kitaja Kak Instrument Formirovanija Mediaimidzha Strany i Mira* [Chinese Mass Media in Russian as a Tool to Make Media Image of the Country and the World]. *Politicheskaja lingvistika*, 2017, no 5 (65), pp. 85-88..

4. Kurennoj V. A. *Strukturnyj Analiz Russkojazychnyh Pечатnyh SMI v Germanii* [Russian-language Printed Media in Germany Structural Analysis]. Available at: <http://refdb.ru/look/3411844.html>. (accessed: 10.04.2019)
5. Popov M. E. *Rossijskaja Diaspora v Germanii (1921-1923) : Chislennost', Sostav i Material'noe Polozhenie* [The Russian Diaspora in Germany (1921-1923) : Number, Composition and Material Status]. *Manuskript*, 2017, no 12 (86), P.1, pp. 154-157.
6. Smoljarova A. S. *Funkcionirovanie Russkojazychnoj Pressy v Sovremennoj Germanii (Social'no-politicheskij Aspekt): Dis. ... Kand. Polit. Nauk* [Russian language Press Functioning in Modern Germany (Social and Political Aspect: Candidate of Sciences in Politics Thesis]. – Saint-Petersburgh, 2014. 227 p.
7. *Chislennost' Russkih Migrantov, Bezhencev i Pereselencev v Germanii, a takzhe Migrantov iz Drugih Stran* [The Population of Russian Migrants, Refugees and Settlers in Germany along with Migrants from Other Countries]. Available at: <https://ru-geld.de/statistik/how-many-migrants.html>. (accessed: 10.04.2019)

RUSSIAN-LANGUAGE MASS MEDIA IN DIASPORA CULTURE (ON THE EXAMPLE OF PRINTED MEDIA OF GERMANY)

Egorova L. G., Balla K. V.

In order to preserve ethnic and cultural identity and maintenance of inter-ethnic relations social groups of people experience the need for own communicational and informational field that could on the one hand consolidate, and on the other hand protect from informational aggression and therefore mass media of diaspora play significant role in the development and enhance of identity of diaspora. Media contribute to the serving the needs of ethnic group members in public communication, the coverage of diaspora life, getting information about the country of residence, preserving cultural, informational links with the historical native land and facilitating of intercultural dialogue. All the factors mentioned above determine need to detailed study of diaspora mass media, that include analysis of typological model, thematic, style, features of the information presentation. Nowadays there is an increase in social significance of Russian-language mass media abroad due to increasing number of Russian speakers and active development of Russian-language media system in different countries. Given article provides analysis of the features of Russian-language printed media in Germany.

Keywords: Russian-language printed media, diaspora press, Germany, identity, ethnic journalism.

РОССИЙСКИЙ КРЫМ В ПУБЛИКАЦИЯХ АМЕРИКАНСКИХ СМИ 2014-2019 ГОДОВ: ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ СИМУЛЯКРА

Мащенко А. П.

**Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия**

В статье анализируется образ Крыма в средствах массовой информации США после воссоединения полуострова с Россией. Изучение публикаций «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост», «Ю-Эс-Эй Тудэй», «Лос-Анджелес Таймс», «НэшнлИнтерест» и других медиа позволяет увидеть полуостров глазами иностранных журналистов и их аудитории и сравнить эту «картинку» с истинным положением дел на полуострове.

Крупнейшие американские издания описывают Крым в соответствии с официальной версией Вашингтона – как оккупированную Россией украинскую территорию. За без малого шесть лет, которые полуостров прожил в составе России, в СМИ США появились сотни статей, рассказывающих о положении дел в регионе. При этом, по их версии, полуостров переживает тяжелый экономический кризис, обусловленный, во-первых, международными санкциями, во-вторых, энергетической, водной, транспортной, продовольственной блокадой со стороны Украины.

Это параллельная, вымышленная реальность, симулякр, сконструированный американскими и европейскими политиками и журналистами в ходе информационной войны против России. Такая оценка ситуации в Крыму обусловлена, с одной стороны, геополитическими интересами США – несмотря на декларируемую независимость, ведущие американские СМИ выражают официальную точку зрения Белого дома. С другой – и над редакторами, и над журналистами довлеют антироссийские стереотипы, которые складывались на Западе даже не десятилетиями, а столетиями. Еще один важный аспект – психологическая травма, полученная американским истеблишментом в результате воссоединения Крыма с Россией. Это событие было воспринято как поражение не только Украины, но и США – и это хорошо прослеживается в текстах многих публикаций.

При этом, безусловно, Крым рассматривается не как объект, а как субъект, как карта в большой геополитической игре, ключевой регион Причерноморья, борьба за который идет уже не первое столетие. «Крымская история» является частью другой «истории», гораздо большей, которая охватывает события на Донбассе, в других регионах Украины, на всем постсоветском пространстве и по его периметру, включая Турцию, Сирию, Ирак.

Ключевые слова: Крым, Россия, США, средства массовой информации, «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост», симулякр.

ВВЕДЕНИЕ

Весной 2014 года Крым стал центром не только украинской или российской, но и международной политики. В те дни здесь одновременно работали несколько сот репортеров со всего мира – от США до Австралии и от Европы до Латинской Америки.

Воссоединение Крыма с Россией стало крупнейшим поражением не только, а может быть даже и не столько Украины, сколько ее западных патронов; и смириться

с ним они пока не в состоянии. С тех пор прошло уже почти шесть лет, однако США и их союзники по-прежнему отказываются признавать российский статус полуострова, а «крымская тема» не сходит с экранов и страниц крупнейших зарубежных средств массовой информации.

Против России и Крыма введены масштабные экономические санкции и ведется тотальная информационная война. Конечная цель этой кампании – вернуть полуостров в состав Украины.

В первую очередь именно эти факторы и определяют актуальность настоящего исследования. Мы сосредоточимся на детальном анализе того, как изображается Крым в средствах массовой информации США в 2014 – 2019 годах, то есть, после воссоединения полуострова с Россией.

По сути, это исследование «крымских материалов» американских средств массовой информации периода 2014 – 2019 годов – первая систематическая работа такого рода. Она позволяет увидеть полуостров глазами иностранных журналистов и их читателей, зрителей, слушателей, сравнить эту «картинку» с истинным положением дел на полуострове и попытаться объяснить разницу между двумя реальностями - медийной и настоящей.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Воссоединение Крыма с Россией в марте 2014 года на несколько месяцев стало главной темой крупнейших мировых средств массовой информации и навсегда изменило не только Крым, Россию, Украину, но и весь мир. Позже, в мае 2014 года гражданская война на материковой Украине отодвинула крымскую тему в мировых медиа на второй план, однако она не исчезла и не исчезнет из сферы их внимания на протяжении ближайших лет, а может быть и десятилетий, в течение которых Крым, весьма вероятно, будет существовать в составе России как частично признанная международным сообществом территория.

США и их союзники ведут информационную войну против России – об этом не раз говорили в последние годы и президент РФ Владимир Путин, и министр

иностраннных дел Сергей Лавров. То же самое констатируют эксперты-политологи, историки, журналисты.

«События, разворачивающиеся сегодня в глобальном информационном пространстве, с новой силой демонстрируют место и роль технологий формирования сознания мировой общественности в арсенале инструментов заокеанских стратегов, используемых с целью реализации внешнеполитических задач США. Информационная война и санкционное давление на Россию вследствие ее последовательной линии на защиту своих жизненно важных интересов, своего народа, языка и русского культурного пространства в целом, ярко подтверждают известный тезис американских политологов о том, что тенденции в развитии международных отношений будут только усиливать значение «мягкой силы» в общем властном балансе государств, прежде всего США, сочетающих военные и невоенные компоненты в своей международной деятельности». [8, с.307-308].

В особенно острую стадию «невоенные боевые действия» перешли после воссоединения Крыма с Россией. С тех пор полуостров описывается в западных СМИ как оккупированная (аннексированная) Россией территория Украины, где систематически нарушаются права человека.

На протяжении пяти с половиной лет новейшей истории российского Крыма в ведущих средствах массовой информации США и других стран Запада появились тысячи материалов, рассказывающих о положении дел на полуострове (в одной только «Нью-Йорк Таймс» с марта 2014 по ноябрь 2019 года опубликовано более двух тысяч статей и заметок, содержащих слово «Крым»).

При этом, увы, абсолютное большинство этих материалов изображают ситуацию на полуострове предвзято. Российский Крым для ведущих западных медиа - это оккупированная депрессивная территория, где массово нарушаются права человека, население которой живет в бедности и страхе перед агрессором.

То, что крымчане считают воссоединением с Россией, западные СМИ называют «аннексией». Практически все «крымские публикации» ведущих американских и европейских медиа объединяет употребление журналистами в отношении судьбы

полуострова глагола «аннексировать», который означает «насильственно присоединять, захватывать территорию чужого государства».

Аннексия или воссоединение? Оккупация или свободное возвращение в Россию? Сепаратизм или ирредентизм? Выбор лексики – очень важный элемент современной информационно-пропагандистской кампании. Именно он создает ощущение принадлежности к одному и тому же лагерю или, наоборот, порождает недоверие и враждебность... «Занимаются этим профессионалы от коммуникации, это они придумывают формулировки и клише, которые удобно повторять и которые потом прочно войдут в обиход и замелькают на первых страницах периодических изданий. Именно так все и было, когда разразился украинский кризис», - отмечает Ги Меттан. - «Самый простой способ дискредитировать Россию – через тщательно отобранную лексику. Освещая украинский конфликт, можно писать о «воинствующих сепаратистах Донбасса», а можно – об «антиукраинских сопротивлениях». Можно говорить об «аннексии Россией Крыма» - а можно о «возвращении Крыма в лоно России-матушки». А ведь речь идет об одних и тех же людях и событиях» [4, с.365].

«Если проанализировать язык прессы в начале конфликта и проследить за его развитием (это касается любых конфликтов вообще), то нетрудно засечь момент, когда агентства по коммуникации, ответственные за разработку риторики, формируют клише; затем их подхватывают западные СМИ, которые направляют общественное мнение в желаемое русло. В 2014-м, когда разразился украинский кризис, в распоряжение украинского правительства было послано несколько десятков американских специалистов по коммуникации, они-то и разработали антирусский «новояз» [4, с.365-366].

Чтобы убедить, не надо лгать, надо просто правильно представить факты, выстроить аргументацию, подобрать соответствующие слова. Именно так, слово за слово, западной прессой создается лубочная картинка «доброго американского дяди» и, в противовес ей, страшный образ русского «злодея».

«Аннексия» Крыма Россией – не подлежащая сомнения данность, фундамент, основываясь на котором американские СМИ строят свой метарассказ о новейшем периоде истории региона. Таким образом аудитории изначально навязывается тезис

о незаконном, насильственном захвате полуострова Россией, а предыстория и итоги референдума о воссоединении попросту игнорируются.

Рассказывая о российском Крыме, американские медиа делают акцент на нескольких аспектах. Первый из них – военный. Пристальное внимание обращается на модернизацию базирующегося в регионе Черноморского флота. Западные журналисты и эксперты опасаются наращивания военной мощи России, прекрасно понимая, что она является гарантом нерушимости нового статуса полуострова.

«На фоне напряженности Россия разворачивает в Крыму передовую ракетную систему класса «земля-воздух», - тревожится в одном из своих материалов «Вашингтон Пост». - После аннексии Крыма военно-морской флот России значительно укрепил части Черноморского флота, дислоцированные в Севастополе и Крыму, и перебросил подразделения из своего Южного военного округа на полуостров, разместив там контингенты артиллерии, воздушно-десантных войск, авиации» [15].

Новый российский Крым в кривом зеркале западных СМИ – это напичканный сверхсовременным вооружением регион со стагнирующей под влиянием санкций «международного сообщества» экономикой и падающим уровнем жизни населения. Еще одно следствие «аннексии» Крыма Россией, по версии американских медиа, - ухудшение туристического потенциала региона.

«Туристическая экономика является основным источником дохода полуострова, но то, что раньше было сезоном, растянувшимся почти на шесть месяцев, теперь ограничивается июлем и августом» [14], - фантазирует Миша Фридман в статье «Высокая цена путинского захвата Крыма», опубликованной авторитетным информационным агентством «Блумберг».

Если в прежние, «украинские годы», у американских медиа была одна ритуальная дата в году, когда они обязательно писали о Крыме – 18 мая – день депортации крымских татар, то теперь таких ритуальных дат стало две; к 18 мая добавилось 16 марта – день проведения референдума о воссоединении полуострова с Россией. Это, что называется, программа-минимум.

«Что случилось с Крымом через год после аннексии» [25], рассказывает в 2015 году крупнейшая общенациональная газета США «Ю-Эс-Эй Тудэй». Автор статьи, некто Дэн Полишук (показательная «идеологическая контаминация», смешение англо-саксонского имени с украинской фамилией) рассказывает о том, что из региона ушли «Эппл» и «Макдональдс», не работают платежные системы «Виза», «Мастеркард» и «ПэйПэл», прекратилось железнодорожное и автобусное сообщение с материковой Украиной, sporadически отключается электроэнергия.

С одной стороны, все эти трудности, заметим – искусственно созданные для Крыма так называемым международным сообществом, имели, а некоторые и до сих пор имеют место быть. С другой, и «Ю-Эс-Эй Тудэй» об этом старается не распространяться, вышеперечисленные проблемы успешно решены или не имеют критического значения – как, например, в случае демонстративного закрытия на полуострове «Макдональдсов».

Ко второй годовщине «аннексии» показательный редакционный (то есть, прямо выражающий точку зрения издания) материал увидел свет в «Вашингтон Пост». Статья называлась: «Новая норма» репрессий в Крыму». «Через два года после незаконной аннексии Россией Крымский полуостров – одно из самых изолированных, бедных и – буквально – темных мест в Европе. Экономика уничтожена: линии электропередач из Украины были разрушены в ноябре, отрезав от электричества два миллиона крымчан... - пишет издание, репортеры которого даже не потрудились приехать в Крым и взглянуть на ситуацию собственными глазами. – Импорт из Украины запрещен, лекарства в дефиците и когда-то бурно развивающаяся туристическая отрасль умирает. Единственная процветающая индустрия в этой отрезанной украинской провинции – репрессии, исчезновения, политические преследования и другие юридические и физические атаки на любого, кто ставит под сомнение российскую оккупацию» [13].

Замечательная формулировка – линии электропередач «были разъединены». И ни слова о том, кто и как их «разъединил». Иными словами, ни слова о террористическом акте, совершенном украинскими и крымско-татарскими боевиками на границе с Крымом в ноябре 2015 года для того, чтобы сделать

невыносимой жизнь людей, которые отказались входить в одно государство с пришедшими к власти на Украине неонацистами. Ни слова о том, что «разъединение» поставило в буквальном смысле под угрозу жизни сотен крымчан, находившихся в тот момент в больницах и на операционных столах. Ни слова о том, как жители Щелкино поздней осенью на протяжении нескольких дней подряд грелись и готовили еду на кострах прямо посреди дворов, между многоэтажками.

При этом, как уже отмечалось, репортеры «респектабельного» американского издания даже не потрудились приехать в Крым и взглянуть на ситуацию собственными глазами. Еще бы – Государственный департамент США настоятельно не рекомендует своим гражданам посещать «оккупированный полуостров» – а ну как увидят правду. Журналисты «Вашингтон Пост» не потрудились зайти домой к кому-нибудь из крымчан и включить свет, заглянуть в аптеку, в супермаркет, поговорить с жителями полуострова и отыскать здесь хоть одного оккупанта – желательно «верхом на танке». Да и ни к чему это, потому что все равно опубликовать можно было только то, что было опубликовано.

Объективная реальность мало интересует занятые конструированием крымского симулякра западные СМИ. Они озабочены живописанием ужасов «оккупации» и поиском путей вернуть регион в лоно «цивилизованного мира» (читай – в состав Украины).

Особую ставку в информационно-пропагандистской войне против Крыма и России американские медиа делают на миф об преследовании на полуострове крымских татар. Запрет экстремистского Меджлиса, лидеры которого ответственны за террористический акт по подрыву линий электропередач в Крым и создание так называемого «батальона смертников» имени Номана Челебиджихана, равно как и борьба с запрещенной не только в России, но и во многих других странах, в том числе, например, в Германии, партией Хизбут-Тахрир и другими радикальными исламскими течениями выдается за репрессии против крымско-татарского народа. Так же, как приговор кинорежиссеру-любителю Олегу Сенцову за подготовку на территории Крыма террористических актов – за репрессии против этнических украинцев и интеллигенции.

«В реальности Россия усиливает свои репрессии против крымских татар, которые сейчас составляют 12 процентов населения Крыма, - пишет «Нью-Йорк Таймс». - ...Российские войска совершали налеты на дома и мечети, а также преследовали и лишили свободы крымско-татарских активистов, некоторые из которых исчезли или были убиты. Россия пыталась запретить крымским татарам проводить публичные мероприятия» [23].

Главную силу сопротивления «российской оккупации», по версии западных СМИ, представляет радикальная часть крымских татар во главе с лидерами запрещенного Меджлиса Мустафой Джемилевым, Рефатом Чубаровым и Ленуром Ислямовым, бежавшая после воссоединения полуострова с Россией на территорию «свободной Украины». «Татары, враги России в Крыму, заблокировали поставки продовольствия», - пишет «Нью-Йорк Таймс» 21 сентября 2015 года. - Крымские татары, возмущенные аннексией Россией черноморского полуострова, заявили в понедельник, что блокада поставок продовольствия в Крым из Украины будет продолжаться бесконечно» [18], – рассказывает автор материала. Цель блокады формулирует Мустафа Джемилев. Она «состоит в том, чтобы оккупанты покинули нашу территорию» [18].

Американские СМИ стараются рассказывать о «преследованиях» татар и «нарушениях прав человека» при каждом удобном и не очень удобном случае. Так, например, происходит, когда «Вашингтон Пост» пишет о победе певицы Джамалы в конкурсе «Евровидения» в 2016 году [17]. О музыке в материале – один процент, остальные 99 – о депортации татар проклятым сталинским режимом и аннексии Крыма не менее проклятым режимом Путина.

Почему в качестве «целевой группы» для дезинформационной кампании выбраны именно крымские татары? Американские политтехнологи делают ставку на генетическую память, историческую обиду этого народа, обусловленную депортацией 1944 года. «Почему крымские татары так враждебно относятся к России?» [24] - задается вопросом журналист «Вашингтон Пост» Леонид Пейсахин. По его мнению, Россия прочно ассоциируется у крымских татар с угрозой насилия, и молодое поколение остается верным этим убеждениям.

Другой немаловажный фактор – экономические сложности, с которыми крымские татары сталкивались после возвращения на родину. Третий – их определенная обособленность, вызванная изоляционистской политикой национальных лидеров, которые стремились противопоставить крымских татар остальным проживающим на полуострове народам, и прежде всего - русскому. Наконец, нельзя не отметить и тот факт, что некоторая часть крымских татар действительно до сих пор остается под влиянием находящихся в эмиграции лидеров Меджлиса.

Остающиеся в Крыму татары изображаются американскими СМИ как угнетаемое меньшинство. «Россия пытается стереть с лица земли крымских татар» [23], – утверждает на страницах «Нью-Йорк Таймс» 19 мая 2016 года Кристина Пасчин. По ее мнению, это выражается в запрете Меджлиса, аресте одного из лидеров этой экстремистской организации Ильми Умерова, закрытии крымско-татарских СМИ (по-видимому, речь о телекомпании АТРЛенураИслямова), обысках арестах членов Хизбут-Тахрири других запрещенных террористических религиозных организаций.

«Крымские татары по-прежнему отказываются подчиняться российской оккупации, - утверждает издание. - Большинство выступало против аннексии 2014 года, и их руководство продолжает требовать воссоединения Крыма с Украиной» [23]. «Есть те, кто говорит, что Крым-это потерянное дело, что господин Путин никогда не позволит ему вернуться на Украину, потому что российские связи с полуостровом пролегают слишком глубоко. Они забывают, что Крым принадлежал сначала крымским татарам, задолго до Российской империи, Советского Союза и господина Путина» [23], – поучает «Нью-Йорк Таймс».

При этом мы становимся свидетелями игнорирования западными СМИ многочисленных фактов успешной интеграции крымских татар в российском Крыму – Указа Президента РФ «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, итальянского, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития», придания их языку государственного статуса в регионе, открытия национальных школ и классов,

обустройства национальных поселков, строительства соборной мечети в Симферополе, реставрации Ханского дворца, представленности крымских татар во всех органах власти – начиная с муниципалитетов и заканчивая Государственной Думой Российской Федерации.

Западные СМИ выдают мнение лидеров запрещенного Меджлиса за мнение всего народа, стараясь кроме всего прочего еще и противопоставить крымских татар представителям остальных национальностей, проживающих в Крыму и, таким образом, искусственно создать в регионе межнациональную напряженность.

Точно так же не находится в американских медиа места для информации о том, что «вместо» «Макдональдсов» на полуострове построены гораздо более масштабные инфраструктурные объекты – мост через Керченский пролив, федеральная трасса «Таврида», новый терминал международного аэропорта, новые электростанции, а Крым в целом переживает невиданный с советских времен туристический бум – в 2019 году полуостров посетило больше семи миллионов отдыхающих.

Ни слова не найдем мы в «Нью-Йорк Таймс» и Ко о техническом переоснащении медицинских центров и больниц, о внедрении страховой медицины, в результате чего людей, лежащих в больницах, стали бесплатно кормить и не берут ни копейки за лечение, включая дорогостоящие операции, о строительстве десятков новых детских садов, о том, что уровень жизни в Крыму гораздо выше, чем в соседней «свободной цивилизованной демократической Украине», где идет гражданская война, в которой погибли уже десятки тысяч человек.

Искажение реальности осуществляется западными медиа с помощью таких приемов, как «произвольный отбор фактов, их подтасовка, смещение точки отсчета, извращение причинно-следственных связей. Такое передергивание требует от читателя (зрителя, слушателя) досконального знания событий и их последовательности. Оно также играет на забывчивости читателя, занятого будничными делами, не способного переварить ежедневно обновляющуюся лавину информации» [4, с.376-377], – объясняет Ги Меттан.

Среди других американских «механизмов» решения «крымской проблемы» стоит упомянуть периодически вбрасывающуюся в информационное пространство заведомо неприемлемую ни для России, ни для крымчан затею провести повторный референдум. Такой вариант предлагает, к примеру, Дуг Бэндоу в материале «Проблему Крыма надо решать с помощью референдума. Но пусть он будет свободным и честным» [11], который опубликован в «НэшнлИнтерест» в 2018 году.

Как уже говорилось, положительные изменения в регионе либо игнорируются, либо, когда сделать это невозможно (как в случае со строительством Крымского моста), освещаются под негативным углом зрения. Например, рассказывается о том, что Крымский мост строился без разрешения киевских властей, или о том, что, по оценкам «экспертов», он вскоре неминуемо рухнет из-за неблагоприятных природных условий.

По мнению журналистов «Нью-Йорк Таймс» Нила Макфаркьюэра и Ивана Нечепуренко, Крымский мост имеет не столько инфраструктурное, сколько символическое значение. Таким образом Россия якобы демонстрирует свою власть над полуостровом. «Строя где-нибудь мост или шоссе, вы заявляете, что это — ваше» [20], – подытоживают журналисты.

Ричард Лурье в «Глоб энд Мэйл» называет Крымский мост – Путинским, персонифицируя не только конкретный строительный объект, но и весь российский «крымский проект». По мнению Лурье, строительством такого масштаба Путин подчеркнул принадлежность Крыма России. Журналист удивляется тому, как и в какие сроки был построен мост. «Хотя затраты, как и ожидалось, превзошли смету, превысив сумму в четыре миллиарда долларов, проект был завершен досрочно — что поистине удивительно. Уже одно это говорит о значении, которое Путин придал строительству моста» [19], – пишет автор.

Нил Макфаркьюэр характеризует открытие моста 15 мая 2018 года как «театральную постановку». По его мнению, после «вооруженной аннексии Крыма» туристический поток на полуостров снизился, и строительство Керченского моста было совершенно экономически не оправдано [20].

Наконец, зафиксированы случаи, когда реакция на строительство Крымского моста в американских медиа достигает градуса истерики. К примеру, автор «Вашингтон Экзэминэр» Том Роган в статье «Украина должна взорвать путинский Крымский мост» говорит о том, что сооружение является вопиющим примером унижения украинской нации и призывает к уничтожению объекта. «Украина теперь должна уничтожить элементы моста. Хотя такой курс действий будет эскалацией против Путина и почти наверняка вызовет возмездие России, этот мост является вопиющим оскорблением авторитета Украины» [29], – пишет Роган.

«К счастью, – рассуждает «аналитик», – у Украины есть средства для нанесения воздушных ударов по мосту таким образом, чтобы сделать его хотя бы временно непригодным для использования» [29].

Тему Крымского моста в американских СМИ актуализирует провокация украинских кораблей, нарушивших в ноябре 2018 года государственную границу России в попытке без разрешения пройти через Керченский пролив, продемонстрировав таким образом, что Крым якобы по-прежнему является частью Украины.

После задержания украинских моряков российскими пограничниками в ряде западных СМИ появились материалы, выражающие беспокойство в связи с возможностью начала полномасштабной войны между Украиной и Россией. Статья Сары Маклафлин Митчелл в «Вашингтон Пост» так и называется: «Могут ли новые боевые действия между Россией и Украиной перерасти в полномасштабную войну?» [21].

Другая журналистка этого издания Энн Эпплбаум в статье «Последнее нападение России на украинцев — предупреждение Западу» характеризует Россию как агрессора, незаконно захватившего территорию другого государства и установившего там свое господство. Говоря о «тщательно спланированной провокации» [9], она утверждает, что российские военные намеренно открыли огонь по украинским судам в Керченском проливе. Причиной этого Эпплбаум называет «оккупацию» Крыма. «Это может быть просто одним из периодических напоминаний

России о том, что она не прекратит свою незаконную оккупацию» [9] , - пишет журналистка.

После воссоединения Крыма с Россией абсолютное большинство «крымских материалов» западных СМИ сочиняется удаленно. Как отметила на медиафоруме «Открытый Крым: своими глазами» официальный представитель МИД России Мария Захарова, крупные иностранные редакции запрещают своим журналистам посещать полуостров: «Это объяснимо только одним: если сюда приедет корреспондент, он не сможет не писать о тенденциях, которые увидит», – пояснила Захарова» [7].

Все крупнейшие американские СМИ описывают ситуацию в Крыму в унисон с официальной точкой зрения Вашингтона, фактически являясь инструментами государственной политики США. Вне всяких сомнений, это элемент информационной или, как сейчас говорят, гибридной войны Запада против России. Над американскими журналистами, пишущими о Крыме, давят, с одной стороны, антироссийские русофобские стереотипы, складывающиеся на Западе на протяжении столетий, а с другой стороны- сиюминутная политическая конъюнктура.

О неизменности оценок американского истеблишмента хорошо свидетельствует опубликованная в 2018 году Брукингским институтом статья бывшего посла США на Украине Стивена Пайфера «Россия против Украины: еще больше того же самого?» [26]. Надо признать, в этом опусе действительно «все то же самое», те же самые обвинения в «аннексии Крыма», «разжигании конфликта», «агрессии Путина».

Ведущие американские политики продолжают заявлять, что антироссийские санкции будут действовать до тех пор, пока Кремль не признает свою вину в «оккупации Крыма». С таким заявлением выступил, в частности, госсекретарь США Майк Помпео. «Россия будет сталкиваться с последствиями до тех пор, пока полностью не выполнит Минские соглашения и не возвратит контроль над Крымом Украине» [10], – цитирует Помпео «Ассошиэйтед Пресс».

Наряду с этим госсекретарь презентует «крымскую декларацию», в которой заявляет о нарушении Россией международных принципов. «Россия путем вторжения на Украину и аннексии Крыма в 2014 году пыталась подорвать

основополагающий международный принцип, которого придерживаются демократические государства: ни одна страна не может силой изменять границы другой» [10].

Периодически влиятельнейшие американские издания прямо предоставляют свои страницы украинским политикам. Так происходит, например, 6 декабря 2018 года, когда «Нью-Йорк Таймс» публикует статью теперь уже бывшего президента Петра Порошенко, который рассказывает американцам о «краже Россией украинского Крымского полуострова» [28].

Отдельные «условно объективные» публикации – лишь исключение, подтверждающее общее правило о неизменности позиции американского истеблишмента, которую транслируют ведущие медиа США. Через три года после воссоединения полуострова с Россией в «Ю-Эс-Эй Тудэй» появляется большой репортаж «Крымчане поддерживают российский захват: если они попытаются вернуть все назад, я буду сражаться». Автор материала, Ким Хьелмгард, рассказывает о том, что многие жители полуострова рады вернуться в Россию. «Люди чувствуют себя дома в России. Это главное, - цитирует издание крымчанку Дарью Деменко. - Если вы знаете историю, то вам известно, что Крым русский и всегда был русским. Я не хотела оставаться гражданином второго сорта, как это происходило при Украине» [16]. «Мы, украинцы и русские, одна семья. Разницы нет» [16], – добавляет муж Дарьи Александр. «Украина никогда не заботилась о нас здесь. Все предприятия были абсолютно заброшены. Когда мы голосовали на референдуме, были огромные очереди. Никто не оказывал на нас никакого давления... Мы хотели присоединиться к России несмотря на мнение Запада» [16], – говорит еще один герой материала, Сергей Соколов.

По утверждению автора статьи, ему трудно было найти голоса несогласных с российским статусом Крыма, отчасти потому, что в 2015 году Москва признала оспаривание российской принадлежности полуострова преступлением. Тем не менее, в конце концов, один такой диссидент нашелся, но попросил «не называть его имени, поскольку это может привести к тюремному заключению или изгнанию из Крыма»

[16]. По его словам, после воссоединения с Россией Крым стал «полицейским государством».

Завершается репортаж «Ю-Эс-Эй Тудэй» словами Александра Деменко: «Я не хочу войны с нашими украинскими братьями, но, если они попытаются вернуть Крым, я буду сражаться». «И я тоже, - добавляет Дарья. - Это моя родина» [16].

Показательная история произошла с журналистом Джеффом Опдайком, опубликовавшим в июне 2019 года в газете «Лос-Анджелес Таймс» статью «Крым – неожиданная красота на фоне беспокойной истории». Решив абстрагироваться от политики, он просто рассказал об уникальных исторических и природных достопримечательностях региона. По мнению Опдайка, «это живописное и гостеприимное место, которое должны посещать жители западных стран, пусть даже кое-кто из них не желает подпитывать экономику спорной территории своими туристическими долларами» [22].

«В сегодняшнюю эпоху интернета, когда любители Инстаграма показали нашу планету со всех ракурсов и точек, Крым стоит особняком, отличаясь неиспорченной подлинностью» [22], – написал Опдаик и... вызвал международный скандал. Министерство информационной политики Украины направило официальное письмо руководству газеты «Лос-Анджелес Таймс», потребовав уважать законы Украины и не рекламировать незаконные способы попадания на территорию Крыма, который автор статьи несколько раз назвал российской территорией. В итоге редакции пришлось дополнить статью информацией о том, что Украина запрещает посещать Крым без своего разрешения, а также о том, что Госдепартамент США в принципе не рекомендует гражданам США соваться на «оккупированный полуостров». Так всеми возможными способами Киев и его западные покровители пытаются спрятать от мира правду о ситуации в Крыму.

Оценки воссоединения полуострова с Россией как «аннексии» и «оккупации» остаются неизменными. Большинство зарубежных государств, следуя в фарватере внешней политики США, до сих пор не признали российского статуса региона. Официальная версия Вашингтона: Крым – это оккупированная Россией украинская территория. Именно под таким ракурсом и рассматривают полуостров крупные

заокеанские медиа. Однако в то же время у них, а значит, и у американских политических кругов растет понимание, что «вероятность того, что Крым снова станет частью Украины, почти равна нулю» [27].

«Данная территория не будет возвращена ни Путиным, ни его преемниками, если только Россия не потерпит поражение в войне. Даже критики Путина признают, что Крым навсегда вошел в состав России» [11], – пишет на страницах «НэшнлИнтерест» Дуг Бэндоу. По его мнению, «принципы отделения продолжают оставаться спорными в международных делах, однако жители Крыма должны обладать правом вето по вопросу о возвращении в состав Украины. Их нельзя передавать то туда, то сюда, как бушель пшеницы» [11]. Таким образом, мы видим, как оценки западных СМИ постепенно эволюционируют к приблизительно следующей формуле: Крым был аннексирован Россией, но, судя по всему, навсегда.

«Вашингтон Пост», «Нью-Йорк Таймс» и другие медиа стали оружием в информационной войне Запада против России. Их материалы о новом российском Крыме направлены не на информирование аудитории о реальном положении дел, а на конструирование «крымского симулякра».

Симулякр по Бодрийяру – это изображение без оригинала, репрезентация чего-то, что на самом деле не существует. Оккупация Крыма российскими войсками, уничтоженная экономика, репрессии против мирного населения, продуктовый и лекарственный дефицит, всё это существует исключительно в американском, западноевропейском и украинском медиапространстве.

«Все, что преобразуется в информацию, становится предметом спекуляций, которым нет конца, – замечает Бодрийяр. И продолжает: «Основная функция информации – введение в заблуждение. Не суть важно, о чем нас она «информирует», не суть важно, насколько она «охватывает» события, потому что самое главное сам охват: то, к чему она стремится, всеобщий консенсус в результате смерти мозга» [3, с.37].

Именно этого – «смерти мозга» своих читателей, зрителей, слушателей и последующего единодушного одобрения антикрымской и антироссийской политики, выражающейся, в частности, в системе международных санкций не только против

российского государства и крымской республики, но и против каждого жителя полуострова – и добиваются крупнейшие американские СМИ, конструируя на своих страницах и в своем эфире «оккупированный» Россией Крым.

Благо, те же американские читатели, зрители, слушатели легко поддаются манипуляции в силу не самой высокой осведомленности в таких сферах, как мировая история, политика и даже география. Это признает даже один из самых влиятельных американских политологов последних десятилетий Збигнев Бжезинский: «...уязвимое место Америки – очень слабые познания американского населения об остальном мире. Горькая правда состоит в том, что американцы пугающе плохо разбираются в основах мировой географии, текущих событиях и даже ключевых вехах мировой истории... Менее половины старшекурсников знают, что целью создания НАТО было противостояние советской экспансии, а более 30 процентов взрослых американцев не могли назвать две страны, с которыми сражалась Америка во Второй мировой войне» [2, с.80-81].

ВЫВОДЫ

Образ-симулякр «оккупированного Крыма» в «Вашингтон Пост», «Нью-Йорк Таймс» и других американских средствах массовой информации создан и сомнению не подлежит. Стивен Козн, бывший советолог из службы президента Джорджа Буша, почетный профессор университетов Нью-Йорка и Принстона, журналист газеты «Нейшн» обеспокоен тем, что в американской прессе и политике царствует одна единственная точка зрения: «Новая холодная война будет тем более опасной, что в Соединенных Штатах не существует никакой сколько-нибудь значимой оппозиции. Мы, отказывающиеся поддерживать неправильную политику нашего правительства, не можем ждать поддержки ни от какого влиятельного лица, не можем ждать и от Конгресса, превратившегося в оплот наступательной политики. С начала украинского кризиса и по сей день ни одна из таких газет, как «Нью-Йорк Таймс», «Вашингтон Пост» или «Уолл-стрит Джорнал», ни разу не давали нам слова. Нас не звали ни на канал MSNBC, ни на «Фокс Ньюс», где все события трактуются с одной единственной позиции: «во всем виноваты русские» [12].

«Сейчас русофобия достигла такого размаха, что это превосходит всякие разумные границы и поражает воображение. Фраза «Во всем виновата Россия» стала излюбленным клише авторов передовиц, экспертов, политиков и университетских исследователей в Европе и Америке. Она идет в ход, когда нужно объяснить малейшую проблему, возникающую на нашем континенте» [4, с.122].

Следует также отметить, что и над западными политиками, и над редакторами и журналистами довлеют русофобские антироссийские стереотипы, которые складывались на Западе даже не десятилетиями, а столетиями, и резко «обострились» в последние годы. Как писал когда-то Александр Солженицын, «подите пробейтесь через клубок предвзятостей и перекосов в какой-нибудь сверкающей центральной американской газете» [6, с. 415].

Ну и, наконец, еще один важный аспект – психологическая травма, полученная американским истеблишментом в результате воссоединения Крыма с Россией. Это событие было воспринято как поражение не только Украины, но и США – и это хорошо прослеживается в текстах многих публикаций. А раз было поражение, значит, необходим реванш – хотя бы в информационном пространстве.

«...У американской политической элиты развился командно-гегемонистский комплекс превосходства и отсутствует опыт длительных равноправных отношений с другими государствами, что и поныне затрудняет признание ими возникающих в мире новых центров силы» [5, с.14].

«Воссоединение Крыма с Россией заставило американский истеблишмент воспринимать Российскую Федерацию в качестве значительной угрозы их глобальной гегемонии» [8, с.13].

Самый большой кошмар современной Америки нашел свое медийное воплощение в фотографии, которой проиллюстрирована одна из статей о ситуации в Крыму и в целом о российско-американских отношениях, опубликованных в «Вашингтон Пост». На этой фотографии президент России Владимир Путин расписывается на стене в молодежном лагере «Таврида» в Крыму, где выведено «Всё будет Таврида» [30].

Может ли измениться отношение американских СМИ к крымской проблеме? Быстро – нет. Медленно – может быть, хотя и в этом есть серьезные сомнения. Как уже говорилось, имидж государства (региона) формируется столетиями и поддается изменениям с очень большим трудом. В сущности, для этого тоже нужны столетия.

У части политиков и экспертов были надежды на то, что ситуация изменится после избрания президентом США Дональда Трампа, однако ничего подобного не произошло. Избрание Трампа сопровождалось истерикой в крупнейших и традиционно симпатизирующих демократам американских СМИ. «Трамп не соответствует требованиям, предъявляемым к президенту США», «внешняя политика Трампа будет ужасной», стонали «Вашингтон Пост» и «Нью-Йорк Таймс». «Америка валяет дурака», писали они на следующий день после победы Трампа. «Украина боится, что станет главной проигравшей стороной на выборах президента США». Однако никаких существенных изменений в позиции США по «крымскому вопросу» не произошло, что свидетельствует о стабильности основных констант американской внешней политики вне зависимости от того, какая администрация в тот или иной период находится в Белом доме. «Устойчивость... базовых элементов внешнеполитической традиции США обеспечивает высокую степень инерционности и преемственности их внешнеполитического курса, несмотря на постоянные, подчас весьма серьезные изменения международной обстановки и постоянную смену правящих партий внутри страны» [5, с.14]. Антироссийские, русофобские стереотипы Запада с избранием Трампа не исчезли и исчезнуть не могли.

Оценки воссоединения полуострова с Россией как «аннексии» и «оккупации» остаются неизменными. Большинство зарубежных государств, следуя в фарватере внешней политики США, до сих пор не признали российского статуса региона. Официальная версия Вашингтона: Крым – это оккупированная Россией украинская территория. Именно под таким ракурсом и рассматривают полуостров крупные заокеанские медиа. Однако в то же время у них, а значит, и у американских политических кругов растет понимание, что вероятность того, что Крым снова станет частью Украины, почти равна нулю. Таким образом, мы видим, как оценки западных

СМИ постепенно эволюционируют к приблизительно следующей формуле: Крым был аннексирован Россией, но, судя по всему, навсегда.

По «формуле» Збигнева Бжезинского, Евразия «является «шахматной доской», на которой продолжается борьба за мировое господство, и такая борьба затрагивает геостратегию — стратегическое управление геополитическими интересами» [1, с.13]. В таком случае Крым — несколько исключительно важных клеток на этой доске — стратегическая позиция, плацдарм, владея которым можно контролировать ситуацию в Причерноморье.

«Империи также строились путем тщательно продуманного захвата и удержания жизненно важных географических достояний, таких как Гибралтар, Суэцкий канал или Сингапур, которые служили в качестве ключевых заслонок или замков в системе имперского контроля» [1, с.51] - пишет Бжезинский. Крым — безусловно, такое же важное географическое достояние в системе имперского контроля, как и любая из вышеуказанных точек.

В начале 1945 года, в дни Ялтинской конференции стран - победительниц во Второй мировой войне, Крым в очередной раз оказался в центре внимания всего мира. Здесь собрались самые могущественные люди на планете, чтобы определить контуры послевоенного мира. Премьер-министр Великобритании, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе Уинстон Черчилль предложил присвоить Ялтинской конференции кодовое название «Аргонавт», надеясь увезти из Тавриды политическое «золотое руно».

Продолжая метафору великого британского политика, следует признать, что борьба за крымское «золотое руно» между крупнейшими мировыми державами продолжается до сих пор.

Список литературы

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы) [Текст] / З. Бжезинский — М.: Международные отношения, 1998. — 256 с.

2. Бжезинский З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис [Текст] / З. Бжезинский. – М. : АСТ, 2015. – 288 с.
3. Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было [Текст] / Ж. Бодрийяр. – М. : РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.
4. Меттан Г. Запад – Россия: тысячелетняя война [Текст] / Г. Меттан. - М. :Паулсен, 2016. – 464 с.
5. Печатнов В. О. История внешней политики США [Текст] / В.О. Печатнов, А. С. Маныкин. – М. : Международные отношения, 2012. – 672с.
6. Солженицын А.И. Наши плюралисты [Текст] / А. И. Солженицын // Публицистика: в 3 т. – Ярославль: Верхняя Волга, 1995–1997. - Т.1. – С.415.
7. ТАСС. Захарова: многие западные СМИ запрещают своим журналистам посещать Крым [Электронный ресурс] / ТАСС. - 11.06.2017.
8. Филимонов Г. Ю. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России [Текст] / Г. Ю. Филимонов, О. Г. Карпович, А. В. Манойло. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 581 с.
9. Applebaum Anne. Russia's latest attack on the Ukrainians is a warning to the West / A. Applebaum // The Washington Post. – 26.11.2018.
10. Associated Press. Envoy says 'an awful long way to go' in NK talks / Associated Press. – 26.07.2018.
11. Badow D. Settle Crimea with a referendum / D. Badow // The National Interest. – 30.08.2018.
12. Cohen S.F. Heretiquescontrefaucons / S. F. Cohen // Le Monde diplomatique. - 10.2014
13. Crimea's 'new normal' of repression // The Washington Post. – 19.03.2016.
14. Friedman M. The High Price of Putin's Takeover of Crimea / M. Friedman // The Bloomberg. – 16.10.2018.
15. Gibbons-Neff Thomas. Amid tensions, Russia deploys advanced surface-to-air missile system to Crimea / T. Gibbons-Neff // The Washington Post. – 12.08.2016.
16. Hjelmggaard Kim. Crimeans back Russian takeover: If they try to take it back, 'I will fight' / K. Hjelmggaard // USA Today. – 04.01.2017.

17. Kalmykov A. Eurovision win lifts spirits in Ukraine, raises eyebrows in Russia / A. Kalmykov, V. Soldatkin // The Washington Post. – 17.05.2016.
18. Kishkovsky S. Tatars, foes of Russia in Crimea, block shipments of food / S. Kishkovsky, A. Smale // The New York Times. – 21.09.2015.
19. Lourie R. Putin's bridge over troubled waters / R. Lourie // The Globe and Mail. – 26.10.2018.
20. MacFarquhar N. Putin opens bridge to Crimea, cementing Russia's hold on neighbor / N. MacFarquhar // The New York Times. – 15.05.2018.
21. Marson J. Putin to the West: hands off Ukraine / J. Marson // Time. – 25.05.2009.
22. Opdyke J. Crimea is an unexpected beauty set against an unsettled history / J. Opdyke // Los Angeles Times. – 23.06.2019.
23. Paschyn Ch.M. Russia is trying to wipe out Crimea's Tatars / Ch.M. Paschyn // The New York Times. – 19.05.2016.
24. Peisakhin L. Why are Crimean Tatars so hostile to Russia? / L. Peisakhin, N. Lupu // The Washington Post. – 05.09.2017.
25. Peleschuk D. What's happening to Crimea a year after Russia annexation / D. Peleschuk // USA Today. – 19.03.2015.
26. Pifer S. Russia vs. Ukraine: More of the same? / S. Pifer // Brookings. – 09.10.2018.
27. Pillar P. The Perils of territorial annexation / P. Pillar // The National Interest. – 11.06.2018.
28. Poroshenko P. Putin must be punished / P. Poroshenko // The New York Times. – 05.12.2018.
29. Rogan Tom. Ukraine should blow up Putin's Crimea bridge / T. Rogan // The Washington examiner. – 15.05.2018.
30. Reuters photo // The Baltimore Sun. – 08. 04. 2011.
31. Russia's truncheon // The Washington Post. – 30.08.2015.

References

1. Bzhezinsky Z. *Velikaya Shakhmatnaya Doska: Gospodstvo Ameriki i Yego Geostrategicheskie Imperativy* [The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1998, pp. 256.
2. Bzhezinsky Z. *Strategicheskii Vzglyad: Amerika i Globalnyi Krizis* [Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power]. Moscow, 2015, 288 p.
3. Baudrillard J. *Dukh Terrorizma. Voiny v Zalive ne Bylo* [The Spirit of Terrorism. The Gulf War Did Not Take Place]. Moscow, 2016, 224 p.
4. Mettan G. *Zapad – Rossiya Tysyacheletnyaya Voina* [West - Russia: Millennium War]. Moscow: Paulsen, 2016, 464 p.
5. Pechatnov V. O., Manykin A. S. *Istoriya Vneshnei Politiki SSHA* [USA Foreign Policy History]. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2012, 672 p.
6. Solzhenitsyn A. I. *Nashy Plyuralisty* [Our pluralists]. Yaroslavl: Verkhnyaya Volga, 1995–1997, 415 p.
7. TASS. Zakharova: *Mnogie Zapadnye SMI Zapreshchayut Svoim Zhurnalistam Poseshchat Krym* [Many Western Media Prohibit Their Journalists from Visiting Crimea]. (Accessed at: 11 June 2017).
8. Filimonov G. Y., Karpovich O. G., Manoylo A. V. *Tekhnologii Myagkoi Sily SSHA: Otvet Rossi* [USA Soft Power Technologies: Russia's Response]. Moscow: YUNITY-DANA Publ., 2015, 581 p.
9. Applebaum Anne. *Russia's Latest Attack on the Ukrainians is a Warning to the West*. The Washington Post, 26 November 2018.
10. Associated Press. *Envoy Says an Awful Long Way to Go in NK Talks*. Associated Press., 26 July 2018.
11. Badow D. *Settle Crimea with a Referendum*. The National Interest, 30 August 2018.
12. Cohen S. F. *Heretiquescontrefaucons*. Le Monde diplomatique, October 2014.
13. *Crimea's New Normal of Repression*. The Washington Post, 19 March 2016.
14. Friedman M. *The High Price of Putin's Takeover of Crimea*. The Bloomberg, 16 October 2018.

15. Gibbons-Neff Thomas. *Amid Tensions Russia Deploys Advanced Surface to Air Missile System to Crimea*. The Washington Post, 12 August 2016.
16. Hjelmggaard Kim. *Crimeans Back Russian Takeover: If They Try to Take it Back, I Will Fight*. USA Today, 04 January 2017.
17. Kalmykov A., Soldatkin V. *Eurovision Win Lifts Spirits in Ukraine, Raises Eyebrows in Russia*. The Washington Post, 17 May 2016.
18. Kishkovsky S., Smale A. *Tatar, Foes of Russia in Crime, Block Shipments of Food*. The New York Times, 21 September 2015.
19. Lourie R. *Putin's Bridge Over Troubled Waters*. The Globe and Mail, 26 October 2018.
20. MacFarquhar N. *Putin Opens Bridge to Crimea Cementing Russia's Hold on Neighbor*. The New York Times, 15 May 2018.
21. Marson J. *Putin to the West: Hands Off Ukraine*. Time, 25 May 2009.
22. Opdyke J. *Crimea is an Unexpected Beauty Set Against an Unsettled History*. Los Angeles Times, 23 June 2019.
23. Pashchyn Ch. M. *Russia is Trying to Wipe Out Crimea's Tatars*. The New York Times, 19 May 2016.
24. Peisakhin L., Lupu N. *Why are Crimean Tatars so Hostile to Russia?* The Washington Post, 05 September 2017.
25. Peleshchuk D. *What's Happening to Crimea a Year After Russia Annexation*. USA Today, 19 May 2015.
26. Pifer S. *Russia vs. Ukraine: More of the Same?* Brookings, 09 October 2018.
27. Pillar P. *The Perils of Territorial Annexation*. The National Interest. 11 June 2018.
28. Poroshenko P. *Putin Must be Punished*. The New York Times, 05 December 2018.
29. Rogan Tom. *Ukraine Should Blow up Putin's Crimea Bridge*. The Washington examiner, 15 May 2018.
30. Reuters photo. *The Baltimore Sun*, 08 April 2011.
31. *Russia's Truncheon*. The Washington Post, 30 August 2015.

RUSSIAN CRIMEA IN THE PUBLICATIONS OF THE AMERICAN MEDIA IN 2014-2019: TECHNOLOGY FOR CREATING A SIMULACRUM

Mashenko A. P.

The article analyzes the image of Crimea in the US media after the reunification of the peninsula with Russian Federation. Examining The New York Times, The Washington Post, The USA Today, The Los Angeles Times, The National Interest, and other media, you can see the peninsula through the eyes of foreign journalists and their audience and compare this «picture» with the true situation on the peninsula.

The largest American media describe Crimea in accordance with the official version of Washington - as occupied Ukrainian territory. In the nearly six years that the peninsula has lived as part of Russian Federation, hundreds of articles have appeared in the US media that tell about the situation in the region.

According to their version the peninsula suffers from a severe economic crisis, caused, firstly, by international sanctions, and secondly, by the energy, water, transport, food blockade by Ukraine. It is a parallel, fictional reality, a simulacrum constructed by American and European politicians and journalists during the information war against Russia.

Such an assessment of the situation in Crimea is caused, on the one hand, by the geopolitical interests of the United States. On the other hand, both editors and journalists are dominated by anti-Russian stereotypes that have developed in the West not even for decades, but for centuries. Another important aspect is the psychological trauma of the American establishment as a result of the reunification of Crimea with Russia. This event was a defeat not only for Ukraine, but also for the USA - and this can be clearly seen in the many publications.

At the same time Crimea is considered not as an object, but as a subject, as a playing card in a big geopolitical game, a key point in the Black Sea region. Crimean story is part of another story, much larger, which covers events in the Donbass, other regions of Ukraine, the whole post-Soviet space and its perimeter, including Turkey, Syria, Iraq.

Keywords: Crimea, Russia, USA, mass media, The New York Times, Washington Post, simulacrum.

УДК 070(477.75):070(470+571)

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КРЫМСКИХ СМИ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВО РОССИИ

Первых Д. К.

Таврическая академия (структурное подразделение)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
Симферополь, Россия
E-mail: dianavasileva@yandex.ru

Современная историческая реальность такова, что под нее сегодня приходится подстраиваться как крымским СМИ в России, так и федеральным СМИ в Крыму. Более того, Крым пытаются использовать как «разменную монету», а крымские медиа нередко становятся объектами спекуляций на политической почве. Полуостров в силу богатой практики непростых исторических прецедентов остается сложным регионом. Задача современной крымской журналистики – максимально правдиво, объективно и при этом толерантно донести информацию о крымской реальности не только до крымчан, россиян, но и до аудитории ближнего и дальнего зарубежья.

В статье анализируются вопросы развития крымских средств массовой информации в первые пять лет нахождения Крыма в составе Российской Федерации, делается попытка определить функциональные аспекты и эффективность работы крымских массмедиа в условиях конкурентной среды с федеральными СМИ. Изучение работы крымских медиаресурсов позволяет лучше понять природу современной медиасистемы Крыма, а также определить, какое место она занимает в общей медиасистеме России. Полученные выводы дают возможность ответить на вопрос: в чем заключаются отличительные особенности крымского медиапространства от информационного поля других регионов России, а также определить уровень востребованности информации из Крыма федеральными и региональными массмедиа.

Ключевые слова: медиасистема Крыма, информационное пространство России, СМИ Крыма и Севастополя, тележурналистика, радиожурналистика, цифровое вещание, информационные кластеры.

ВВЕДЕНИЕ

С 2014 года Крым интенсивно внедряется в политическое, экономическое, культурное, образовательное пространство России, а также становится неотъемлемой частью медиасистемы Российской Федерации. Функционирование крымских СМИ в новых геополитических реалиях требует научного подхода и осмысления. Публикация посвящена анализу развития крымских СМИ и их интеграции в российское медиапространство. Изучение медиасистемы Крыма и Севастополя, на наш взгляд, важно для понимания информационно-коммуникационной медиаситуации на полуострове.

После Общекрымского референдума 2014 г. Крым стал объектом внимания не только в геополитическом, национальном, культурном аспекте, но и в научном. В

2015 г. на факультете журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова была создана межкафедральная исследовательская группа ученых, которые работали над проектом, связанным с изучением различных сегментов медиасистемы Крыма, элементов коммуникативного процесса, а также тематических направлений. В результате в 2018 г. был опубликован научный сборник статей «СМИ Крыма и Севастополя в медиасистеме России» [5]. Авторы предприняли попытки проанализировать все сегменты медиарынка Крыма и Севастополя в первые три года нахождения полуострова в России: проблемы и тенденции развития в Крыму новых медиа (Колмагорова А. А., Приходько Д. В., Щепилова Г. Г.), типологические особенности печатных СМИ (Мельников В. А., Петухов С. А.), особенности организации крымского телерадиоэфира (Громова Е. Б.), рекламные технологии (Макарина А. И., Щепилова Г. Г.) и даже языковую специфику крымских средств массовой информации (Шаповалова И. В.). Сегодня изучение вопросов интеграции крымских СМИ в медиaprостранство России остается актуальным, особенно в условиях перехода СМИ 14 октября 2019 г. на цифровой формат вещания.

Целью предлагаемой статьи является изучение специфики интеграции крымских массмедиа в новое для полуострова медиaprостранство России.

Задачи:

- рассмотреть особенности работы крымских СМИ в последнее пятилетие;
- определить функциональные аспекты и эффективность работы крымских массмедиа в условиях конкурентной среды;
- выявить отличительные особенности медиaprостранства Крыма от медиaprостранства других регионов России;
- оценить эффективность перехода Республики Крым на цифровое вещание;
- определить степень востребованности информации о Крыме и из Крыма, опираясь на данные об уровне цитируемости крымских массмедиа федеральными и региональными СМИ.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В условиях новых исторических перспектив, когда в начале 2014 г. Крым перестал быть частью медиасистемы Украины, но по объективным причинам еще не успел внедриться в медиасистему России, в Крыму остро стал вопрос специфики работы крымских СМИ. Медиасистему Крыма, а также ее взаимодействие с медиасистемой России пришлось создавать. Крымская медиаиндустрия стремилась выработать свою тактику и стратегию развития. При этом становление крымских СМИ в России происходило под влиянием уже сложившихся традиций крымской журналистики.

Стоит отметить, что в 2014 г. в Крыму работали четыре региональных телеканала: Государственная телерадиокомпания «Крым», частный телеканал ООО «МедиаГрупп «TV FM», коммерческая «Телерадиокомпания ИТВ», а также частный крымско-татарский телеканал «АТР». Давайте разберемся, какова их судьба сегодня? Крымско-татарский телеканал позиционировал себя резко оппозиционным по отношению к правительству, тиражировал большое количество негативных новостей, являлся, по большей части, источником дезинформации на полуострове. Подробнее о специфике работы телеканала в 2014–2015 гг. можно узнать в статье Первых Д. К., Онофрончук К. И. «Об идейной составляющей крымской тележурналистики в период Крымской весны» [3]. 1 апреля 2015 г. по инициативе владельцев крымско-татарский телеканал «АТР» прекратил вещание на территории Крыма. Официальной причиной послужило то, что учредители не успели собрать полный пакет документов для подачи в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее – Роскомнадзор) для получения лицензии на вещание. Однако, уже 24 апреля 2015 г. Глава Крыма С. В. Аксенов подписал указ о создании Общественной крымско-татарской телерадиокомпании (АНО "ОКТРК") – «Миллет». В таких условиях вопрос вещания крымско-татарского телеканала «АТР» был закрыт с момента создания телеканала «Миллет». По уставу компания обязалась «оказывать услуги по производству и распространению телерадиоканалов, обеспечивающих глубокое и

всестороннее освещение общественно-политической, экономической и культурной жизни Республики Крым, оперативно информировать о событиях в Республике Крым и за её пределами во всех областях деятельности, затрагивающих интересы крымско-татарского народа, преимущественно на крымско-татарском языке» [7].

Регулируя деятельность СМИ, следует непременно учитывать, что свободная конкуренция не всегда гарантирует реальный плюрализм мнений. Так случилось с телеканалом «АТР». Другими словами, телеканал не выдержал конкуренции и покинул рынок крымских медиа. Сегодня пользуется доверием и имеет широкую аудиторию среди крымско-татарского населения полуострова телеканал «Миллет». Безусловно, часть крымских татар продолжают отдавать предпочтение телеканалу «АТР», осуществляющему трансляцию в сети Интернет. Следует отметить, что аудитория телеканала в сети значительно сузилась, и причиной явилось то, что среди крымско-татарского населения использование кабельного, IPTV, не стало традицией. С каждым годом, как и предполагалось, позиции «АТР» среди крымских татар ослабевают, о чем свидетельствует расширение зрительской аудитории телеканала «Миллет». Новая крымско-татарская телерадиокомпания перешла на цифровое вещание, а также начала спутниковое вещание, что позволяет ей выходить на широкую зрительскую аудиторию Российской Федерации и стран ближнего зарубежья.

На протяжении последних пяти лет в крымском информационном пространстве продолжали работу две частные телекомпании «TV FM» и «ИТВ». Структура и принципы работы телеканалов, их программное наполнение практически не менялись, изменялся лишь тематический и новостной контент. Дальнейшее существование медиа определялось степенью их готовности к реформам и вхождению в российскую медиасистему. С переходом Республики Крым на цифровой формат вещания телеканал «TV FM» в сентябре 2019 г. прекратил свою работу. Компания «ИТВ» также не предпринимала попытки получить лицензию Роскомнадзора на цифровое вещание. Телеканал продолжил работать в аналоговом и кабельном форматах. Как следствие, по объективным причинам, зрительская

аудитория «ИТВ» резко сократилась. К сожалению, в условиях перехода на цифровой стандарт вещания этот процесс неизбежен и необратим.

Следует признать, что сегодня историческая реальность такова, что под нее приходится подстраиваться как крымским СМИ в России, так и федеральным СМИ в Крыму. Более того, сегодня Крым пытаются использовать как «разменную монету», а средства массовой информации нередко становятся спекуляцией на политической почве. Крым в силу богатой практики непростых исторических прецедентов, многонациональности, поликонфессиональности остается сложным регионом. Задача современной крымской журналистики – максимально правдиво, объективно и при этом толерантно передать историческую и социальную реальность не только крымской аудитории, но и аудитории с материка.

Вернемся к 2014 году, году основания медиасистемы крымских СМИ в России, трудному, но очень перспективному. В этой связи следует обратить особое внимание на работу Государственной телерадиокомпании «Крым», которая не прекращала вещание, оставаясь крайне востребованной крымской аудиторией. Телеканал «Крым» был единственным полным источником достоверных крымских новостей, стал единственной стабильной эфирной площадкой для встреч политиков, экономистов, социологов, политологов с региональной аудиторией, организовал новую для себя структуру – Открытый пресс-центр, в котором было аккредитовано более 2500 российских и зарубежных журналистов.

Уже через год, 31 декабря 2015 г., ГТРК «Крым» изменила и расширила свою структуру, трансформировавшись в Автономную некоммерческую организацию «ГТРК «Крым», включающую в себя медиаплощадки в социальных сетях, мультимедийный Республиканский пресс-центр, а также пять СМИ, ориентированных на различную целевую аудиторию:

- телеканал «Первый крымский»;
- телеканал «Крым 24»;
- радиостанцию «Крым»;
- радиостанцию «Море»;
- проводное радио «Крым. Точка».

Давайте разберемся, чем же отличаются телеканалы «Первый крымский» и «Крым 24»? Итак, телеканал «Первый крымский» вещает 24 часа в сутки в цифровых SD и HD форматах, представлен во всех кабельных сетях Крыма и России. Основу сетки вещания составляют телепроекты собственного производства различных жанров и направлений: информационные, аналитические, познавательные, краеведческие, развлекательные, спортивные, музыкальные, детские, культурологические.

В свою очередь, телеканал «Крым 24» представляет собой мощный региональный информационный ресурс, вещает круглосуточно в цифровых SD и HD форматах, а также на двух спутниках. «Крым 24» имеют возможность смотреть зрители всей территории России и части евразийского континента. Контент телеканала «Крым 24» составляют преимущественно информационные и аналитические телепередачи, документальные фильмы и специальные репортажи. Целевая аудитория «Первого крымского» и «Крыма 24» в целом отличается, но нередко она становится общей для телеканалов. Это связано, по всей видимости, с тем, что большинство крымчан не дифференцируют эти телеканалы как автономные СМИ, воспринимая их единой медиаструктурой. Так, посмотрев выпуск новостей одного телеканала, зрители чаще всего переключают свое внимание на другой телеканал, продолжая мониторить крымские новости. Связана ли эта особенность с дефицитом региональных СМИ на полуострове, сказать трудно. Можно предположить, что дело в человеческом факторе – привычке «перескакивать» с одного канала на другой (региональный, федеральный) в поисках дополнительных источников информации. В данном случае речь идет о селективном просмотре телеканалов, когда воспринимаются фрагменты программ или сообщений, которые зритель фиксирует как центры интереса.

Так, учитывая сложившуюся ситуацию в медиапространстве Крыма, руководством АНО «ТРК «Крым» было принято решение провести реформы в организации производства и построении эфира на крымских телеканалах и радиостанциях. В частности, были внесены изменения в концепции всех СМИ, входящих в медиахолдинг, урегулировано взаимодействие радио и телеканалов с

целью организации общего «медиацентра», генерирующего единый информационный и рекламный продукт, проведен брендинг новых СМИ и ребрендинг старых, определены критерии контрпрограммирования эфира двух конкурирующих телеканалов путем планового разделения контента. Два конкурирующих канала одновременно предлагали зрителям абсолютно разный информационный продукт. Можно сказать, что телеканалы «Первый крымский» и «Крым 24» разделили аудиторию. В итоге, оба канала являются у зрителей одинаково популярными и востребованными. Конкуренцию им создают только федеральные СМИ. Между тем, подсчитать объем аудитории крымских телеканалов в современных реалиях довольно трудно – на полуострове не работают крупные исследовательские компании, например, Mediascope, проводящая мониторинги на территории России. В целом, телевизионная аудитория в Российской Федерации, согласно прошлогодним исследованиям Фонда общественного мнения (ФОМ), составила 63% от общего числа россиян. Сопоставима с аудиторией телевидения только аудитория радиостанций. Радио остается одним из самых влиятельных средств массовой информации в мире. Только в России его регулярно слушают более половины жителей страны. Так, по результатам исследования Radio Index за первый квартал 2019 г. ежедневно радио слушают 62,9% населения Российской Федерации [1]. В то же время для радиослушателей, как и для телезрителей, характерна селективная специфика восприятия информации. По данным социологических исследований, чаще всего люди слушают радио дома и в транспорте. Следовательно, настроившись на определенную радиоволну, человек слушает эфир эпизодически, акцентируя внимание либо на определенном виде радиопередач, либо на определенном музыкальном формате.

Следует признать, что радиостанции, входящие в медиахолдинг АНО «ТРК «Крым», являются серьезными игроками на рынке крымского радиоэфира и стали в один ряд с известными радиобрендами. Радиостанции «Море» и «Крым» кардинально отличаются друг от друга по формату вещания и имеют разную целевую аудиторию. Непопулярной радиостанцией остается только радио «Крым.Точка» (проводная информационно-музыкальная радиостанция, имеющая также частоты в

FM диапазоне). Ее эфир составляют новости общественно-политического характера, а также широкий спектр просветительских, детских, образовательных программ. Количество слушателей у «Крым.Точки» ограничено. Однако следует отметить стабильность этой аудитории, возрастной порог которой определяется как 60+.

Радио «Море» – развлекательно-познавательная радиостанция для молодежи (18+), классический «радиоблокбастер». Сетку вещания составляют прямые эфиры и передачи развлекательного характера: музыкальные новости, новости из мира моды, радиопередачи о событиях культуры и искусства на полуострове, о музыкальном плагиате, об истории Крыма и Севастополя, развлекательные ток-шоу, а также программы поздравлений. Можно сказать, программное наполнение соответствует народному определению «не мешай музыке». Музыкальный формат «Моря» – популярная музыка, современные хиты в горячей ротации с использованием хитов нулевых и конца 1990 гг., в основном динамичная и модная музыка. В целом, этот формат призван привлекать частные финансы (рекламодателей), так как имеет существенные преимущества (например, только на региональной радиостанции можно стать спонсором рубрики или принять участие в платном, заказном эфире). Ведущие такого канала работают по принципу сопровождения эфира (короткие подводки к песням, прогноз погоды, музыкальная справка и т. д.), так как, по законам жанра, не должны отвлекать внимание слушателя от музыки, создающей настроение дня. Конкурентоспособность этого СМИ достаточно высокая, по всей видимости, еще из-за того, что наряду с музыкальным наполнением эфира, схожего с музыкальными форматами радиостанций «Европа Плюс», «Радио Ваня», «Авторadio», «Радио Maximum» и др., радиостанция «Море» содержит информацию о Крыме, а потому является для крымчан более близкой и востребованной.

Необходимо отметить, что информационная среда 2014–2019 гг. стала более агрессивной: на полуострове развернули вещание федеральные телерадиоканалы. С сентября 2014 г. крымскую аудиторию начала стремительно завоевывать радиостанция «Спутник в Крыму» («Sputnik») – бренд Международного информационного агентства «Россия сегодня». Радио «Sputnik» – информационно-аналитическая радиостанция, не имеющая музыкального наполнения эфира –

классическое talk-радио (разговорное радио). Любопытно, что до начала работы в Крыму радио «Sputnik» было ориентировано только на аудиторию ближнего и дальнего зарубежья, вещало на более чем 30 языках в 80 городах мира. В Крыму на базе общего московского эфира был организован собственный, крымский, информационно-аналитический эфир, в котором обсуждаются не только новости всероссийского масштаба, но, прежде всего, темы, актуальные для крымчан.

По всей видимости, именно жесткая конкурентная ситуация потребовала принятия решения о создании крымской информационной площадки. Такой площадкой стало радио «Крым». Крымская радиожурналистика получила сразу несколько преимуществ: 24 часа собственного эфира, наличие обширной информационной базы (ТРК «Крым», «Крым 24», собственный пресс-центр, «Крымская газета», «Крымское информационное агентство» (КИА), о которых далее будет идти речь в нашей публикации), большой творческий потенциал сотрудников. Эфир радиостанции «Крым» представляет собой компоновку информационных блоков, аналитики, интервью с экспертным сообществом. Кроме того, в эфире радио «Крым» широко представлены научно-просветительские программы (об истории Крыма, культуре и быте населяющих его народов), информационно-справочный материал (справки, статистика), интерактив (блиц-опросы, онлайн-голосование), включения в студию (чиновников и экспертов из Крыма и других регионов России, репортажи с мест событий), дискуссионные передачи (радио-круглый-стол, радиоток-шоу) и т. д. Такой формат предполагает или полное отсутствие, или минимальное присутствие в эфире музыкального материала и являет собой классический пример Talk Radio. Аудитория радио «Крым» после проведения ребрендинга уже на первом этапе существенно изменилась и даже сократилась. Однако, уровень оставшейся аудитории (а также аудитории, «переходящей» от других «ток»-брендов) стал качественно выше. Аудиторию составили люди с ярко выраженной гражданской позицией, аналитическим складом ума. То есть, можно утверждать, что целевая аудитория радиостанции «Крым» – люди в возрасте от 35 лет с уровнем интеллектуального развития выше среднего, ориентированные на получение оперативной достоверной информации и аналитики. Таким образом, сегодня

информационно-аналитическое радио «Крым» благодаря музыкальному оформлению эфира в формате легкого рока (light rock) создает весомую конкуренцию информационным радиостанциям «Спутник в Крыму», «Комсомольская правда», «Звезда», «Вести FM». К сведению, крымское радио является одним из старейших радио России. Первая собственная программа вышла в эфир в 1930 г. Любопытно, что в сентябре 2010 г. «Международный Планетный Центр утвердил для малой планеты под номером 29081 название «Крымрадио». Это единственный и беспрецедентный случай названия небесного тела в честь радиостанции» [4].

Итак, вполне закономерно, что создание в Крыму собственной медиасистемы, усовершенствование (в некоторых случаях оптимизация, а в некоторых создание с нуля) материально-технической базы (профессиональное оборудование, программное обеспечение, оборудование для передачи сигнала и т. д.) позволяют крымским СМИ успешно конкурировать с федеральными телерадиоканалами, изначально имеющими большие информационные ресурсы, финансирование и мощную техническую составляющую. К тому же, отдельные федеральные телеканалы уже открыли в Крыму собственные филиалы и корпункты. Так, в 2018 г. на территории Крыма начали работу Государственная телерадиокомпания «Таврида», радио «Вести FM», а также сайт «Вести Крым», являющиеся мощными медийными активами Федерального государственного унитарного предприятия «Всероссийской государственной телевизионной и радиовещательной компании» (ВГТРК). Следует признать, что телекомпания «Таврида» стремительно охватила крымскую аудиторию как за счет профессионально подготовленного контента, так и за счет общего эфира с телеканалом «Россия-1».

Следует отметить также, что медиапространство Крыма несколько отличается от медиапространства других регионов России. На полуострове отсутствуют СМИ, не признавшие статус Крыма в составе Российской Федерации. Например, в Крыму не вещает телекомпания «Дождь», радиостанции «Эхо Москвы», «Серебряный дождь», не организован корпункт новостного Интернет-ресурса «Медуза» и т. д. Болезненно ли это для крымской аудитории? Основная часть крымчан, согласно опросам общественного мнения, не испытывает информационный голод и удовлетворена

объемом и качеством информации представленных на полуострове массмедиа. Более того, та небольшая часть крымчан, которая все же нуждается в альтернативных источниках информации, прибегает к помощи сети Интернет, где контент любых медиаструктур находится в открытом доступе.

В целом, следует обратить внимание на то, что Крым – один из немногих регионов Российской Федерации, где переход на цифровое вещание прошел наименее болезненно и наиболее успешно. Это связано с технологическими особенностями и ресурсами, которые имелись на полуострове. В Крыму сеть цифрового телевидения начала создаваться еще до воссоединения Крыма с Россией, а потому в 2019 г. крымские СМИ смогли органично, в кратчайшие сроки интегрироваться с цифровым пространством России. Более того, в Крыму в цифровом формате работают три пакета телевизионных каналов (мультиплекс), включающих в себя не 20 телеканалов, как во многих регионах Российской Федерации, а 27. Также Крым опередил другие регионы России и организовал работу двух телеканалов в формате HD, поддерживающих изображение высокого качества.

Итак, первый мультиплекс – Российская телевизионная и радиовещательная сеть-1 (РТРС-1) состоит из общероссийских телеканалов. Их трансляция обязательна и финансируется за счет средств федерального бюджета.

Первый мультиплекс включает:

1. Первый канал
2. Россия-1
3. «Матч-ТВ»
4. НТВ
5. 5 канал
6. Россия-К (Культура)
7. Россия-24
8. Карусель
9. ОТР
10. ТВЦ

Следующие 10 телеканалов для трансляции в составе пакета РТРС-2 (второй мультиплекс) были отобраны Федеральной конкурсной комиссией по телерадиовещанию:

11. РЕН ТВ
12. Спас
13. СТС
14. Домашний
15. ТВ-3
16. Пятница
17. Звезда
18. Мир
19. ТНТ
20. МУЗ-ТВ

Третий мультиплекс формируется преимущественно из региональных каналов.

21. «Первый Крымский»
22. «Мир 24»
23. «Миллет»
24. «Крым 24»
25. «Москва-24»
26. «Крым 24» в формате высокой четкости – HD
27. «Первый Крымский» в формате высокой четкости – HD.

Региональный мультиплекс в Севастополе содержит восемь каналов, среди которых два – исключительно севастопольские: «Первый Севастопольский» и «Информационный канал Севастополя». Таким образом, можно сделать вывод, что состав программ мультиплекса способен всесторонне удовлетворить потребности крымчан в получении новостной, аналитической, познавательной, развлекательной информации, а также выполняет информационные, просветительские, воспитательные, регулятивные, гедонистические и рекреационные функции.

По информации Роскомнадзора, всего на территории Крыма и Севастополя по состоянию на 16 сентября 2019 г. зарегистрировано 411 СМИ:

- 258 периодических печатных изданий,
- 33 телеканала,
- 48 радиоканалов,
- 63 сетевых издания,
- 9 информационных агентств.

Следует отметить, что в последние годы крымские СМИ стали объектами цитирования федеральными и региональными массмедиа. Причины, на наш взгляд, очевидны: к Крыму как к новому, курортному, региону России не утихает интерес большей части населения Российской Федерации. Стоит отметить, что уровень цитирования по сравнению с 2015 годом снизился, но последние три года, 2017–2019 гг., остается примерно на одном уровне – более 1100 упоминаний в квартал. Рейтинг построен компанией «Медиалогия», которая является разработчиком автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и соцмедиа в режиме реального времени и включает более 51000 наиболее влиятельных источников: ТВ, радио, газеты, журналы, информационные агентства, Интернет-СМИ. При подсчете рейтингов, как уточняется на странице «Медиалогии», не учитывались новостные «агрегаторы» [6]. Приведем один из последних рейтингов самых цитируемых СМИ Республики Крым и города Севастополя за II квартал 2019 г.

ТОП–20 самых цитируемых СМИ Республики Крым и города Севастополя:

Место в рейтинге	СМИ	Категория	ИЦ
1	ИА Крыминформ	Информагентство	351,37
2	РИА Крым	Информагентство	252,46
3	New-sebastopol.com	Интернет	102,17
4	Крымское информационное агентство	Информагентство	59,30
5	Sevastopol.su	Интернет	59,05
6	Спутник в Крыму	Радио	41,78
7	Крым 24	ТВ	40,89
8	Вести – Севастополь	ТВ	27,53
9	Информационный канал Севастополя	ТВ	24,50
10	ГТРК Таврида	ТВ	24,27

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КРЫМСКИХ СМИ В УСЛОВИЯХ ...

11	Независимое телевидение Севастополя	ТВ	14,03
12	Комсомольская правда – Крым	Газета	11,71
13	Kerch.fm	Интернет	9,71
14	Primechaniya.ru	Интернет	9,67
15	Севастопольская газета	Газета	9,29
16	Крымская газета	Газета	9,11
17	Krym.news	Интернет	8,84
18	Allcrimea.net	Интернет	8,33
19	Sevastopolmedia.ru	Интернет	6,49
20	3652.ru	Интернет	6,41

Как видим, лидерство занимают новостные информационные порталы и Интернет-страницы телевизионных каналов. В частности, первую позицию в каждом рейтинге «Медиалогии» последние 3 года удерживает Информационное агентство «Крыминформ». Так, за 2015 год индекс цитируемости у «Крыминформа» составил 2958,37 2, у РИА «Крым» – 264,83, у телеканала «Первый крымский» – 216,06. В 2017 году индекс цитируемости у ИА «Крыминформ» немного снизился до 1769,33, у РИА «Крым» напротив повысился до 532,87, а у «Первого крымского» телеканала немного опустился до 172,91, но, вероятнее всего, это связано с укреплением позиций телеканала «Крым 24», индекс цитируемости которого возрос до 161,29. Можем также убедиться, что в очень малом объеме представлен индекс цитируемости газет. Это связано с тем, что у большей части печатных изданий либо вообще нет своего сайта, либо он очень плохо развит. В то же время, Медиалогия работает только с Интернет-ресурсами. Поскольку Интернет-СМИ с каждым годом набирают все большую популярность, перед редакциями газет неизбежно возникнет экзистенциальный вопрос их дальнейшего существования на медиарынке.

Необходимо отметить, что на полуострове широко развиты региональные (муниципальные) СМИ: официальные и независимые газеты, радиостанции и телеканалы. Некоторые из них очень популярны в своих регионах. Так, в Большой Ялте и Феодосии вещают радиостанции: «Ялта FM» и «ФЕО FM»; в Керчи издаются газеты «Кафа», «Боспор», «Аквилон», «Керченский рабочий»; в Евпатории – «Евпаторийская здравница», «Витрина западного Крыма» и т. д. В

Красногвардейском районе Крыма выпускается газета «Огни маяка». Примечательно, что газета не дотационная, а самоокупаемая, что сегодня, можно сказать, является уникальным явлением.

Особенностью медиапространства Республики Крым следует считать и то, что многие телерадиокомпании небольших крымских городов в 2019–2020 гг. стали филиалами ТРК «Крым», которая сегодня создает региональную телевизионную сеть – информационные кластеры на территории Крыма. Это новый и многообещающий для крымского телевидения этап. Например, подразделениями ТРК «Крым» стали: кабельный канал «Евпатория TV», телеканалы «Керчь TV», «Ялта TV», планируется запуск филиалов на севере Крыма и Феодосии. В перспективе будут созданы полноценные телеканалы на местах, призванные производить собственный информационно-аналитический продукт как для зрителей своего города, так и для аудитории всего Крыма.

Обратим внимание еще на одно обстоятельство. В ряде регионов Российской Федерации нет своей, так называемой, официальной правительственной газеты. В некоторых регионах конкурс на освещение официальной информации выигрывают коммерческие издания. Однако, на полуострове с 2014 г. официальным печатным органом Совета министров Республики Крым является «Крымская газета», которая выходит ежедневно, а по пятницам – итоговым выпуском («толстушкой»), состоящим из 32 полос. Общий тираж – более 125 тысяч экземпляров в неделю. Сегодня структура «Крымской газеты» расширилась, образовав медиахолдинг, куда кроме газеты входит «Крымское информационное агентство» (КИА) и «Крымский журнал» – «качественно новый проект, выходящий на двух языках (русском и английском) и созданный под патронатом правительства Республики Крым» [2]. Подписной индекс «Крымского журнала» доступен во всех регионах России. Журнал распространяется на бортах авиакомпании «Россия» (в бизнес-классе на авиарейсах в Крым), а также в VIP-зале международного аэропорта Симферополь. География распространения журнала позволяет акцентировать внимание аудитории, направляющейся в Крым, на широких возможностях крымской рекреации,

интересных туристических маршрутах, гастрономических туристических объектах, а также привлекательных инвестиционных площадках.

Как мы смогли убедиться, в тот период, когда в Крыму не были широко представлены федеральные СМИ, Крым активно и успешно развивал собственную медиаструктуру. За последние пять лет в медиапространстве Республики Крым наибольшее развитие получили: телеканалы, радио и Интернет-издания. Отдельного внимания заслуживает и тема развития крымского сегмента социальных сетей. Но это уже материал следующего исследования.

ВЫВОДЫ

Сосредоточиваясь на выводах об особенностях развития крымских СМИ в условиях интеграции в медиапространство России, необходимо говорить как об успехах, так и неуспехах крымской журналистики. За пять лет нахождения Крыма в составе Российской Федерации крымские СМИ претерпели реорганизацию и вышли на качественно новый уровень работы. Технологически крымские СМИ полностью влились в медиапространство Российской Федерации, перешли на цифровой формат вещания, вышли на федеральную аудиторию, имеют свою нишу цитирования и, следовательно, являются востребованными не только в Крыму. В политическом аспекте интеграция крымских СМИ в российское медиапространство, равно как и внедрение федеральных СМИ в крымское информационное поле, происходит более медленными темпами. Однако, во-первых, это вопрос времени. Во-вторых, отдельные, наиболее конкурентоспособные СМИ, такие как ИА «Крыминформ», РИА «Крым», «Крымская газета», «Крымский журнал», «прорывают» границы и выходят на всероссийский уровень.

Нередко в сети Интернет можно встретить критику крымской власти за то, что в Республике Крым созданы, так называемые «ручные», «управляемые» СМИ. Однако не следует упускать из виду тот факт, что в условиях непростых исторических обстоятельств 2014 г. создание медиаструктуры, которая могла бы своевременно, правдиво и объективно информировать крымчан, а главное

эффективно противостоять информационной войне, развернутой украинскими СМИ, было стратегической необходимостью.

Список литературы

1. Аудитория радиостанций. Radioindex. 2019 [Электронный ресурс] // Mediascope. – 2019. – 14 дек. – Режим доступа: https://mediascope.net/upload/iblock/092/RI_2019_1_report.pdf. – (Дата обращения 14.12.2019).
2. Крымская газета [Электронный ресурс] // Крымская газета. – 2019. – 14 дек. – Режим доступа <https://gazetacrimea.ru/o-nas>. – (Дата обращения 14.12.2019).
3. Первые, Д. К., Онофрончук, К. И. Об идейной составляющей крымской тележурналистики в период Крымской весны / Д. К. Первые, К. И. Онофрончук // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – Симферополь, 2016. Т. 2. № 1–1 (68). С. 3–8.
4. Радио.Точка [Электронный ресурс] // Телерадиокомпания «Крым». – 2019. – 14 дек. – Режим доступа: http://1tvcrmea.ru/pages/radio/stream_provod. – (Дата обращения 14.12.2019).
5. СМИ Крыма и Севастополя в медиасистеме России». – Москва : МедиаМир, 2018. – 218 с.
6. ТОП-20 самых цитируемых СМИ Крымской республики и города Севастополя – II квартал 2019 [Электронный ресурс] // Медиалогия. – 2019. – 15 дек. – Режим доступа: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/5813>. – (Дата обращения 15.12.2019).
7. Устав автономной некоммерческой организации «Общественная крымско-татарская телерадиокомпания» [Электронный ресурс] // ТРК «Миллет». – 2019. – 16 дек. – Режим доступа: <http://trkmillet.ru/files/documents/ustav.PDF?fdc>. – (Дата обращения: 16.12.2019).
8. Ustav avtonomnoj nekommercheskoj organizacii «Obshchestvennaya krymsko-tatarskaya teleradiokompaniya» [The Constitution avtonomnoj nekommercheskoj organizacii «Obshchestvennaya krymsko-tatarskaya teleradiokompaniya»]. TRK

«Millet», 2019. Available at: <http://trkmillet.ru/files/documents/ustav.PDF?fdc>. (Accessed 16 December 2019).

References

1. *Auditoriya Radiostancij Radioindex* [Audience of the Radio Stations. Radioindex]. Madiascope, 2019. Available at: https://mediascope.net/upload/iblock/092/RI_2019_1_report.pdf/. (accessed 14 December 2019).
2. *Krymskaya Gazeta* [Crimean Newspaper]. Available at: <https://gazetacrimea.ru/o-nas>. (accessed 14 December 2019).
3. Pervyh D. K., Onofronchuk K. I. *Ob Idejnoj Sostavlyayushchej Krymskoj Telezhurnalistiki v Period Krymskoj Vesny* [On the Ideological Component of Crimean TV Journalism During the Crimean Spring]. *Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, Vol. 2, no 1–1 (68). Simferopol Publ., 2016, pp. 3–8.
4. *Radio Tochka. Teleradiokompaniya Krym* [Radio Tochka. TV and Radio Company Crimea]. Available at: http://1tvcrimea.ru/pages/radio/stream_provod. (accessed 14 December 2019).
5. *SMI Kryma i Sevastopolya v Mediastisteme Rossii* [Media of Crimea and Sevastopol in the Media System of Russia]. Moscow: MediaMir Publ., 2018, 218 p.
6. *TOP-20 Samyh Citiruemyh SMI Krymskoj Respubliki i Goroda Sevastopolya – II kvartal 2019* [TOP 20 Most Cited Media of the Crimean Republic and the City of Sevastopol-II Quarter 2019]. Medialogy. Available at: <https://www.mlg.ru/ratings/media/regional/5813>. (accessed 15 December 2019).
7. *Ustav Avtonomnoj Nekommercheskoj Organizacii Obshchestvennaya Krymsko-Tatarskaya Teleradiokompaniya* [The Constitution Avtonomnoj Nekommercheskoj Organizacii Obshchestvennaya Krymsko-Tatarskaya Teleradiokompaniya]. TRK Millet. Available at: <http://trkmillet.ru/files/documents/ustav.PDF?fdc>. (Accessed 16 December 2019).

FEATURES OF DEVELOPMENT OF THE CRIMEAN MASS MEDIA IN THE CONDITIONS OF INTEGRATION INTO THE MEDIA SPACE OF RUSSIA

Pervykh D. K.

The modern historical reality is such that today both the Crimean media in Russia and the Federal media in Crimea have to adapt to it. Moreover, they try to use Crimea as a "bargaining chip", and Crimean media often become objects of speculation on political grounds. The Peninsula due to the rich practice of difficult historical precedents remains a difficult region. The task of modern Crimean journalism is to convey information about the Crimean reality as truthfully, objectively and tolerantly as possible not only to Crimeans, Russians, but also to the audience of the near and far abroad.

The article analyzes the issues of development of the Crimean mass media in the first five years of Crimea's stay in the Russian Federation, attempts to determine the functional aspects and efficiency of the Crimean mass media in a competitive environment with the Federal media. Studying the work of Crimean media resources allows us to better understand the nature of the modern media system of Crimea, as well as to determine what place it occupies in the overall media system of Russia. The findings make it possible to understand what are the distinctive features of the Crimean media space from the information field of other regions of Russia, as well as to determine the level of demand for information from the Crimea by Federal and regional media.

Keywords: media system of Crimea, information space of Russia, media of Crimea and Sevastopol, TV journalism, radio journalism, digital broadcasting, information clusters.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Асанова Эльзара Ридвановна – соискатель кафедры теории и практики перевода Института иностранной филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Богданович Галина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурных коммуникаций и журналистики, декан факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Балла Ксения Викторовна – магистр кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Бондаренко Валентина Васильевна – преподаватель Высшей школы перевода (факультет) Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, старший преподаватель Факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, г. Москва, Россия

Бычина Юлия Николаевна – аспирант кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Борисова Людмила Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Вовк Николай Александрович – аспирант кафедры теории языка, литературы и социолингвистики Института иностранной филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Глухенькая Леся Николаевна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Гуменюк Виктор Иванович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой украинской филологии Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Егорова Людмила Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Забашта Роман Валентинович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Калугина Анастасия Юрьевна – магистр кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Курьянов Сергей Олегович – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение)

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»,
г. Симферополь, Россия

Мащенко Александр Петрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Остапенко Ирина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Первых Диана Константиновна – кандидат культурологии, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Петренко Александр Демьянович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолингвистики, директор Института иностранной филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Петренко Даниил Александрович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии Института иностранной филологии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Петров Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное

АВТОРЫ

подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Ряпов Руслан Игоревич – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

Субботина Ольга Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и журналистики факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь, Россия

СОДЕРЖАНИЕ

1. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Асанова Э. Р.

ЖАНРОВЫЙ ГЕНЕЗИС И МОДИФИКАЦИИ РОМАНОВ ДЭНИЕЛА СИЛВЫ О
ГАБРИЕЛЕ АЛЛОНЕ.....3

Борисова Л. М.

«НИКОГДА НЕ РАЗГОВАРИВАЙТЕ С НЕИЗВЕСТНЫМИ»:
ГОРЬКОВСКИЙ СЮЖЕТ В РОМАНЕ М. БУЛГАКОВА.....21

Гуменюк В. І.

ТРАГЕДІЙНІСТЬ ЯК ДОМІНАНТНА СТИЛЬОВА РИСА ОПОВІДАННЯ
ДЖЕМІЛЯ СЕЙДАМЕТА «КЪАНЛЫ КОЛЬМЕК» («ЗАКРИВАВЛЕНА
СОРОЧКА»).....35

Курьянов С. О.

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ПОЭМА Н. А. МАРКЕВИЧА «ДИМИТРИЙ ДОНСКОЙ»:
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИИ В РАМКАХ АВТОРСКОЙ
ИДЕОЛОГИИ.....54

Остапенко И. В., Глухенькая Л. Н.

СТРУКТУРА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА ЛИРИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
КАК ОТРАЖЕНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ СТИХОТВОРЕНИЯ К. Э. ДАФФИ
«ЭНН ХЭТЭУЭЙ»).....73

Рянов Р. И.

ЛОКАТИВНЫЙ АСПЕКТ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗА ТУРЦИИ В
АНГЛИЙСКОМ ТРАВЕЛОГЕ 19 В. (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ).....91

2. ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Бондаренко В. В.

РЕЛИГИОЗНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ ТРАДИЦИОННЫХ
КОЛЫБЕЛЬНЫХ.....105

Забашта Р. В.

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В КОНЦЕПЦИИ «РУССКОГО
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ КРЫМА»126

Петров А. В.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СООТНОСИТЕЛЬНОСТЬ КОМПОЗИТОВ
С МОТИВИРУЮЩИМИ ЕДИНИЦАМИ В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ
ГНЕЗДЕ.....150

3. СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Бычина Ю. Н.

КЛЮЧЕВАЯ ЕДИНИЦА АРЛЕКИН КАК ИСТОЧНИК МЕТАФОРИЗАЦИИ
В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТАХ.....168

Петренко А. Д., Петренко Д. А., Вовк Н. А.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В НИГЕРИИ (ФОНЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)180

Субботина О. А.

ПРЕСС-СЛУЖБЫ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ:
СТРАТЕГИЯ ЭФФЕКТИВНОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ197

4. ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Богданович Г. Ю., Калугина А. Ю.

КОНТЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТИКИ: СТЕНДАП
(ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ).....214

СОДЕРЖАНИЕ

Егорова Л. Г., Балла К. В.

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ СМИ В КУЛЬТУРЕ ДИАСПОР
(НА ПРИМЕРЕ ПЕЧАТНЫХ МЕДИА ГЕРМАНИИ).....227

Мащенко А. П.

РОССИЙСКИЙ КРЫМ В ПУБЛИКАЦИЯХ АМЕРИКАНСКИХ СМИ 2014-2019 ГОДОВ:
ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ СИМУЛЯКРА.....240

Первых Д. К.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КРЫМСКИХ СМИ В УСЛОВИЯХ
ИНТЕГРАЦИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВО
РОССИИ.....265

АВТОРЫ.....284